

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

2(100)

Выходит 4 раз в год. Год издания 17-й

Апрель—июнь 2009

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по каталогу
ОАО «Роспечать»
«Газеты. Журналы»
83193

По Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 3, 54, 102, 113

К нашим читателям 6

РОССИЙСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО, ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ

Лев ГУДКОВ. Условия воспроизводства «советского человека» 8

Владимир КОЛОСОВ, Джерард ТОАЛ. Нестабильность
на Северном Кавказе и современная российская
геополитическая культура 38

Борис ДУБИН. Векторы и уровни коллективной
идентификации в сегодняшней России 55

Наталья ЗОРКАЯ. Православие в безрелигиозном обществе 66

Алексис БЕРЕЛОВИЧ. Упущенный шанс 86

Сергей НИКОЛЮК. Белорусское зеркало 96

Юрий ВАНЦЕВ. «Мое главное этическое правило» 103

Мария ПРАВДИНА. Советское кино как объект современной
культурной рецепции и зрительской привязанности 114

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Алексей ЛЕВИНСОН. К изучению феномена «закрытости» 127

Авторы номера 129

SUMMARY 130

Ответственный редактор
выпуска Б.В. Дубин

Редактор, корректор
О.А. Афанасьева

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

2(100)

Quarterly

April–June 2009

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Boris Dubin
(Deputy Editor-in-Chief)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS 3, 54, 102, 113
For Readers 6

RUSSIAN AND POST-SOVIET SOCIETIES, THEIR CHANGES

The Conditions of «the Soviet Man» Reproduction (by Lev Gudkov) 8
The North Caucasus Instability and Contemporary Russian Geopolitical Culture (by Vladimir Kolossov and Gerard Toal) 38
Vectors and Levels of Collective Identification in Today's Russia (by Boris Dubin) 55
The Orthodoxy of the Society without Religion (by Natalya Zorkaya) 65
The Lost Chance (by Alexis Berelowitch) 85
Byelorussian Mirror (by Sergey Nikolyuk) 95
«My main ethical principle» (by Yuri Vantsev) 103
The Soviet Cinematography as an Object of Modern Cultural Reception and Audience Attachment (by Maria Pravdina) 114

SCIENTIFIC LIFE

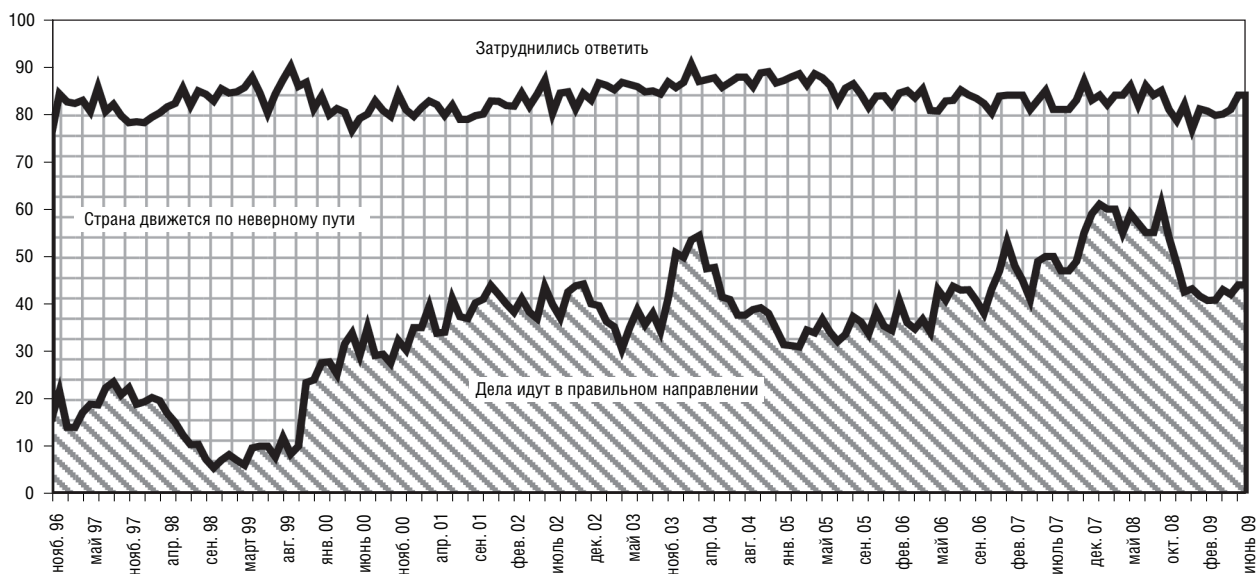
Towards the Study of «Closedness» Phenomenon (by Alexei Levinson) 127

Autors of the issue 129

SUMMARY 130

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

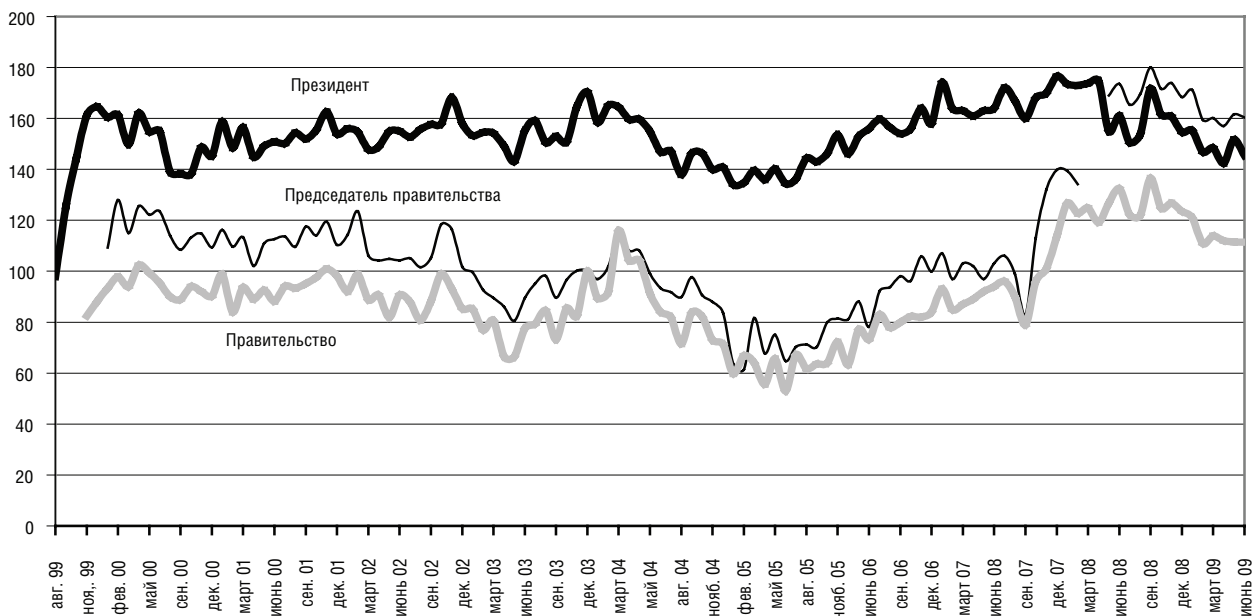
1. ДЕЛА В РОССИИ ИДУТ В ПРАВИЛЬНОМ НАПРАВЛЕНИИ, ИЛИ СТРАНА ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕРНОМУ ПУТИ? (в % от числа опрошенных)

N=1600

2. ИНДЕКСЫ ОДОБРЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА, ПРЕМЬЕР МИНИСТРА И ПРАВИТЕЛЬСТВА

(разность положительных и отрицательных оценок плюс 100)

N=1600

5. ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В РОССИИ: ОЖИДАНИЯ И ТРЕВОГИ

Если говорить о вас и о членах вашей семьи, проживающих вместе с вами, ожидаете ли вы сейчас...? (в % от тех, у кого есть работающие или работавшие в последнее время члены семьи)

Вариант ответа	2008 окт.	2008 ноя.	2008 дек.	2009 февр.	2009 март	2009 апр.	2009 май	2009 июнь
...ЗАДЕРЖЕК ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ								
Это уже происходит	10	21	30	27	30	32	26	24
Это может случиться в течение ближайших недель	8	16	14	11	9	10	7	7
Если ничего не изменится, это может случиться в течение ближайших месяцев	16	15	17	20	18	17	16	12
Думаю, что в ближайшее время этого не случится	52	37	31	33	34	34	41	52
Затрудняюсь ответить	14	11	8	9	10	7	11	6
...УМЕНЬШЕНИЯ (УРЕЗАНИЯ) ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ								
Это уже происходит	6	17	29	30	35	38	33	30
Это может случиться в течение ближайших недель	8	16	15	10	9	9	6	6
Если ничего не изменится, это может случиться в течение ближайших месяцев	16	16	15	18	16	15	15	14
Думаю, что в ближайшее время этого не случится	55	38	32	31	30	30	35	43
Затрудняюсь ответить	15	13	9	11	9	8	11	8
...СОКРАЩЕНИЯ КАДРОВ, УВОЛЬНЕНИЙ С ПРЕДПРИЯТИЯ, НА КОТОРОМ РАБОТАЕТЕ								
Это уже происходит	7	20	30	23	26	25	20	18
Это может случиться в течение ближайших недель	8	13	13	8	8	9	7	7
Если ничего не изменится, это может случиться в течение ближайших месяцев	18	18	18	21	17	19	19	17
Думаю, что в ближайшее время этого не случится	53	33	30	36	39	37	41	50
Затрудняюсь ответить	14	15	10	12	9	8	13	9
...ТОГО, ЧТО БУДЕТЕ ОТПРАВЛЕНЫ В НЕОПЛАЧИВАЕМЫЙ ОТПУСК (ОТПУСК БЕЗ СОДЕРЖАНИЯ)?								
Это уже происходит	-	-	-	14	15	15	11	11
Это может случиться в течение ближайших недель	-	-	-	7	6	8	7	7
Если ничего не изменится, это может случиться в течение ближайших месяцев	-	-	-	18	16	16	15	14
Думаю, что в ближайшее время этого не случится	-	-	-	42	45	45	50	57
Затрудняюсь ответить	-	-	-	19	17	13	17	11
...ТОГО, ЧТО БУДЕТЕ ПЕРЕВЕДЕНЫ НА СОКРАЩЕННУЮ РАБОЧУЮ НЕДЕЛЮ (СОКРАЩЕННЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ)?								
Это уже происходит	-	-	-	19	20	20	17	15
Это может случиться в течение ближайших недель	-	-	-	9	7	9	7	7
Если ничего не изменится, это может случиться в течение ближайших месяцев	-	-	-	17	14	16	16	14
Думаю, что в ближайшее время этого не случится	-	-	-	40	42	43	46	53
Затрудняюсь ответить	-	-	-	16	15	11	15	10

N=1600

К нашим читателям!

Выход сотого номера журнала, при всей условности круглых цифр, – подходящий повод вспомнить о прошлом, оглядеть настоящее и задуматься о будущем.

Наш журнал задумывался первоначально как информационный бюллетень одного научного проекта – «Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения», проводимого нашим славным старым ВЦИОМ'ом. Первый, самый трудный его период (январь 1993–июнь 1994 г.), был реализован при финансовой поддержке американского фонда «Открытое общество» Джорджа Сороса. Сегодня ясна уникальность этого проекта, задавшего тон всему последующему развитию эмпирической социологии в России. Результаты этого этапа работ по проекту публиковались в первых 12 выпусках Информационного бюллетеня (с мая по апрель 1994 г.) под грифами Интерцентра и ВЦИОМ (позднее, с лета 1994 г. прибавился еще один гриф – Академии народного хозяйства). Первые номера редактировала исключительно Т.И. Заславская, затем по очереди все члены редколлегии – Л.А. Хахулина, Ю.А. Левада, З.В. Куприянова, Л.Г. Зубова, Р.В. Рывкина, Л.Д. Гудков и другие. Это было общее дело одной исследовательской команды, что не часто бывает у нас. Такая регулярность объяснялась информационным голодом и ожиданием перемен в стране: казалось, каждый месяц приносит нечто совершенно новое, и это надо постараться ухватить, описать и объяснить. Но уже с 1995 г. стало понятным, что перемены не так уж глубоки, что структура общественного мнения гораздо устойчивее и консервативнее, что она не меняется от месяца к месяцу, как мы несколько наивно полагали в то время. Поэтому короткие описательные отчеты постепенно начали сменяться все более глубоким анализом, акцент с изложения и представления эмпирического материала смещался на теоретическое объяснение процессов в посттоталитарном обществе, его институциональном и культурном изучении. Бюллетень все больше и больше становился научным журналом. Из чисто информационного издания

одного проекта он превратился в орган гораздо более широкого круга социологов, историков, культурологов, политологов, экономистов, юристов и других ученых, объединяемых общими научными интересами и общественными позициями. С 1998 г. название журнала изменилось, он стал называться «Мониторингом общественного мнения», «экономические и социальные перемены» ушли в подзаголовок (с 2003 г., когда весь коллектив перешел работать в Левада-Центр, журнал стал называться «Вестником общественного мнения»). Однако при всех переменах и всем тематическом разнообразии редколлегия сохраняла единство исследовательской программы нашего Центра: изучение параметров трансформации общества и человека. Это отчетливо видно в структуре и материалах сборника «Общественный разлом и рождение новой социологии: двадцать лет мониторинга», изданного по материалам журнала (М.: Новое издательство, 2008).

Журнал стал выходить в апреле 1993 г.: напомним, что в том же году в России стартовали «Новое литературное обозрение» и «Художественный журнал», в 1994-м – «Социологический журнал». Рядом с «Полисом» и «Логосом», начавшими выходить чуть раньше, в 1991 г., и «Миром России», выпускавшимся с 1992 г., названные журналы образовали своего рода «ядерный» состав новых периодических изданий социальной, политической и гуманитарной аналитики, сохранившийся, подчеркнем, до нынешнего дня и позднее пополнившийся «Pro et Contra» (с 1996 г.), «Индексом/Досье на цензуру» (с 1997 г.), «Неприкосновенным запасом» и «Журналом социологии и социальной антропологии» (оба с 1998 г.), «Ab Imperio» (с 2000 г.), а еще позже, уже в двухтысячных годах – «Отечественными записками» (с 2001 г.), «Синим диваном» и «Россией в глобальной политике» (оба с 2002 г.), «Космополисом» (с 2004 г.), «Прогнозисом» (с 2005 г.) и др. Учитывая российские масштабы, объем населения страны, имеющего высшее образование и специальную квалификацию, а главное – набор и остроту общественных

проблем и накопившихся за десятилетия интеллектуальных дефицитов, количество изданий данного типа, их тиражи на сегодняшний день приходится считать оскорбительно малыми. Тем не менее, за прошедшие годы ими накоплен определенный опыт и полезное знание: кажется, сегодня мы все-таки понимаем общество, в котором живем, несколько лучше, чем десять—пятнадцать лет назад. «Лучше» никак не значит «достаточно хорошо», нас далеко не все удовлетворяет в сделанном, и мы будем продолжать работу в избранном направлении. Отличительной чертой деятельности нашего Центра и издаваемого им журнала было и продолжает оставаться соединение опоры на массовые и регулярные репрезентативные опросы населения, его отдельных контингентов с концептуальным анализом проблем постсоветско-

го общества, его институтов и групп, антропологии постсоветского человека, ценностных, смысловых, мотивационных основ его поведения, его социальных и моральных ориентиров.

Выпуск нашего журнала все эти годы вряд ли был бы возможен без участия в нем наших коллег в стране и за ее пределами. Мы и впредь рассчитываем на их авторское присутствие, заинтересованную и профессиональную поддержку, нашу корпоративную солидарность. Мы старались и по-прежнему стараемся расширить круг тех, кто публикуется на страницах «Вестника», привлечь молодых специалистов, в творческом росте и вкладе которых мы заинтересованы. Здесь тоже есть свои трудности, и немалые — так или иначе справиться с ними мы надеемся вместе. Ждем ваших новых идей, соображений и материалов.

Редколлегия

РОССИЙСКОЕ И ПОСТСОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО, ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ

Лев Гудков

Условия воспроизводства «советского человека»

Летом 2008 г. прошла пятая волна опросов по программе «Советский человек». Одной из важных в теоретическом плане задач исследования постсоветского общества, образующих проблемное ядро исследовательского проекта, следует считать необходимость разработки концептуальных и содержательных связей между конструкцией «хomo советикус» и конструкциями механизмов его воспроизводства. Сегодня, после 20 лет исследований, многое уже описано и прояснено в структурах массовой идентичности россиян и их символической картине реальности, в отношении к базовым институтам, в стратегиях жизненного поведения, в типах адаптации и других характеристиках посттоталитарного социума¹. Накопленный материал заставляет провести ревизию и выявить непро-

работанные места и аппарат анализа интерпретации полученных данных. И среди них, как мне представляется, одной из важнейших проблем оказывается неясность того, как, собственно, происходит процесс социализации «советского человека», каким образом в ситуациях разложения отдельных институциональных структур осуществляется воспроизводство этого типа человека, оказывающегося, по выражению Ю.А. Левады, «*институтом институтов*». Цель данной статьи – прояснить пропущенные звенья в самой логике анализа постсоветской трансформации.

В соответствии с этой задачей и строится данная работа: после краткого изложения предыстории вопроса о природе «советского человека» и его идеально-типической модели в работах Левады, я собираюсь рассмотреть структуру понятия «социальный институт», уделяя особое внимание репродуктивным функциям института и различиям институционального доверия в обществах разного типа с тем, чтобы уже с учетом выявленных различий формальных и неформальных отношений в постсоветской России вернуться к проблематике воспроизводства «советского человека» и особенностям процессов социализации в постсоветских условиях, остановившись на некоторых примерах последней.

К постановке проблемы. Суть теоретической задачи «Советского человека» состояла в том, чтобы определить а) как соотносится идеологический проект советской «модернизации» и его реализация; б) что остается от идеологических образцов через 60–70 лет после начала их усиленного внедрения в общественное сознание, т. е. спустя два-три демографических поколения; каким образом условия повседневной жизни трансформируют составляющие идеологического проекта; в) какие институты являются носителями этих образцов (если они сохраняются), а какие – оказываются факторами

¹ Этот проект, инициированный Ю. Левадой и занимавший очень большое место в его работе, был начат зимой 1989 г., когда был проведен первый массовый, еще всесоюзный опрос, по итогам которого была выпущена коллективная монография: Простой советский человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х / Под общ. ред. Ю.А. Левады М.: Мировой Океан, 1993. В дальнейшем этот опрос был повторен с некоторыми неизбежными изменениями вопросника в 1994, 1999, 2003 и 2008 гг. Программа исследования захватывала самый широкий круг тематических вопросов, включая проблематику массовой идентичности, исторического, морального, религиозного сознания, опыта репрессий и насилия, отношения к различным социальным институтам, прежде всего к властным, и другие аспекты социальной антропологии посттоталитарного общества. Полученный материал разбирался и описывался в статьях, вошедших в две последние книги Левады (См.: *Левада Ю. От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993–2000.* М.: МШПИ, 2000. В особенности с. 391–572; *Он же. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005.* М.: Новое издательство, 2006. С. 233–379). Отдельные аспекты проблематики «советского человека» (инерционного и реставрационного неотрадиционализма, «комплекс неполноценности» и «жертвы», явления аморализма, «особость» и другие составляющие структуру негативной идентичности, а также механизмы и функции коллективных «страхов», опорные элементы идентичности, виды символических барьеров, политическое участие и т. п.) разобраны в работах сотрудников Ю.А. Левады – Л. Гудкова, Б. Дубина, Н. Зоркой, экономические проблемы понижающей адаптации – в статьях М. Красильниковой и Н. Бондаренко. Исследование 2008 г. было проведено при поддержке фонда «Либеральная миссия», за что мы приносим фонду искреннюю благодарность.

смены и внесения новых образцов; г) каковы особенности социализационных механизмов «советского человека» и д) каковы социально-исторические последствия воспроизводства этого человека и перспективы общества, в котором подобный тип человека оказывается доминантным.

Каждый тоталитарный режим (советский, фашистский, нацистский, румынский, маоистский, кубинский, иранский и т. п.) выдвигал свой идеологический и национально окрашенный проект построения «нового» общества и систематического целенаправленного «формирования» (выращивания, воспитания) «нового человека» как основы этого общества и условия его проектной реализации в будущем¹. Любой из вариантов тоталитаризма представлял собой реакцию отсталых обществ, оказывающихся в положении «догоняющих», на первичные и успешные процессы модернизации, происходившие в странах Запада. Разные версии тоталитаризма, развертываемые в интересах соответствующей группировки, захватившей власть в стране, включали в себя сочетание форсированного *развития* тех секторов промышленности, которые становились опорой для проведения милитаристской и репрессивной политики режима, и обеспечивающих ее институтов (управления, образования, подготовки кадров, системы легитимации и пропаганды), и *консервации* традиционалистских массовых представлений, легитимирующих структуры господства и его признания массами. Сам по себе набор последних достаточно широк: от мифологизации вождя как спасителя или отца нации, государственного патернализма до архаических коммуитарных форм существования, дуалистского деления мира на «мы/они»². Как правило, тоталитарные режимы на первой и второй фазе своего существования обеспечивали стремительное развитие ВПК и необходимой для него социальной инфраструктуры, но в остальных сферах социальной жизни их политика носила выраженный контрмодернизационный харак-

тер. Тотальный централизованный контроль был направлен на блокировку социальной дифференциации (подавления автономности отдельных сфер — экономики, науки, образования, культуры и др.), делающий невозможными аккумуляцию человеческого капитала, инновации, что вело, в конечном счете, к общей стагнации или даже параличу развития общества³. Крах режимов такого типа был лишь делом времени, как это было с СССР, если только они не сталкивались с последствиями собственной экспансионистской политики и не уничтожались сразу после военных поражений (как гитлеровская Германия, фашистский режим Муссолини в Италии или полпотовская Кампучия при красных кхмерах).

На формирование нового человека были нацелены гигантская машина пропаганды и массовое, идеологически обусловленное образование. Их поддерживали мощный аппарат политических репрессий, а также разнообразные формы социального контроля, охватывающего все уровни институциональной и групповой регуляции (от госбезопасности до соседей или сослуживцев), включая систему повседневной формальной и неформальной социализации.

Образец «советского человека» в период формирования и утверждения советской системы включал неперемное представление о нем как «человеке руководимом» (партией, правительством, властями всех уровней), но не контролирующем саму власть и свое руководство. Тем самым принимался принцип асимметричности человеческой природы, повторяющий на свой лад более ранние традиционные воззрения сословного строя. Однако, в отличие от антропологических воззрений досовременного социума с его пониманием аскриптивной неизменности свойств сословного человека, советские представления о человеке допускали более мягкую трактовку природности социальных качеств и характеристик: идея классовости происхождения, хотя и не ушла далеко от сословно-иерархической антропологии, но все же категорически не отрицала возможностей «перековки» бывших или осознания ими «объективности» присоединения к пролетариату и т. п. («граф» же или «пария» и в заключении оставались один — «благородным графом», другой — парией). Тем самым, неявно полагался принцип экстраординарности, т. е. при необходимости человеческая природа могла пониматься очень широко, как

¹ В последние годы после неизбежной паузы, вызванной уходом поколения, начинается работа по описанию, систематизации и разбору этих идеологических образцов. Постепенно растет интерес академических кругов к тоталитарному искусству и архитектуре, официальной риторике и культуре этого времени. Появляется все больше публикаций, посвященных этим темам. См., например: Соцреалистический канон / Сост. Х. Гюнтер, Е. Добренко. СПб.: Академический проект, 2000; Лалерный В. Культура Два. 25 лет спустя. М.: Новое литературное обозрение, 2006.

² См.: Гудков Л. Тоталитаризм как теоретическая рамка. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 381.

³ Было бы теоретически интересным в этом плане сравнить траектории эволюции режимов Кубы и Китая, чтобы выявить различия адаптационных стратегий режимов.

чрезвычайно пластичная материя, не имеющая в самой себе каких-либо моральных, интеллектуальных и т. п. ограничений. Ее можно назвать даже беспринципностью, бесхребетностью социального человека. Качества вменяемости, дееспособности, морали, ответственности и прочего (а значит, и норм соответствующих человеческих отношений) зависят от занимаемого индивидом социального статуса. Чем ниже социальное положение, тем менее полноценным (или «более неполноценным», недееспособным) рассматривается индивид в структурах социальных взаимоотношений с другими партнерами, причем определяющей в институциональном плане оказывается установка на него самой власти: она устанавливает соответствующее отношение к нему других членов сообщества.

Далее, советский человек — это «новый человек», он не похож ни на людей, что были в прошлом, скажем, до революции, ни на тех людей в других странах. Он — «особенный». Его главное отличие заключается в том, что это человек — «сознательный». Сознательность этого рода сводится к необходимости безропотно принять требования начальства. Необязательно при этом демонстрировать личную преданность власти («идеалам» «социализма» или «партии» и т. п.), но как минимум следует не выражать неодобрения общим мнениям, спускаемым сверху начальством и пропагандой. Это человек, принимающий любую, в том числе — возможную — политику властей без открытого сопротивления¹. Это человек, соглашающийся демонстрировать готовность к самопожертвованию ради «будущего страны», «Родины», «партии», «народа» и тому подобных идеологических субститутутов руководства, но не потому, что он верит этим заклинаниям, а потому что он не считает нужным идти против течения. Он готов терпеть усиление нагрузки на производстве, соглашаться на низкую оплату труда, бедность, карточки, плохие жилищные условия, беспросветность своей жизни и жизни своих детей, поскольку не видит альтернатив этому порядку в настоящем и в будущем.

Следы реализации этого проекта (массовое усвоение подобных образцов, переработка их коллективным сознанием, адаптация к практике репрессивного и пропагандистского институционального воздействия, обживания прошлого опыта и его вытеснение) прослеживаются во множестве исследований нашего Центра.

¹ Ср. с этим церемониальное поведение абсолютного большинства российских избирателей во время электоральных кампаний 2007 и 2008 гг.

Трудности при интерпретации значимости этого образца (и неосознаваемой коллективной работы с ним) заключаются в том, что траектория эволюции тоталитарного режима совпадала или перекрещивалась с траекториями модернизации страны, частично подавляя процессы развития и усложнения социально-культурной системы, частично стимулируя их. Возникающие при этом своеобразные гибридные или химерические формы «традиционализирующей модернизации» создавали дополнительные сложности интерпретации, поскольку закрепление «современных» социальных отношений в повседневной жизни часто принимало вид традиционных, опознаваемых (пусть и «неправильно», «ложно») институтов (сохраняющихся, восстановленных и т. п.), и наоборот, старые — иногда архаические и примитивные — отношения всплывали под вывесками новых «институтов» и учреждений («президентского правления», «парламента», «независимых» СМИ, «частного предпринимательства», «религиозного возрождения», «возвращения к своим национальным традициям и ценностям» и проч.).

Разрывы в системах культурного воспроизводства. Страна на протяжении XX в. — века незавершенной модернизации — переживала несколько волн насильственного и очень быстрого, по историческим меркам, слома сословно-групповой структуры общества. Обстоятельства и практика уничтожения предшествующих укладов существенно различались — мобилизация в Первой мировой войне, большевистский террор во время гражданской войны и в годы НЭПа, эмиграция, захватившая высшие и образованные слои и группы, лишение «бывших» гражданских прав, включая доступ к образованию и соответствующим профессиям или местам работы, коллективизация, классовые чистки и массовые репрессии, тотальная война 1941–1945 гг., борьба с буржуазными пережитками и космополитами, введение паспортной системы, этнические и близкие к ним практики дискриминации. Но последствия оказывались схожими: «нормальная» (институциональная) передача норм, ценностей и групповых представлений от одной социальной группы к другой становилась невозможной. Имели место обрывы или разрывы культурного и социального воспроизводства, дефициты регуляции, что влекло за собой и нарастающую девальвацию культивируемых ранее форм социального поведения, «варваризацию» высших уровней нового общества. Социальная струк-

тура советского общества 30–50-х гг. (а в значительной степени — и позже) характеризовалась сильнейшим несоответствием ценностных представлений о заслугах, культурных ресурсах, морали и иерархии социальных статусов. Повторяющиеся разломы социальной структуры приводили к относительной деградации культурного слоя и люмпенизации социума, поскольку те, кто устанавливал новый порядок, всегда были ниже по своему интеллектуальному уровню, компетентности, прежнего правящего слоя. Тем самым раз за разом повторялось явление, которое с течением времени приобрело парадигматический эффект (он обнаружился сразу после революции, но первые годы воспринимался как чисто историческое, временное или переходное явление): нормы и представления деклассированных городских низов или деревенского актива становились нормой массовых отношений, навязываемых господствующим режимом; усиливалось влияние, если не «шпаны», то «толпы» или связанной с ней «охлократии». Коммунистическое руководство и образовательная стратификация не совпадали. Не возникало того, что являлось важнейшей чертой начальных фаз обществ, прошедших через процессы модернизации («буржуазных обществ», «гражданских обществ»): соединение высокого статуса с обладанием культурными и социальными капиталами — «буржуазия образования», обеспечивавшее в условиях массовизации мощное силовое поле для достижительской мотивации, «приобретения культуры и образования» как условия вертикальной мобильности и новой социальной морфологии. Более того, разрыв между «старым» и «новым» подавался как преимущество нового, советского человека (освобождение от наследия прошлого), как характеристика его «молодости», «открытости» всему хорошему — идеям прогресса, социализма и т. п.¹

То, что сохранялось в классических моделях модернизации на Западе или в Японии — механизмы постепенного заимствования образцов высших групп нижестоящими, трансформация аристократической или патрицианской культуры, в России было полностью разрушено уже к началу 30-х гг.² В советском обществе социаль-

ное положение в иерархии теряет связь с «культурой», личными достижениями, признания которых можно и нужно «заслужить». Статус «высокого» в культуре или морали не сохраняется даже в виде квазипсихологической или этической универсализации (в виде представлений о душевном, «человеческом благородстве»); они заново и в очень аморфном и зачаточном виде всплывут лишь в середине 60-х гг., но и тут не закрепятся³.

Годы между разрывами, когда шла рутинизация прерванных социальных структур и отношений, были наполнены частичным восстановлением утраченного или ускоренным догоняющим развитием. Впрочем, в разных средах этот процесс восстановления «утраченного» («освоения лучших образцов мировой культуры») шел с разным успехом и с разной степенью «допущенного» и разрешенного. Что-то поступало через дырки в заборе из стран соцлагеря, что-то в виде переводов, составляя предмет глубоких внутренних переживаний советской интеллигенции.

Исчезновение подобных представлений о «твердых правилах» облегчило и трансформацию институтов (упразднение собственности, права, независимости суда, традиций, представ-

---

и т. п. поведения), благодаря чему они, освобождаясь от аскриптивных маркировок «прирожденности», становятся объектом присвоения другими, статусно более низкими группами. Из традиционно-сословных они превращаются в нормативные характеристики «должного», «воспитанного», «культурного», «всеобщего» одобряемого социального поведения.

³ Речь не только об исчезновении дворянской культуры, но «буржуазной» (купеческой), предпринимательской культуры «деловых людей», нормах отношений в среде интенсивно формировавшегося российского капитализма. Она полностью исчезло уже к середине 20-х гг., а выжившие были вынуждены отказаться от своих представлений. Осталось послевкусие «измены» как нормы современности. Грубо говоря, нормы набоковской среды или среды рябушинских заместились зощенковской и ильфопетровской. РПЦ (Русская православная церковь) как религиозное ведомство, обеспечивающее ритуально-обрядовое единство этноконфессиональной общности «русских», не совершила то, что сделали (в истории) другие христианские церкви, а именно: разорвали первичные социальные связи внутри кровнородственных отношений (семья, рода, этнической группы), заменив их универсалистскими общностями в вере, в морали, предполагающей субъективное понятие греха, а значит, и субъективное сознание ответственности (вины). В Европе вышедшая из религиозного сознания мораль сняла прежние перегородки и барьеры между отдельными группами по аскриптивным основаниям или сословиями, но РПЦ (по самому определению) как раз именно этого и не делала, не хотела и не могла делать, подчеркивая всякий раз ведомственный и этнический характер обслуживаемой общности. Поэтому «вера» здесь опиралась на ритуал, церемониал, на механизмы селекции и исключения чужого, нового, на магическое сознание, а не на этические проблемы и механизмы. Справедливости ради добавлю, что в советское время у нее не было и соответствующих возможностей, даже если бы она хотела работать в мире.

¹ Часть этих характеристик позднее превратится в массовую «простоту» советского человека, которая подробно разбиралась в работах исследовательской группы проекта. — См.: Гудков Л. Феномен простоты: О национальном самосознании русских // Человек. 1991. № 1.

² Прерывается общая для модернизирующихся стран закономерность универсализации групповых образцов сословно «правильного», «приличного», достойного поведения (происходящих, конечно, из сословных кодексов этикета, чести, благородства, образованности, верности

лений об общественной иерархии как о пирамиде заслуг и достоинств) и связанных с ними уверенности в неотчуждаемости прав личности, ценности личности, не могущих ни при каких обстоятельствах быть упраздненными. А вместе с ними — сознание «долгого времени», культурный смысл рационализации собственной жизни, расчет на перспективу, «определенность» существования и навыки планирования. Ломается авторитет отца как держателя «дела» (там, где он был до того), этики профессионализма, вытесняемый авторитетом государства. Меняется характер социализации. В таком обществе не может быть понятия (представлений) о чести или достоинстве, поскольку нет ни жестких определений автономной группы, ни сословия, возможна, только коллективная — национальная гордость как основа великодержавного чувства превосходства над другими.

Дело не только в иррационализме террора или непредсказуемости политики властей. Более существенным оказывается слом идеи вертикальной мобильности как «карьер» — длительного пути заслуг и обретения (аккумуляции) компетентности (достижение в силу признанных универсальных заслуг, а не признания начальством), позднее, в годы брежневского застоя, — и самой карьеры как выслуживания у начальства подобающих милостей в виде повышения чина, статуса и соответствующих им наборов привилегий и материального обеспечения.

Значительная часть регуляций, которая осуществлялась в сословном обществе неформально, благодаря групповому характеру социального контроля после слома социальной структуры, эрозии групповых норм и насильственного уничтожения самих групп, социально-групповой морфологии общества перешла к новым, репрессивным по своему действию институтам советского общества. Передача функций социального контроля от «группы» (сословия, «высшего», «хорошего», «приличного» или «об-

разованного общества») к новому массовому и тотальному по своим интенциям советскому институту — школе, армии, «производственному коллективу» — означала гораздо более жесткую степень регуляции и социального надзора. Здесь начинало действовать советское «право» (как внешний и исключительно репрессивный институт) и полностью прекращалось непосредственное столкновение политических, экономических, идеологических и других интересов акторов (или оно резко ослабевало), превращаясь в учрежденческую или межведомственную склоку.

Принудительная массовизация социальных отношений имела очень важное последствие: поднялись слои более примитивной и архаической «культуры» — прежде всего, крестьянства — «культуры», которую точнее было бы назвать «антикультурой» с присущей ей этикой простого воспроизводства. Но и эти ее особенности были многократно усилены в советское время «моралью выживания» (и подкреплены лагерной моралью блатных). Следы этого проступают и в настоящем в виде ориентации на упрощенные образцы существования, сниженные даже по сравнению с возможным, на «привычное» как единственно значимое в силу его устойчивости. Ориентация на «сегодня» включает в себя известный фатализм и непредсказуемость ближайшего будущего, готовность «терпеть» и другие стратегии пассивной адаптации к внешнему миру как миру чужому, угрожающему обманом или насилием, а также выражается в виде доверия «только своим» (прежде всего членам семьи, затем — соседям, см. табл. 1–3)¹. У крестьянства поэтому нет и идеи вертикальной мобильности. Социализация здесь характеризуется недифференцированностью, рутинностью, партикуляризмом (в том числе локальностью обычаев и персонификацией социальных представлений, а значит, склонностью к удержанию культурных и символических барьеров, ксенофобией, завистью и т. п.).

Таблица 1

С КАКИМ ИЗ ДВУХ СУЖДЕНИЙ ВЫ БЫ СКОРЕЕ СОГЛАСИЛИСЬ? (от % числа опрошенных)

Вариант ответа	1989	1991	1998	2005	2006	2007	2008
Людам можно доверять	52	34	23	22	26	26	26
С людьми надо быть осторожным	41	42	74	76	72	68	70
Затруднились ответить	6	24	3	2	2	6	4
<i>Число опрошенных</i>	<i>1400</i>	<i>2400</i>	<i>1700</i>	<i>1800</i>	<i>1600</i>	<i>2000</i>	<i>2000</i>

¹ Как видно из данных таблиц 1 и 2, распределение ответов резко изменилось после 1991 г. и сохраняется таким уже более 15 лет: сумма ответов «недоверяющих» составляет 70–76%, доверяющих — 22–26%.

Таблица 2

В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ СО СЛЕДУЮЩИМ СУЖДЕНИЕМ: «ДОВЕРЯТЬ СЕГОДНЯ НЕЛЬЗЯ НИКОМУ, РАЗВЕ ЧТО САМЫМ БЛИЗКИМ ЛЮДЯМ?» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1994 ноябрь	2001 январь	2008 июнь
Совершенно согласен	38	41	33
Скорее согласен	36	37	40
Скорее не согласен	14	16	19
Совершенно не согласен	4	4	3
Затруднились ответить	8	2	5
<i>Число опрошенных</i>	<i>3000</i>	<i>1600</i>	<i>1600</i>

Таблица 3

ЛЮДИ ПО-РАЗНОМУ ОТНОСЯТСЯ К СВОЕЙ ЖИЗНИ, К БУДУЩЕМУ: ОДНИ СТАРАЮТСЯ ВСЕ РАСПЛАНИРОВАТЬ И ПРЕДУСМОТРЕТЬ, ДРУГИЕ ЖИВУТ, КАК ЖИВЕТСЯ. ЧТО В ЭТОМ СМЫСЛЕ ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О СЕБЕ?¹ (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1989	2008
Я обычно не строю планов на будущее	43	36
Я знаю, что со мной будет в ближайшие год-два, а на большее я не загадываю	17	33
Я рассчитал так, что добьюсь своей цели лет через десять	3	6
Жизнь моя и моей семьи наладилась, вряд ли в ней что-то изменится	11	5
Полагаю, что через несколько лет моя жизнь серьезно изменится	11	10
Затрудняюсь ответить	16	10
<i>Число опрошенных</i>	<i>1500</i>	<i>1600</i>

В советской или российской урбанистической литературе подобные явления описывались как «руризация» городского населения. Но вторжение низовой деревенской или слободской культуры и представлений было лишь одним из проявлений периодически возникавшего социального механизма ценностного «снижения», «понижающего трансформатора».

Последствия этих процессов были многообразны и не всегда воспринимались как системное явление. Скажем, такая вещь, как «бедность общества». Для абсолютного большинства населения (в недавнем прошлом, и в значительной степени и в настоящем) характерна доминирующая ориентация на немедленное потребление, фобии нового, незначительность

(нереальность, нереалистичность самой идеи) накопления. Все заработанное («полученное») проживается, не будучи откладываемым до следующей «получки». Нет ни ресурсов сбережения, ни смысла откладывать и сберегать². А потому доминируют очень короткие (по радиусу доверия) социальные связи и, соответственно, не возникают, и не могут возникнуть навыки и нормы рациональности взаимоотношений (взаимодействия с обобщенными другими, горизонтальные формы институционализации). Формальные институты выступают и могут восприниматься исключительно как государственно-принудительные или репрессивные организации, ограничивающие субъективные интересы и возможности, даже если это школы или библиотеки³. А раз нет субъективного измерения, то не возникает и общего направленного, линейного «времени» (или оно ограничено отношениями с государством).

В этих обстоятельствах сочетание формальных и неформальных механизмов регуляции принимает наиболее распространенную форму частно-коллективных отношений зависимости: коллективное заложничество (в семье, бригаде, отделе в учреждении, колхозе). Его особенность — все члены группы подчиняются правилам поведения, направленным на уменьшение шансов внешнего давления и репрессий, даже в ущерб собственным интересам. Один отвечает за всех, все за одного. Такой тип социальной организации (внешне-внутренние ограничения, накладываемые на индивидуальное поведение) снимает вопросы морали, универсалистских механизмов регуляции, вопросы личной ответственности и достижительских установок. Можно сказать, что такого рода функциональные механизмы производят эффект систематической деморализации (в смысле упразднения значимости этических универсалистских правил действия) и задают или поддерживают

² Сбережения, по данным опросов Левада-Центра, год назад имелись у 29–30% населения, в настоящее время они сократились до 20–22%. Размер их невелик и не превышает у основной массы эквивалента текущего потребления в течение 3–6 месяцев обычной жизни. Но дело не только в ограниченности фактических ресурсов (хотя это очень существенное обстоятельство), но и в слабости установки на накопление, бережливость, обусловленной неуверенностью в завтрашнем дне, и стойком недоверии к институциональной системе, не позволяющей планировать собственную жизнь, не поддерживающей сознание «долгого времени», идею строительства собственной жизни.

³ Об особенностях и последствиях руководства массовым чтением см.: Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт. М.: Новое литературное обозрение, 1994; *Они же*. Интеллигенция. Заметки о литературно-политических иллюзиях. М., 1994; 2-е изд. СПб., 2008. С. 11–103.

¹ Временной горизонт у абсолютного большинства сегодняшних россиян ограничен максимум одним-двумя годами (в 1989 г. — у 60%, в 2008 г. — 69%).

значимость исключительно ситуативно определенных правил поведения, поддерживаемых группой или ближайшим окружением. Последствия этого хорошо известны и очевидны: ограничение мобильности, снижение продуктивности, повсеместное распространение халтуры как нормы и показное поведение, социальный инфантилизм, хроническая депрессия, вызванная ослаблением индивидуализма, ограниченность временных горизонтов. Застой — это безвременье, уравниловка, безнадежность, бедность (но не нищета), партикуляристские формы вознаграждения, парцелляция социальных кругов, связей и сфер взаимодействия. Говоря об особенностях социализации в таком сообществе, следует отметить снижение авторитета родителей, прежде всего, отца, и усиление значения реер-groups и неформальных сетей отношений.

Разрушенные в ходе насильственной ломки или принудительной индустриализации и урбанизации традиционные уклады существования различных групп постепенно замещаются смешанным и столь же принудительным барачным (фабрично-слободским) или коммунальным образом жизни, а затем (постепенно, начиная со второй половины 60-х гг.) расселением коммуналок и переселением в отдельные малогабаритные квартиры. С этого момента начинает постепенно меняться характер социализации — растет значение семьи, а значит, медленно расширяются и зоны свободы, понимаемой как зона приватности, т. е. ограничения принуждения. Эпоха застоя и начало первичного «накопления» и формирует поколение родителей нынешних 35–40-летних. В этот период потолок мобильности для абсолютного большинства населения задан параметрами мобильности территориальной (горизонтальные перемещения как социальный подъем).

Российская институциональная система, создание которой провозглашено в 1993 г., инкорпорировала в себя в очень большой степени старые структуры, с течением времени подмявшие новые институты (независимую прессу, суд, бизнес и т. п.). Нормы институционального поведения (в том числе и «доверия»), сформированные в 1970–1980-е гг., но не утратившие своей силы и сегодня, проявляются в первую очередь через отталкивание от внешних предписаний, с одной стороны, и отрицание последующим поколением позитивного опыта и достижений своих «родителей», отношения к ним как к «неудачникам», «лузерам», людям, «ушибленным» «совковой» идеологией «недодачи». Иначе говоря, разрывы в социокультурном

воспроизводстве компенсируются неформальными механизмами партикуляристской социализации индивида, точнее, возникает симбиоз разных типов социализации, ведущий к стерилизации универалистских представлений и регуляций поведения у абсолютного большинства населения.

«Советский человек». Сущность теоретической проблемы «советского человека» (постсоветского человека) заключается в том, чтобы выявить логические и содержательные *взаимосвязи* распадающейся или меняющейся *институциональной системы* тоталитарного общества-государства и соответствующего ей *антропологического типа* (равно как и его изменения или сохранения). Слово «соответствующего» в данном контексте означает неполную тождественность «человека» нормативным требованиям системы и ожиданиям держателей идеологического контроля (морально-политического единства руководства и населения, «партии и народа»), коррелятивную, функциональную взаимосвязь институциональных и групповых норм этой системы и наборы средств или «механизмов» приспособления к ним. Тоталитарный режим никогда не достигал состояния монолитности общества, даже во времена большого террора. Он мог вызвать состояние коллективной принудительной мобилизации, заканчивающейся общественной моральной тупостью или массовым «одичанием», но и то и другое никогда не было окончательным или всеобщим. Относительная самостоятельность человека, вызванная неупразднимой гетерогенностью условий существования¹, выражалась в неполноте требуемой режимом общественной «выдержанности». Следование требованиям властей обычно было показным, подневольная, низко оплачиваемая работа сопровождалась халтурой, разнообразными уклонениями от исполнения, демонстрация лояльности — административным торгом и коррупцией, не говоря уже о трудно прослеживаемых последствиях двоемыслия, дисфункциях, латентных или отдаленных последствиях усвоения подобных образцов и правил поведения.

Описываемый нами «советский человек», как не раз подчеркивал Ю.А. Левада, —это

¹ Хотя бы додерновой повседневностью в удаленных от крупных городов деревнях, в которых проживало более половины населения страны, вытягиваемого в силу внешних обстоятельств: война, принудительные работы на «великих стройках коммунизма», репрессии и т. п. — в зоны социальной «перековки».

идеально-типическая конструкция посттоталитарного человека (человека на поздних фазах рецепции идеологемы «нового /советского/ человека» и реализации в общественной практике). Она фиксирует социальные последствия принятия обществом этого нормативно-ценностного образца коллективного поведения (паттерн) и эмпирические свидетельства его эрозии и распада. В этом плане особенности массового поведения, фиксируемые в ходе массовых опросов и описываемые Левадой и его сотрудниками в качестве характеристик «советского человека», не могут и не должны интерпретироваться как поведение *отдельного* или *реального* человека или некой особой «группы». «Советский человек» — синтетическая конструкция, предназначенная для интерпретации наборов различных социальных характеристик (стандартов идентичности, комплексов, стратегий действия — адаптации, консолидации, протеста, достижения, выражения страхов и т. п.), распределение которых в разных социальных группах или средах может (и должно) существенно различаться. И эти различия, собственно, и фиксируются с помощью данной модели взаимосвязи институциональных форм и антропологических характеристик. Сравнивая идеальный тип с данными опросов (мнениями людей), мы можем говорить о большем или меньшем соответствии поведения людей, относимых к разным социальным группам или социальным средам, нормативному образцу. Поэтому не обязательно, чтобы совокупность этих черт или свойств была присуща подавляющему большинству населения. Вполне достаточно, как и полагал Левада, чтобы для подтверждения эмпирической значимости этой конструкции ее элементы обнаруживались у 30–40% членов общества (конечно, если составляющие образец элементы не случайны, а образуют устойчивую, т. е. воспроизводящуюся структуру). Задача заключается в том, чтобы в ходе анализа образцов установить их функцию: играют ли они «символическую», «нормативную» (предписывающую) или «регулятивную», обозначающую или санкционирующую, роль. Важно, чтобы хватало достаточных оснований для того, чтобы можно было говорить о наличии взаимосвязи между группой или институтом (т. е. общими конструкциями коллективного поведения, идентифицируемыми в качестве «института» или «группы») и «человеческими свойствами» для того, чтобы делать вывод об обусловленных ими социальных следствиях или зависимостях «человеческих представлений» от морфологической и функциональной структуры общества.

Соединяя в единое целое различные формы или проявления массового сознания в качестве характеристик «советского человека», описанных Левадой и другими в ходе осуществления этого проекта, мы можем следующим образом представить отдельные черты этой конструкции. «Советский» (постсоветский) человек — это

1) *массовидный, усредненный* (т. е. ориентирующийся на норму «быть как все»), для которого «типичность», усредненность оказывается очень важным элементом самоидентификации и регуляции, а потому подозрительный ко всему новому и своеобразному; неспособный оценить достижение (в том числе понять поведение) другого, если оно не выражено в языке иерархии государственных статусов;

2) *приспособленный*, адаптированный к существующему социальному порядку, в том числе и через снижение порога или уровня запросов и требований; адаптация носит пассивный характер, поскольку массовый человек так или иначе, с ропотом или безропотно принимает произвол остающегося по-прежнему бесконтрольным «государства» (ранее — открыто репрессивного, воспринимаемого как консолидированный аппарат, позднее, уже в постсоветское время, — теряющего черты единой, тотальной идеологической машины и распадающегося на отдельные властно-бюрократические группировки, региональные, олигархические кланы или корпоративные альянсы реальных собственников страны и ее населения, легитимность которых уже ничем не может быть подкреплена, кроме традиционной покорности населения);

3) это «простой» человек, *ограниченный* (в интеллектуальном, этическом и символическом плане), не знающий иных моделей и образов жизни, поскольку ему приходится жить в условиях изолированного и репрессивного общества; но это одновременно человек, ориентирующийся на упрощенные образцы отношений, более того, выдвигающий свою примитивность и бедность как «достоинство», как превосходство над «другими»;

в то же время это

4) иерархический человек, четко осознающий, что не только экономические и социальные блага (стандарты жизни, потребления, прав, свобод), но и человеческие права, внутреннее достоинство, уважение, «честь», признание человеческой ценности, понимание допустимого, этические нормы, интеллектуальные качества и способности, аспирации, потребности и самооценки распределяются в

соответствии с социальным статусом и положением в структурах власти; социальная gratификация и признание, а значит, распределение авторитетности (влияния, легитимности, ценности) носит исключительно пирамидальный характер и не связаны с достижениями или особыми личными качествами и способностями индивида; точнее, достижения или способности могут быть признаны исключительно в рамках «должности», границах «страта» или положения в системе иерархических статусов; это означает, что универсальность норм, оценок, принципов gratификации здесь не признается, не работает; санкции любого рода, как позитивные, так и негативные, получают исключительно партикуляристское, ситуативное значение, почти всегда с учетом принципа «взирая на лица»; в таких социальных обстоятельствах понятие «элиты» (как механизмы самоорганизации, селекции достижений) не работает, в общественном дискурсе оно отсутствует, поскольку «номенклатуре» уже сама идея «элиты» глубоко чужда, и она искореняет ее со всей мыслимой враждебностью¹;

5) хронически *недовольный* человек, прежде всего тем, что предоставляется ему в качестве всем «положенного», а потому *разочарованный*, завистливый, фрустрированный постоянным и систематическим расхождением внутренних запросов, и тем, что ему «дано», тем, что ему предоставляет «жизнь» (это своего рода резидуум невыполненных социальных обещаний и идеологических обязательств предшествующего режима), следовательно,

б) считающий себя вправе обманывать всех, с кем он имеет дело: как начальство, власть, так и своих близких; это *лукавый* человек, демонстрирующий лояльность властям и своему окружению, но по-настоящему заботящийся лишь о своем выживании или об очень узко понимаемых прагматических интересах. Именно поэтому такой тип есть

7) *неуверенный* в себе человек, поскольку (из-за неразвитости и недифференцированности, неспециализированности институтов) он никогда не может полагаться на действие правил формальных государственных институтов,

¹ Идеи элиты нет, но дефицит ценностной разметки социального пространства никуда не девается, а потому возникают масса слов-паразитов, маркирующих эти дефициты, но переводящие их исключительно в потребительский план: «элитное белье», «элитные двери», «элитный поселок» и т. п. Тем самым, массовая культура (для которой эти маркировки вещь самая обычная) выступает в качестве китчевой компенсации комплекса неполноценности общества, не знающего, что такое ценности.

а значит, на правовую и социальную защищенность, стабильность, предсказуемость условий своего существования в обстоятельствах хронического административного и социального произвола; практически это означает невозможность для индивида оснований для надежной самооценки и самоуважения, хронический комплекс недооцененности, коллективной ущемленности;

8) вместе с тем его разочарованность и чувство неполноценности компенсируется сознанием своей (массовой, коллективной) *исключительности, превосходства* (причастности к чему-то «особенному», «сверхзначимому», «надындивидуальному» — великим державе, империи, народу) — опять-таки являющемся одним из остатков, резидуумов идеологии «нового человека», исключительности советского общества, «особого пути» России и т. п.): и в то же время эти чувства прорываются неуправляемой *ностальгией* по идеализируемому прошлому, к которому относят все несостоявшиеся мечты, иллюзии, комплексы, желания; добавим сюда же и связанные с этим разнообразные комплексы, страхи вплоть до ксенофобии и параноидальной убежденности в существовании внешних и внутренних врагов, темных сил и «заговоров против России»;

9) жесткость предъявляемых к нему нормативных требований и правил снимается не только *двоемыслием* и лукавостью, но и *коррупцией* (причем эта коррупция двунаправленная: подкупается не только власть в лице разного рода чиновников и надзирателей, раздатчиков государственных услуг и благ, но само население — через различные подачки, привилегии, послабления, поощрения, посулы и разнообразные символические знаки избранности или хотя бы выделенности (включая и принадлежность к «особым» статусам и допускам).

Уже из этого перечисления (которое может быть продолжено) эмпирически устанавливаемых характеристик массового посттоталитарного сознания, объединяемых в понятие «советского человека», становится очевидным, что специфика посттоталитарной антропологии обусловлена не просто (или не только) *инерционностью* институтов, оставшихся от предыдущих эпох тоталитарного режима и последовавшей эволюции государственной машины. «Институциональная инерционность» является слишком слабым, внешним объяснением гетерогенности советского человека. Эта версия предполагает всего лишь констатацию все более заметной *неравномерности* развития разных институтов,

разной скорости идущих трансформационных процессов в посттоталитарном обществе, но она ничего не говорит о причинах этой трансформации. Более того, сама эта неравномерность может быть замечена и осознана лишь с проективной (или идеалистической, ценностной) точки зрения на желаемый ход событий. Мы вынуждены — чисто методически, а не содержательно — дистанцироваться от нашего материала — тем самым полагать некоторую гипотетическую или аналитическую позицию делающей возможным «объективацию действительности» (с позиций транзитологии, модернизации или демократизации), чтобы иметь возможность сравнения полученного материала с какой-то абстрактной моделью, построенной по принципу «теоретического отнесения к ценности»¹.

Левада связывал крах советской системы, растянувшийся на несколько лет (1989–1992 гг.), с невозможностью воспроизводства этого «человека». Он полагал, что в чистом виде можно говорить лишь об одном советском поколении, том, которое родилось между 1920 и 1930-м гг., было воспитано уже сформированными советскими институтами, жило в этих условиях и чей постепенный уход из жизни может служить объяснением развала соответствующей институциональной системы². Для таких утверждений в конце 1980 — начале 1990-х гг. имелось достаточно оснований, подкрепляемых материалом эмпирических исследований. Однако в 2000-х гг. вместе с начавшейся сменой «поколения перестройки» резко усилились консервативные и ностальгические настроения, задавшие рамки рекомпозиции авторитарного режима, и стало очевидным, что воспроизводство советской системы продолжается, по меньшей мере, частично, что многими было воспринято в качестве явлений реставрации. В одной из своих последних статей Левада пересмотрел свое понимание «одного поколения советского человека», а это, соответственно, вновь поставило вопрос об устойчивости этого антропологического типа³.

¹ Безусловно, это дает повод критикам говорить о зависимости такого способа анализа от определенных идеологических установок, об ангажированности исследователей, но справедливой подобная критика будет лишь в том случае, если она покажет, как искажается фактическая картина реальности в нашей интерпретации, т. е. повторит интерпретацию полученных данных с других ценностных позиций.

² См.: Левада Ю. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006; статьи: «Поколение XX века: возможности исследования» (2001), а также «Заметки о проблеме поколений» (2002) и «Три поколения перестройки» (1995).

³ См.: Левада Ю. «Человек» обыкновенный» в двух состояниях // Он же. Ищем человека. М.: Новое издательство, 2006. С. 364–379.

Исходя из проведенного ранее анализа процессов в российском обществе, мы можем говорить, что распад тоталитарной системы обусловлен целым набором факторов. Речь идет не о действии какой-то одной, пусть и крайне важной причины, а о невозможности воспроизводства *всей* системы институтов в целом, столкновении интересов в высшем эшелоне управления страной, падении управляемости системой, вызванном незаинтересованностью людей в продуктивной работе, истощением ресурсов принуждения.

На протяжении последних 20 лет мы наблюдали, как быстро меняется структура взаимодействия в тех сферах, где слабеет или исчезает прежний государственный монополизм, как быстро возникают новые социальные организации и формы взаимодействия (бизнес, массовые коммуникации, массовая культура, образцы потребления и образы жизни). Однако неизменным остается опорный институт тоталитарного общества — структура бесконтрольной власти, меняющей формы своей социальной организации, персональный и кадровый состав, даже правовое, включая и конституционное, обеспечение. Именно властные институты и те, на которые власть опирается: суд, армия, политическая полиция и другие спецслужбы и силовые структуры, — а также система образования (типовая средняя школа, вузы) оказывают угнетающее влияние на развитие в институциональных сферах, освободившихся от принудительной связи с символическими значениями национального целого. Их потенциал динамичного развития сдерживается самыми грубыми и простыми репрессивными средствами, «механически», — коррупцией, связанной с монополией на власть, и административным принуждением. Но назвать их «инерционными» уже нельзя, поскольку эти институты играют важнейшую функциональную роль в сложившейся системе, они обеспечивают — при всей сомнительности своих практик — достаточную для сохранения опорных институтов степень массовой поддержки или, по крайней мере, подавления массовых протестов и выступлений, которые могли бы угрожать держателям власти. Кроме того, все большее социальное значение получают те домодерные традиционные институты, которые в принципе ориентированы на консервацию социума (например, православная церковь).

Таким образом, мы имеем дело с противоречивым сочетанием в настоящем институтов из разных исторических эпох, принадлежащих

к разным режимам, разным социальным системам, но именно эта композиция нейтрализовала или стерилизовала возникший в ситуации развала советской власти потенциал трансформации и модернизации страны.

Сами по себе эти институты господства не могли бы функционировать, если бы они не опирались на соответствующие массовые стереотипы и убеждения, составляющие ядро «советского человека». Исследования, проведенные за эти годы в рамках проекта «Советский человек», свидетельствуют об устойчивости многих массовых представлений, играющих важнейшую роль в поддержании коллективной идентичности, а соответственно, референции массовых запросов и базовых ориентаций (например, таких, что суммируются в наборе характеристик «государственного патернализма», милитаризма, великодержавности). Межпоколенческое воспроизводство этих символических представлений обязано функционированию не только очевидных репродуктивных институтов (школы, вуза, армии), но и самому институциональному контексту, социальной среде, допускающим подобные представления и символы. Возникающие новые институциональные структуры (например, экономические образования, формы массовой культуры или новые коммуникативные посредники) оказываются либо индифферентными, нейтральными по отношению к старым репрессивным институтам, либо малозначимыми, влияние которых легко преодолевается более мощными по характеру интересам структурами, стремящимися получить квази-традиционную легитимацию. Такое соображение заставляет нас сделать следующее умозаключение: недостаточно ограничиться указанием на номинальную функцию института, необходимо выявить его латентные воздействия на поведение людей и социальные дисфункции в рамках всей социальной системы. Поэтому рассмотрим структуру самого понятия «социальный институт» как центральной категории в анализе системы социального воспроизводства.

Социальный институт. Социологическое понимание института заметно отличается от распространенной сегодня в российской литературе по социальным и экономическим наукам экономической концепции¹. В последней

¹ Например, признанный одним из самых авторитетных авторов в этом отношении Дуглас Норт выделял в качестве доминантной функции институтов установление правил – «ограничительных рамок, которые организуют взаимоотношения между

институт рассматривается как совокупность устойчивых правил действия, создающих организационные формы поведения («предприятие», «крупный бизнес», «государство» и проч.). Тем самым здесь понятие «институт» совпадает с понятием «организация» или специальным образом не разводится с ней. Социологическое понятие «социального института» («социальный институт – это устойчивое социальное взаимодействие, воспроизводящееся независимо от персонального состава действующих лиц, поскольку оно закреплено внешним, правовым образом») предполагает не просто регулярно повторяющуюся структуру социального взаимодействия, но и дополнительные к ним «механизмы» репродукции этих правил взаимодействия (коды институционального поведения), а значит, научение им (процедуры социализации), слежение за их соблюдением (поддержание системы социального контроля), возможно также – устранение в них несогласованности и противоречий. Институт – это не только система или набор норм и правил поведения, на которую ориентируются актор, его партнер/партнеры, или другие, третьи лица, не включенные в актуальное взаимодействие, но могущие в принципе быть включенными в неопределенном будущем, но и условия воспроизводства этих правил в дальнейшем и их поддержания, благодаря чему участники взаимодействия могут следовать им с высокой и предсказуемой вероятностью, ожидая адекватного поведения других.

Таким образом, в социологии в понятии социального института подчеркнута длительность

людьми» (Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 17). Сужая сферу возможного поведения, они позволяют предвидеть актору последствия собственного поведения и поведения других, что снижает для него риски неудач, ущерба, обмана и тому подобных нежелательных обстоятельств действия. В такой трактовке мотивация институционального поведения с самого начала экономизируется и рационализируется по модели инструментального действия (цель – средства – учет последствий выбора средств для достижения целей или возможных издержек, связанных с этим). Такая модель интерпретации институционального поведения кажется эвристической и пригодной для объяснения экономического поведения в *устойчивых* на протяжении длительного времени и упорядоченных социальных обстоятельствах и не слишком адекватной для других институциональных сфер, где на первый план могут выходить другие типы социального действия – ценностно-рационального, традиционного, игрового и т. п. Но и по отношению к исследованиям экономики (как системы) эта модель должна использоваться с очень большими оговорками, поскольку она неявным образом вытесняет неинструментальные формы структуры экономического взаимодействия.

этих взаимоотношений и зависимость от других институтов, т. е. системный характер упорядоченных отношений в обществе. Это значит, что нормы (правила), определяющие порядок социальных структур, содержат регламентирующие предписания по своему введению, использованию и ограничению, что они «независимы» от функционального назначения института (выделены из корпуса самих правил конкретного взаимодействия), а значит, передаются какими-то другими процедурами, нежели сами предписания (нормы) рассматриваемого взаимодействия. Появление институциональных подсистем – это признак «развития», идущей социально-функциональной дифференциации института (и социальной системы в целом). В культурном плане развитие означает отделение форм актуального взаимодействия от их «записи» (и содержания записи от языка их «форм»), а значит, личности акторов от самих норм.

Для меня здесь важно подчеркнуть надличный (или, как раньше говорили, «объективный») характер института, сохраняющегося помимо воли и желаний включенных в него акторов¹. Экономисты, когда говорят об институтах, имеют в виду «социальные организации» (коллективные субъекты действия в экономике: фирмы, компании, ассоциации малого или крупного бизнеса и т. п.), которые могут и не пережить смены состава участников взаимодействия. Социальный институт² не сводится

¹ Например, личные библиотеки царей не институт, а императорская библиотека, становящаяся публичной, как это произошло с Публичной библиотекой в Санкт-Петербурге (Салтыковкой) или библиотекой Румянцевского музея (Ленинкой), превращаются в национальные библиотеки (социальные институты), поскольку вместе с публичным характером они получают режим работы, регламентируемый допуск читателей, внешнее финансирование, строго определенный порядок комплектования (в расчете на кого и что собирать и хранить и как хранить), структуру фондов, закон о национальной библиотеке и проч. Национальные библиотеки, воплощая «объективный дух нации», идею полноты и «завершенности» национальной культуры, создают проективный фонд значений воображаемого сообщества нынешних или будущих читателей, программируя тем самым воспроизводство «нации» как культурного целого. Личная же библиотека князей или буржуазного семейства (частное собрание книг) не переживает смерти своего владельца и расформируется, если только это не родовая библиотека представителей профессиональной династии (врачей, нотариусов, ученых, музыкантов) или если она не входит в качестве отдельного фонда хранения в состав более значимой публичной библиотеки. Поэтому многие личные дворцовые книжные собрания исчезли, а Ватикана – существует уже много веков. См. об этом: *Karstedt P. Studien zur Soziologie der Bibliothek*. Wiesbaden, 1954.

² Я отвлекаюсь сейчас от того, какой именно это социальный институт: **традиционный**, например, православная церковь, а значит, с неформальными, неформализованными и некодифицированными нормами социального контроля, осуществляемого *всем* сообществом

к системе правил и норм, а включает в себя механизмы как *социального контроля* за соблюдением, так и *поддержания этих правил и норм*. Институциональные нормы (и это их непереносимое отличие от организации, которая может основываться на мягких конвенциях или временных соглашениях) требуют обязательного закрепления их в «праве». Последнее может быть обычным правом или формализованным. В последнем случае оно предполагает сведение нормативных положений в нормативно-правовые и процессуальные кодексы, оказывающиеся продуктом работы специализированных инстанций по их соблюдению, по инициированию санкций против нарушителей, проводимых в полном соответствии с разработанными рациональными процедурами. Кроме того, социальный институт включает в себя неявные (как в случаях традиционных институтов, например, церкви или семьи) или – и с течением времени приобретающие все больший объем – *явные процедуры научения, обучения, образования, социализации, выделяющиеся в специальные институциональные подсистемы, делающие институты все более специализированными, а значит, более сложными, т. е. дифференцированными, а значит, взаимозависимыми.*

Обучение в широком плане предполагает (и чем дальше, тем больше) не просто демонстрацию целостного образца действия (как это имеет место в традиционном обществе или в ситуациях традиционного поведения, сохраняющегося в нынешнем современном обществе – ритуалах разного рода: похороны, свадьба, кулинарное и пищевое поведение), но и расчленение его, специализацию по отдельным функциональным составляющим. Традиционная социализация сводится к воспроизведению целостного образца действия в самом поведении, от лица к лицу, без специальных посредников – учителей, учебников, ситуаций обучения, в самом непосредственном действии, все равно – производственном, сексуальном или ритуальном, которые трудно различимы в архаических фазах. «Модернизация» (возникающая с разделением «работы» и «дома», места и времени регламентированных извне занятий, формальных или «домашних») начинается с обучения «нормам» (при соответствующем наборе все более расширяющихся и умножаю-

или старейшинами, носителями традиций, или **модерный**, формализованный, структура которого дифференцирована в соответствии с четко выделенными компетенциями, социальными ролями, а значит, обеспечиваемый функционированием других специализированных институтов в соответствии с их доминантной функцией.

щихся санкций со стороны непосредственного окружения, а затем и специализированных институтов) и завершается «рецепцией» ценностей, определяющих смысл функционирования института как целого. Ценности, в отличие от норм, не связаны с механизмами социального контроля, а потому не предполагают санкций в актах выражения своей значимости. Ценностям, в отличие от нормативных предписаний, нельзя «научиться», поскольку это не набор непосредственных ситуативных предписаний или обобщенных благ (медиаторов мотивации действия). Ценности, по определению, — это всегда «меры», т. е. соотношения различных по источникам значимости, глубоко интернализированных и генерализованных социальных регулятивов поведения. Они суть *субъективно* устанавливаемые соотношения расходящихся (не обязательно конфликтующих) нормативных систем групп и институтов. Ценности проявляются исключительно как субъективно значимые императивы и лишь в двух модальностях: «образцовости» или «обязательности» (долженствования). Поэтому ценности как тип регулятивных образований присущи лишь высокодифференцированным и специализированным обществам и их группам.

Само их появление может служить предпосылкой и характеристикой формирования «субъективности», современной личности, не принадлежащей целиком ни к одной социальной группе или общности¹. Ценности — характеристика только очень сложных дифференцированных и специализированных институциональных систем; наличие их в том или ином виде, в свою очередь, можно считать признаками процессов интенсивной социальной дифференциации. Функция ценностей — включение или управление социальными нормами. Отличие последних от «ценностей» заключается в конкретном наборе или диапазоне санкций, от позитивных — поощрительных и вознаграждающих gratification — до негативных — осуждения и репрессий. Без санкций не может быть социального контроля, а значит, нормативного представления социальных ролей и конституирования ролевого взаимодействия. Только при более или менее определенных рамках того, что составляет ролевой набор «ре-

пертуар» института, а стало быть, и «драматургию» социального взаимодействия, возникают устойчивые социальные ожидания, aspirations, планы действующих лиц, делающие поведение акторов предсказуемым и предвидимым и, тем самым, понимаемым и принимаемым в расчет другими с той или иной вероятностью².

Там, где речь идет о санкциях за «нарушения» морали, за насаждения «дурных вкусов» в эстетике, преследования за убеждения (преступления против «религии», идеологии, национальной культуры и проч.), там не может быть и речи о «ценностном уровне регуляции», там мы имеем дело с тоталитарным, авторитарным, или квазитрадиционным (но не «современным», даже если мы синхронисты) режимом, каким являлся СССР или является нынешний Иран³.

Собственно то, что мы подразумеваем под «модернизацией», и заключается в процессах постоянной институциональной дифференциации и специализации, разделения и усиления взаимозависимости и контроля (и протекает в форме систематического подразделения на все более сложные специализированные структуры). Наглядным примером (как собственно модернизационных процессов, так и антимодернизационных явлений) здесь может быть развитие науки (с усилением ее специализации областей и обучения, усложнением проблем экстраординарных последствий науки — этических, экологических, правовых и т. п.) или судебно-правовой системы: появлением все более специализированных судов (уголовных, административных, ювенальных, семейных, различных арбитражей или мировых) и т. п. Там же, как в нынешней России, где мы имеем дело со слабо дифференцированной судебной системой, находящейся в зависимости от структур господства и традиционного авторитета, — там мы имеем дело с явлениями блокирования

² Именно поэтому различные техники измерения ценностей в различных странах (включая и популярные методики Ш. Шварца, Р. Инглекхарта, П. Хофштета и др.) имеют очень ограниченный диапазон применения и должны восприниматься *сум grano salis*, поскольку существует очень серьезная опасность реификации измеряемых значений.

³ Из сказанного следует, что нет нужды доказывать специально, что «ценности» нельзя пересадить из одного общества в другое/другие, что их нельзя «пропагандировать» или им нельзя обучать (только как «ценностям»), что рецепция ценностей возможна только как формирование определенного институционального контекста, что, соответственно, предполагает трансформацию целой системы социальных механизмов, делающих возможными условия, в которых возникают субъективные формы саморегуляции (ценностные ориентации, совесть, эстетические предпочтения, мораль, вера, политические идеалы и гражданская ответственность и т. п.).

¹ См.: Gehlen A. Über die Geburt der Freiheit aus der Entfremdung // *Idem*. Studien zur Anthropologie und Soziologie. Neuwied am Rhein; Berlin, 1963; Gehlen A. Der Mensch. Seine Natur und seine Stellung in der Welt. Frankfurt am Main, 1971. В этом плане разговоры о «ценностях» различных «культур», включая традиционные, не более чем бесконтрольная проекция современности на архаические сообщества.

модернизации или даже контрмодернизации. Симптомами этого можно считать и отсутствие специальных форм обучения или образования судей, и появление судейской бюрократии, и другие формы подавления личной независимости судей, равно как и возбуждение дел по явно неправовым, например, политическим основаниям (как в случае с организаторами выставки «Осторожно, религия» или «делом ЮКОСа»).

Следовательно, при анализе функционирования институциональной системы (института) необходимо принимать во внимание несколько аспектов проблемы:

1) длительность социального взаимодействия, следовательно, учет не только *интересов* действующих лиц, задающих «целевое» назначение социального образования и особенности его функционирования, но и характер *санкций*, которые следуют за нарушением нормативных правил взаимодействия. Не может быть устойчивым социальное образование или установление, которое опирается только на интересы или общность идей; устойчивость регулярному взаимодействию придает *правовая* закреплённость норм взаимодействия, а именно: применение обязательного набора санкций (в том числе относящихся к области обычного права, обычая, нравов); без учета всего корпуса формальных (кодифицированных) и неформальных (неписанных) норм, а также их несовпадения невозможно понять и анализировать особенности социального контроля (внутриорганизационного и внешнего);

2) механизмы репродукции этих взаимодействий (процедуры научения и социализации к нормам и правилам взаимодействия, а также — что более сложно и не всегда очевидно — предпосылки формирования ценностей, конституирующих сам институт);

3) степень внутренней дифференцированности социальных ролей, образующих «институт», их специализация на той или иной «функции», готовность к «передаче» этих функциональных ролей другим специализированным образованиям;

4) не просто набор социальных ролей, складывающихся в определенную социодраматическую композицию¹, но и функциональные взаимосвязи с многочисленными внешними образованиями (репродуктивными, интеграционными, контрольными и т. п.). Стремительно нарастающая специализация отдельных инсти-

тутов (инструментализация деятельности, подавление традиционно-символических аспектов) обусловлена требованиями эффективности и давлением процессов рационализации (необходимостью уменьшения издержек). Реакция самого института в этом плане сводится к постоянной раздаче второстепенных функций другим, смежным структурам.

Подытожим. Любой *современный* институт, включенный в систему функционально специализированных институтов, выполняет следующие социальные функции: 1) номинальная деятельность, связанная с целевым предназначением данной структуры действия; 2) рационализация доминантной структуры действия (оптимизация, инновация, развитие); 3) история института (хранения образцов); 4) обучение и социализация (воспитание в сфере своей деятельности); 5) правовая регуляция; 6) экономический обмен (финансирование, калькуляция издержек, определение цены института в социальной системе); 7) публичная деятельность по репрезентации смысла институциональной деятельности и обеспечению ее поддержкой — публики, власти, гражданского общества; 8) административная деятельность (в сфере компетенции института); 9) взаимосвязь с другими институтами и специализированными сферами: техникой, наукой, правоохранительными и правоприменительными инстанциями, промышленностью, образованием, политикой.

В этом плане модернизация, конечно, не может рассматриваться как ценностно-нейтральный процесс усиления структурно-функциональной дифференциации. Сама концепция модернизации, перспектива, в которой в ней рассматриваются те или иные социальные и экономические проблемы «отсталых» обществ или обществ догоняющей модернизации, задана определенными ценностями, она *идеологична*, и это тот факт, от которого мы не можем быть свободны. В свое время это было поводом жесточайшей критики теорий модернизации (с самых разных сторон — от мультикультурализма до истмата). Но, как бы ни относиться к самобытности разных культур и обществ, мы не можем освободиться от признания более высокого ценностного ранга тех стран, которые мы считаем «современными» (конечно, исходя из тех ценностей, которые мы разделяем) Мы судим о западных обществах как более развитых, а о жизни в них — как качественно более богатой во многих отношениях. Но главное: модернизация ведет к ограничению внутреннего

¹ Допустим, вокруг ценности «здоровье» складываются роли больного, врачей разной специализации, медсестер, фармацевтов, вспомогательного персонала и т. п., если мы говорим о «здоровоохранении».

произвола и насилия, в современных странах степень социальной и правовой защищенности индивида несравнима с авторитарными, тоталитарными или традиционными, что вряд ли кем может быть оспорено. Сами базовые институты — представительская демократия, правовое государство, независимый суд, гарантия частной собственности, прав и свобод человека, обменные принципы рыночной экономики и т. п. — все это и есть те институты, которые систематически снижают уровень коллективного насилия и принуждения. Что бы ни писали критики (и во многом их утверждения абсолютно справедливы), эти институты в своем функционировании опираются на индивидуалистическую этику человека, учет этих ценностей в идее равенства, уважения индивидуальной свободы, признания интеллектуальной и этической дееспособности человека. Поэтому анализируя то, что происходит в обществах догоняющей или незавершенной модернизации, мы не можем не сравнивать их состояние с ценностными параметрами социальных структур западных стран. Такой бэкграунд предопределяет и исследовательскую позицию, с которой происходит как отбор теоретических инструментов, так и принципы описания и интерпретации материала. Это не идеализация западных стран, а неизбежный методологический прием, без которого исследовательская работа тонет в релятивизме.

Очевидно, что такого рода обобщенные концептуальные схемы института применительно к нынешней России нужны лишь для того, чтобы получить модель для сравнения ее с реальностью и зафиксировать расхождения разных траекторий эволюции современных обществ и обществ имитационной модернизации, какой является Россия. Сложность понимания и интерпретации происходящего в России, как уже не раз говорилось, заключается в том, что после краха советской системы провозглашенные новые конституционные формы не получили имманентного развития, а напротив, стали наполняться теми отношениями, которые существовали до того, или представляли собой смесь легальных, неформальных, но не криминальных и чисто нелегальных отношений, криминальный характер которых не может быть зафиксирован только потому, что сами государственные инстанции, которые должны были бы выносить подобный вердикт, включены в эти отношения¹.

¹ Ср. наблюдения, сделанные одними из самых интересных российских экономистов относительно характера социальных структур, возникающих в крупном бизнесе, в наиболее рационализированной (как кажется или как должно было бы быть) сфере социального поведения: «Специфика России 1990-х гг., отличающая ее не только от развитых

Отличие обществ, которые мы называем «современными», «развитыми», правовыми», демократическими, рыночными, «постиндустриальными» и т. п., от посттоталитарных, заключается в том, что их формальные институты (в общем и целом) не конкурируют с традиционными, групповыми и неформальными структурами взаимодействия (поскольку те и другие образования не эквивалентны). Они управляют последними (в зоне своей юрисдикции) и подчиняют их себе, но не претендуют на подмену или вытеснение их. Собственно присутствующее им богатство (во всех смыслах) и главным образом — многообразие доступных форм поведения — обусловлено их сложностью, т. е. наращиванием смыслового (культурного) многообразия, обеспечиваемого разнообразием специфических форм взаимодействия (групп, обычаев, традиций, конвенций, ассоциаций, союзов и проч.), образующих агломерат различных сообществ, охватываемых формальными институтами, но не сливающимися с ними. Важно, что каждая такая группа или структура устойчивого взаимодействия несет в себе особые смыслы и значения, не передаваемые никаким иным образом.

Более того, «формальные институты» потому и считаются «современными», что построены на идеях и принципах «репрезентации» и «согласования», поддержания баланса социального разнообразия, в отличие от архаических недифференцированных или традиционалистских (патерналистских, вертикально организованных) обществ. Неформальные структуры взаимодействия (социальные группы разного типа, традиционные институты, движения, ассоциации) вне зависимости от своих номинальных функций (религиозных, спортивных, музыкальных, научных, общественных) несут значения отношений, которые плохо артикулируются или вообще не могут быть полностью артикулируемыми, но составляют важнейшие смыслы человеческого существования (общие состояния близости, теплоты, солидарности, эмоционального подъема, снятия психологиче-

---

стран, но и от наиболее успешных государств с переходной экономикой, состояла, на наш взгляд, в трех моментах. Во-первых, эксклюзивные решения преобладали над универсальными. Во-вторых, точное исполнение большей части законов и иных нормативных документов было невозможно в принципе. В-третьих, поддержка крупного бизнеса была на протяжении большей части 1990-х гг. необходимым фактором сохранения политического строя и политической элиты. И лишь с конца 1999 г. ситуация значительно изменилась и стала ассиметричной: для крупного бизнеса отношения с государством все еще жизненно важны, для государства — уже нет...» — Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Российский крупный бизнес. Первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008. М.: ГУ-ВШЭ, 2009. С. 76.

ской тревоги или социальных страхов и прочие самые разнообразные аффекты коллективного действия). Часто эти «второстепенные» обстоятельства неинституциональных взаимодействий относятся к особым моментам воспроизводства группы (фазовые возрастные события и отношения, лиминарные состояния, внутригрупповые ритуалы или церемонии, играющие роль аналогов традиции и их элементов — мифов творения, рождения, смерти, спасения, искупления). Закономерно, что многие подобные неформальные группы или ассоциации связаны с игрой в архаические занятия или действия (рыбалка, охота, аграрный или дикий туризм и проч.)¹.

Напротив, тоталитарные режимы стремятся полностью подчинить себе и трансформировать в собственных интересах все прочие образования, сделав их функционально зависимыми от режима, «одномерными», «прозрачными» для контроля и управляемыми.

Путинский авторитарный режим, в отличие от советского тоталитаризма, не в состоянии полностью контролировать все стороны социальной жизни общества. Для этого у нынешних властей нет ни средств, ни соответствующих ресурсов (включая и идеологические). Держатели власти вынуждены допускать или имитировать современные, «универсальные» институциональные формы регуляции, однако поскольку за режимом остается монополия «легитимного» применения средств насилия и принуждения, которыми он ни с кем не собирается делиться, то универсализм подобных институтов оказывается мнимым — имитационным, декоративным, а сами институты — квазисовременными. Сохранение централизованного авторитарного характера власти не просто нейтрализует функциональные взаимосвязи институтов в социальной системе, но и извращает их смысл, демодернизирует институты со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая *ценностные потери* (ослабление специфических для института мотиваций) и *деморализацию* (исчезновение собственно моральных регуляторов и переход к более «простым» и партикуляристским, «ситуативным» мотивам поведения), т. е. приводя уже к невосполнимым дефектам личности². В со-

циальном плане такие образования означают раздробление общества, появление множества закрытых зон и изолированных систем отношений, складывающихся по поводу тех ценностных значений, которым нет места в пространстве формальных институтов³. В этих случаях патология «универсалистских» отношений, разумеется, не повсеместна, она затрагивает лишь возможности роста тех групп, которые при прочих равных условиях могли бы обладать потенциалом развития, но не будут. Поэтому внутри, по видимости, рыночной экономики, «правового общества» или «демократических институтов» (выборов, парламента, независимых СМИ, деидеологизированной науки и искусства) сохраняются наряду с новыми структурами и неформальные, неуниверсалистские отношения, использующие насилие или, напротив, процедуры, компенсирующие или заменяющие его (коррупцию, «доверительные отношения», закрытые сообщества, обеспечивающие изоляцию от внешнего давления и т. п.).

Действие номинально современных и универсальных форм регуляции — институтов — ограничено в постсоветской России латентными структурами насилия (авторитета, власти, влияния, не связанного с функциональной компетенцией или нормами самого института). Этим, собственно, российский авторитаризм, неявный при Ельцине и развернувшийся во всей полноте при Путине, отличается от советского тоталитаризма: в одном случае институты насилия легальны и пронизывают всю ткань социальной жизни, в другом — они нелегальны, с формальной точки зрения, но «легитимны» в глазах большей части населения, поскольку не противоречат привычному пониманию самодержавия власти, ограниченной фактически лишь техническими обстоятельствами управления (а не правовыми или моральными рамками авторитета правителей). Такое положение вещей оказывается возможным потому, что реальное поведение основной массы населения в данных случаях подчинено материальным интересам существования, а не идеям или ценностным представлениям. Лучшим примером здесь могло бы быть функционирование российского суда, который, несмотря на все изменения,

¹ Не случайно именно в конце 1960 — начале 1970-х гг. появились и стали быстро распространяться смещенные, вторичные игровые формы компенсаторной самореализации, временной эмансипации от государства (второй дом — дача), туризм, самиздат, КСП и т. п.

² Перефразируя слова С. Марголиной, одного из самых заинтересованных и внимательных наблюдателей постсоветской жизни, к сожалению, недостаточно известной у нас, это явление можно назвать «вертикальной деревней». — См.: Margolina S. Russland: Die nichtzivilisierte Gesellschaft. Hamburg: Rowolt, 1994. S.101.

³ См.: Margolina S. Op. cit. Описанию раздробленности социального пространства много внимания уделяет в последних своих работах и Б. Дубин. См.: Дубин Б. Границы и проблемы социологии культуры в современной России: к возможностям описания // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 5. С. 67–74; Он же. Режим разобщения. Новые заметки к определению культуры и политики // Pro et Contra. 2009. Т. 13. № 1. С. 6–19.

внесенные в законодательство после краха тоталитарного режима, необходимые для движения в сторону правового государства, остаются органом предельно репрессивным¹ (оправдательные приговоры составляют менее 1% всех решений суда), подчиненным исполнительной власти, а потому — практически полностью коррумпированным (по крайней мере, так в глазах населения). Путинский режим управляет ключевыми сферами социальной жизни, нейтрализуя или отодвигая в сторону декларативные и имитационные формы демократии и права. Причем сама «неуниверсальность» применения, или значимости, норм и, соответственно, представлений о различных правилах поведения могут не учитываться внешним наблюдателем в кажущихся однотипными ситуациях.

Одно из преимуществ теоретического понятия «институт» и заключается в возможности распространять действие социального правила (институциональных норм) на неопределенное множество людей, ассоциируемых с «обществом» в целом. Хотя это и не совсем корректно в эмпирическом плане, но выгоды мощной генерализации объяснения здесь перевешивают точность употребления этих понятийных средств. Сложность теоретической интерпретации сложившихся в России структур взаимодействия связана с необходимостью логического обоснования соединения *партикуляризма*, соответственно, зависимости их значимости от характера партнера, учета его статуса, роли, со-

¹ Даже в таких сферах, как трудовое законодательство, казалось бы, не столь связанным с вопросами удержания власти, сохраняется инерция советской судебной системы. Как пишут авторы нашего журнала, «несмотря на принятие нового Трудового кодекса российский рынок труда по-прежнему отличается чрезмерной зарегулированностью. По формальным характеристикам российское трудовое законодательство остается одним из самых жестких в мире. Многие его нормы неоправданно обременительны и неподъемны для значительной части экономических агентов. Поэтому их ответом на прямолинейное ужесточение контроля и усиление санкций стало бы не столько перемещение в правовое поле, сколько полное или частичное прекращение деятельности с соответствующими последствиями для защищаемых законом работников. Косвенное повышение цены труда за счет принуждения участников рынка труда к буквальному соблюдению всех норм действующего ТЗ имело бы пагубные последствия как для занятости, так и для общей конкурентоспособности российской экономики». — Гимпельсон В., Капелюшников Р. Применение трудового законодательства: роль судебной системы // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 2. С. 29. «Судьи достаточно реалистично оценивают качество информента действующего трудового законодательства. Основываясь на собственном богатом опыте, они полагают, что его нарушения встречаются повсеместно и принятие нового ТК не привело в этом отношении к сколько-нибудь заметным улучшениям. Одновременно они признают, что в поле зрения судебной системы, как правило, попадает лишь незначительная часть таких нарушений». — Там же. С. 28.

циального «веса», частных групповых определений ситуации действия и «всеобщности» или общераспространенности этого неформализуемого «знания» (как надо понимать эти правила и где и как надо вести себя). Во всех случаях, когда мы имеем дело с неформализованным (а значит, с неспециализированным) институтом, но и не с институтом обычного права (обычаем, ритуалом, традицией), возникает масса вопросов о том, как же могут возникать подобные формы поведения, не подчиненные институциональной регуляции, но тесно связанные с ней, использующие институциональные рамки как одно из определений ситуации действия или как ресурс для своих целей (поведение в этом плане оказывается номинально дисфункциональным, но поддерживающим общую структуру института). Безусловно, это производные, адаптивные формы массового поведения, но их источник — необходимость ужиться с внешними, принудительно авторитетными инстанциями, задающими правила демонстративного взаимодействия. Можно, конечно, представить себе спонтанную массовую реакцию на однократные или повторяющиеся внешние условия или факторы, приводящие к однотипным реакциям толпы. Таков приводимый М. Вебером пример массового, но не коллективного социального действия с зонтиками, которые одновременно раскрывают люди на улице при начавшемся дожде. Здесь нет ориентации на других, нет необходимости в полагаемых общих смыслах и значениях, которые определяли наблюдаемую согласованность поведения. Напротив, такие повседневные явления, как коррупция (или демонстративное начальственное хамство и агрессия), не могут считаться институциональными в собственном значении, но возникают только в связи с учетом действующими лицами (как актерами, так и их «партнерами») действий институциональных и общекультурных или групповых норм.

Социология в принципе знает целый ряд типов действия, смысл которых обыгрывает пределы или границы допустимости групповых интерпретаций институциональных норм (без включения жестких санкций). Таковы «повышающие» оценочные определения поведения, которые обычно выражаются как чувство «такта», «вкуса», «стиля», «мода» и т. п. Но ей известны также и снижающие или инструментальные игры с общими нормами (заведомая публичная ложь политиков, хамство — начальское или уличное, коррупция, стеб, цинизм и т. п., в которых эффект «снижения» достигается

за счет редукции авторитетности общих правил (универсальных норм или норм более высокого уровня общности) к частным основаниям (интересам отдельных лиц или групп) или неодобряемым (институционально) мотивам действия.

«Неуниверсальность» может быть конкретизирована, т. е. представлена и как следствие традиционализма (локальных правил поведения «своих» в отличие от «не своих», в том числе и как проявления вторичного, инволюционно-го или редукционистского неотрадиционализма), и как выражение безусловной значимости иерархического порядка распределения «прав», «компетенций», дееспособности, авторитета, льгот, привилегий, допусков или ограничений «положенного», ответственности, «свободы» и прочих норм поведения и отношения к другим.

С точки зрения перспектив модернизации страны, здесь важна перспектива сравнения настоящего положения вещей с тем, которое представляется целью развития — идеализированным образом желаемого «современного», «правового», «развитого», «демократического» общества, выступающего как базовый элемент самоидентификации социологии.

Партикуляризм (или, в негативном определении, «неуниверсализм» норм действия) предполагает способность специфического различия правил поведения применительно «к лицам и ситуациям», т. е. разнообразные формы и механизмы сочетания частных правил и множества неформальных операторов их соединения, обозначающих границы между ними, причем, таких, что само это различие воспринимается как само-собой-разумеющееся, «автоматическое» (машинальное), не подлежащее проблематизации и акцентировке. Для того чтобы выявить сам факт «двоемыслия» или социального («логического») противоречия, нужны специальные усилия по фиксации расходящихся точек зрения, смены ценностных позиций. Для современного общества (или внешне кажущегося современным в силу многоукладности, механической агрегированности разных социальных порядков) такие стыковки должны (предполагают) быть специально обез-значены, стерты, погашены, чтобы они были действительными и не вызывали затруднений при взаимодействии. Поэтому они могут быть отмечены как «традиционные» узлы соединений либо вытеснены в область специально «бессознательного», «табуированного», «незамечаемого» правильными, социально воспитанными и «тактичными» людьми. Подобные стыковки воплощают в себе важнейшие, символически закрепленные

(отсылкой к внеситуативным планам значений) коды поведения. И эти претензии признаются массовым мнением, квалифицирующим такой порядок действия сентенциями типа «Такова жизнь», «Так было всегда», «У власти и народа всегда разные интересы», короче, «Что приличествует Юпитеру, то не позволено быку» и т. п. Таковы некоторые особенности выступлений первых лиц в государстве или ведущих политиков, когда они, по общему мнению, делают «заведомо ложные» суждения или позволяют себе тон, который недопустим для «обычных» людей в подобных ситуациях (Жириновский, Путин и другие, претендующие на первые роли на публичной сцене, т. е. на эксклюзивный статус). Это способ демонстрации своей эксклюзивности (принадлежности к высшим этажам социальной иерархии господства).

Партикуляризм этого рода мог бы рассматриваться и как аморализм, производный из невозможности универсальных форм регуляции, если бы в большой степени не был оценкой, привнесенной извне, с точки зрения более развитых общественных форм (в том числе и моральных регуляторов поведения).

Адаптивный партикуляризм (вторичный, вынужденный, производный) является не просто обходным или диким способом приспособления к монополии на насилие и принуждение со стороны бесконтрольной власти (не как лиц, а как системы). Его можно рассматривать также и как «согласие» населения на отношение к себе как к массе, недостойной уважения, т. е. как к людям, не обладающим значениями, равнозначными с держателями насилия, которые имеют доступ к средствам насилия, к позициям власти. Смутно (а иначе и не может быть) это ощущается в том, что отдельный человек сознает: он не представляет сам по себе никакой ценности и не заслуживает внимания (уважения) со стороны властей любого уровня. Человеческая жизнь в России — и это тривиальное суждение — и в сталинское время, и в наше котируется крайне низко. Иначе и быть не может, поскольку эта жизнь ничем институционально не обеспечена, как показывает и опыт войны в Чечне, и примеры милицейского или административного произвола в Москве и других городах.

Распространенность подобных форм соединения разнопорядковых, гетерогенных в точном смысле слова структур действия обусловлена не столько их эффективностью, сколько неустранимостью неформализуемых отношений в обществе, причина которых в том, что в сферу собственно институциональной регуляции

«вторгается» или без особого сопротивления входит власть в качестве сверхзначимой силы (резидуум традиционного патерналистского авторитета или структур тотального господства, тоталитарного режима). Именно доминантное (и контролирующее или пытающееся контролировать другие области общественной жизни) положение недифференцированной и неконтролируемой другими подсистемами социальной системы (обществом) власти и порождает в массовых масштабах однотипные ситуации: конфликты, напряжения, столкновения более развитых структур с сохраняющимися авторитарными или иерархическими структурами управления. Отношения доминирования и подчинения воспроизводятся потому, что они сохраняют свой символический смысл базовых, центральных для обществ данного типа (не только в качестве государственно-политической системы, но и отношений внутри более мелких общностей и групп — семьи, фирмы, кооператива, партий или общественных организаций).

Доминантная институциональная структура в обществе — организация власти, политическая система господства — по-прежнему стремится подчинять себе другие важнейшие подсистемы общества, будучи, по сути, гораздо более примитивной и архаической в сравнении с другими, более динамичными и инструментальными системами действия, как, например, экономика, наука или образование¹. Ее архаизм (и при-

¹ Паппэ и Галухина выводят специфику национальной модели крупного бизнеса в России из недифференцированности институциональной системы регуляции. Они выделяют следующие особенности подобной экономики: «А) нераздельность фактических отношений собственности и управления, собственность как обязательство, игнорирование прав и отнесение пассивных собственников; Б) непрозрачность для внешнего наблюдателя, искусственная запутанность и ситуативность формальных отношений собственности и управления; В) высокая степень зависимости от государства; невозможность выполнения формально зафиксированных правил в отношениях с ним, административный торг по поводу взаимных обязательств». (Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Указ. соч., С. 67–68). Авторы делают важное и заслуживающее особого внимания примечание: «В России эти черты характерны и для среднего и для малого бизнеса, хотя для крупного они все-таки более значимы и выражены отчетливее». (Там же). Несколько ниже они пишут: «Непрозрачность и динамичность формальных отношений собственности и управления в российском бизнесе общеизвестны, однако масштабы и роль этого явления большинством исследователей, по-видимому, недооценивались. На наш взгляд, в 1990-х гг. эти отношения вообще были чисто ситуативными, т. е. определялись не внутренними потребностями и стратегиями бизнеса, а были частью тактического реагирования на изменения внешних для него условий: экономического законодательства, соотношения сил между федеральными и региональными уровнями власти, конкретных отношений с теми или иными политиками или чиновниками. Поэтому изменения во многих случаях происходили со скоростью, не позволявшей внешним наблюдателям не только проинтерпретировать, но даже отследить их». (Там же. С. 71).

митивность) — это не «дефектность» («недоразвитость»), а способ семиотического выражения приоритетности, сверхзначимости властных отношений в российском обществе и истории, их «конститутивной» роли в истории российского социума и соответствующей символической нагрузки на них².

В отличие от экономики, которая всегда символически представляет обменные отношения, т. е. равнозначимость ценностей и значений «других», вступающих или потенциально могущих вступать в обменные отношения, власть в России — институт консервации целого, поскольку она базируется не на репрезентации многообразия социальных форм и социальных значений (групповых или корпоративных интересов), а напротив, на дисквалификации любого Другого в сравнении с собой, вытеснения с публичного поля любых альтернативных авторитетов и источников влияния, что, собственно, и представляет собой воплощение насилия, т. е. подчинение всех монополю авторитету держателей власти. Редукция сложности здесь осуществляется не посредством выработки универсальных правил и механизмов управления (самоуправления), а периодической «раздачей» авторитета на нижележащие уровни иерархии, т. е. перераспределением властного ресурса и объемами бюрократического произвола (как бы в интересах всего целого). Поэтому нынешняя российская власть — принципиально антимодернизационный институт.

Сложность понимания проблематики власти в недомодернизированном, посттоталитарном обществе (каковым является российское) заключается в том, что властные отношения, играя символическую роль центральных институтов социума, не подлежат рационализации — их природа табуирована, «невидима», не проблематизирована и не может быть проблематизированной в принципе (властные отношения уже не сакральное образование, но еще и не секуляризованны в полной мере, это не мирские и рационализированные отношения, какими являются экономические или трудовые). Несмотря на то, что феноменально каждое действие носителей власти оказывается

² Самые важные для воспроизводства коллективного целого значения и смыслы могут быть выражены только на языке архаики и традиционализма (ср. имитацию высокого, церковно-славянского стиля в советском и российском гимне). Любой государственный церемониал (в России) воспроизводит в вырожденной и уродливой, редуцированной форме самые архаические ритуалы (погребения и воскрешения). См. об этом: Левинсон А.Г. Архаическая культура и город // *Он же*. Опыт социологии. М., 2004.

благодаря режиссируемому участию СМИ в поле публичного внимания (и без этого тоталитарная или авторитарная власть сегодня уже не может существовать), реальный, прагматический (фактический) смысл управления (включая и материальные интересы властных групп) оказывается вынесенными за скобки и полностью закрытыми от общественного обсуждения, контроля и анализа. Публичные действия официальных властей имеют в наших условиях глубоко театральный и демонстративный, почти церемониальный смысл инсценировки «драмы патерналистского и тотального правления». Явные (явленные публично через экран ТВ) действия руководства страны не имеют никакого отношения к технологии управления, а соответственно, к вопросам эффективности, целесообразности, политической ответственности и конечной результативности. Поэтому у абсолютного большинства российских респондентов и не возникает мысли об ответственности правительства и лидеров страны, они не чувствуют себя включенными в происходящее, поскольку от них «ничего не зависит». Отсюда — другое сознание коллективного времени (стоячее время или обращенное в прошлое, в будущем нет ничего определенного и реального)¹.

Индексы доверия к основным общественно-политическим институтам — Думе, политическим партиям, суду, милиции, прокуратуре, профсоюзам, местным властям и другим (за исключением первых лиц государства, церкви и армии) — свидетельствуют о крайне низкой их

оценке (они находятся в серой зоне полудоверия или полного недоверия).²

Таблица 6
ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С ТЕМ, ЧТО ВЫСШНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЧИНОВНИКИ ПОЛЬЗУЮТСЯ СЕЙЧАС В РОССИИ НЕОГРАНИЧЕННОЙ ВЛАСТЬЮ; ЧТО ХОТЯТ, ТО И ДЕЛАЮТ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2004 январь	2008 февраль
Полностью согласен	60	45
Скорее согласен	27	38
Скорее не согласен	7	8
Совершенно не согласен	2	2
Затруднились ответить	5	8

N=1600

Таблица 7
СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С УТВЕРЖДЕНИЕМ, ЧТО МНОГИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЧИНОВНИКИ СЕГОДНЯ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ ПОДЧИНЯЮТСЯ ЗАКОНАМ? (в % от числа опрошенных)

Определенно да	31
Скорее да	46
Скорее нет	13
Определенно нет	4
Затруднились ответить	7

2008 г., июнь; N=1600

Это не значит, что обычные люди, как показывают данные опросов, не реконструируют семантику происходящего «наверху». Напротив. Происходит то, что многократно описывали психоаналитики (К. Юнг, например) с яв-

Таблица 5
ЕСЛИ ГОВОРИТЬ В ЦЕЛОМ, КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ: ТО, ЧТО ПРОИСХОДИТ СЕЙЧАС В СТРАНЕ, ИДЕТ НА ПОЛЬЗУ НЕБОЛЬШОЙ ГРУППЕ ЛЮДЕЙ, ОЗАБОЧЕННЫХ ТОЛЬКО СВОИМИ ИНТЕРЕСАМИ, ИЛИ НА ПОЛЬЗУ БОЛЬШИНСТВА НАСЕЛЕНИЯ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1998 февраль	2008 июнь
На пользу большинства населения	8	28
На пользу небольшой группы людей, озабоченных только своими интересами	80	56
Затруднились ответить	12	16
<i>Число опрошенных</i>	<i>1500</i>	<i>1600</i>

¹ Можно предположить, что высокий рейтинг первых лиц государства в значительной степени базируется на церемониальной почтительности к власти и глубоком равнодушии к тому, что происходит наверху. На вопрос: «Согласны ли вы или нет с мнением: “Пока дела в стране идут благополучно, мне в общем-то безразлично, кто находится у власти?”» — абсолютное или близкое к этому большинство опрошенных отвечало «Согласен» (в 1998 г. — 56%, в 2008 г. — 47%); «несогласных» было, соответственно, 36 и 45%.

лениями коллективных слухов, молвы, сплетен и тому подобными механизмами «восстановления» вытесненных значений и неодолимых форм поведения или непризнаваемых желаний.

² Индексы доверия к институтам власти см.: Общественное мнение 2008. М.: Левада-Центр, 2008. С. 58–59, 69, 72, 99, 116.

Именно в силу табуируемости освещения прагматики власти массовое сознание, отталкиваясь от горизонта собственных проблем и мотивов действия, начинает активно приписывать персонализируемым и анонимным носителям авторитета свое собственное понимание мотивов их действий, не называемых публично интересов, руководствуясь при этом рессантиментными шаблонами. Чаще всего ими оказываются жадность, эгоизм, безудержное стремление к доминированию и т. п. Одновременно люди при власти наделяются всеми негативными чертами и свойствами: равнодушием к общим проблемам, цинизмом, продажностью и т. п.

Таблица 8
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СОВПАДАЮТ ЛИ СЕЙЧАС В РОССИИ ИНТЕРЕСЫ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА? (в % от числа опрошенных)

Определенно да	5
Скорее да	23
Скорее нет	37
Определенно нет	25
Затруднились ответить	9

2007 г., ноябрь; N=1600

Способ соединения разных норм и правил с помощью архаических кодов власти воспринимается как более «простой», чем регулируемые формальные (в том числе юридически кодифицированные) правила действия, а потому — легко схватываемый, понятный и привычно оче-

Таблица 10
КАК ВЫ РАСЦЕНИЛИ БЫ ЛЮДЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ СЕЙЧАС У ВЛАСТИ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1994 март	1997 апр.	2000 май	2000 дек.	2001 июнь	2004 февр.	2005 июль	2006 дек.	2007 июль	2008 март
Это люди, озабоченные только своим материальным благополучием и карьерой	47	59	38	55	52	53	64	51	60	31
Это честные, но слабые люди, не умеющие распорядиться властью и обеспечить порядок и последовательный политический курс	16	15	11	13	11	14	11	12	9	11
Это честные, но малокомпетентны люди, не знающие, как вывести страну из экономического кризиса	18	11	11	11	12	9	10	10	11	13
Это хорошая команда политиков, ведущая страну правильным курсом	4	4	17	10	10	13	6	12	10	26
Затруднились ответить	14	10	24	13	15	11	9	15	10	20

N=1600

видный¹. Такого рода скрепления разных правил поведения, нормативных кодов особенно часты на стыках *групповых* и *институциональных* регуляций (формальных и неформальных норм) или в зоне межинституциональных взаимодействиях, принимающих чаще всего форму «иерархических» порядков и структур взаимодействия. Но само по себе такое положение не могло бы воспроизводиться, если бы оно не воспринималось как само-собой-разумеющееся, естественное, нормальное, я бы даже сказал, базовое, т. е. моделирующее все социальные отношения в других сферах общественной жизни.

Таблица 9
ПОЧЕМУ ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО ИНТЕРЕСЫ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА В РОССИИ СЕЙЧАС НЕ СОВПАДАЮТ? (в % от числа тех, кто считает, что «не совпадают»)

Нет «обратной связи» между теми, кто принимает политические решения наверху, и населением	19
Власти живут за счет населения и поэтому вынуждены его обманывать	29
Интересы власти и населения совпадают только в критические периоды, когда стране грозит смертельная опасность	14
У власти и населения всегда разные интересы и цели	34
Затруднились ответить	4

2007 г., ноябрь; N=1000

¹ Отсюда и явное одобрение большинством россиян перехода на «ручное управление» нынешнего правительства, путинской инсценировки разруливания конфликта в Пикалево.

Подобная гетерогенность недифференцированной социальной системы (неустраняемая противоречивость, разнопорядковость нормативных структур и представлений, иерархичность техник социализации), партикуляризм социальных прав и обязательств, неравенство подходов к человеку и тому подобные формы двоемыслия могут воспроизводиться только *всем социальным целым*, контекстуально и сразу. Иным образом двоемыслие в обществе воспроизводится систематически, т. е. в массовом порядке, не может. А это значит, что двоемыслие как тип сознания не возникает из множества частных случаев. Для того чтобы оно стало привычной (немаркированной) конструкцией коллективного мышления, оно должно получить санкцию «всеобщности», естественности, в своем роде нормы социальной жизни. Именно на этом держится массовое неодобрение политической оппозиции, не имеющей в глазах большинства шансов на успех и власть, правозащитников или критической журналистики.

Из этого заключения следуют две очень важные посылки.

Первая. Изменения в обществе такого типа (постсоветского авторитаризма) могут происходить только в «возбужденном состоянии». Признаки этого состояния описаны Ю.А. Левадой в одной из его последних статей¹. В этом случае отключается самая консервативная часть институциональной системы — политическая система господства — и начинает действовать логика интересов действующих внутри автономных подсистем, резко увеличивается степень многообразия, в том числе актуализируются и самые нижние пласты культуры — мифологические и утопические представления (ожидания чуда, демонизация политических противников, культ спасителя или вождя), ненависть к врагу, готовность к коллективному или индивидуальному самопожертвованию и тому подобные обстоятельства «времени и места» эпохи, требующей харизматического господства². Подобные состо-

¹ См.: Левада Ю. «Человек обыкновенный» в двух состояниях // *Он же. Ищем человека*. М.: Новое издательство, 2006. С. 364–379.

² Подобные элементы и мифологические конструкции неявным образом уже присутствовали в «секулярных» и «рационалистических» идеологических представлениях, вобравших в себя как бы в функции чисто риторических форм выражения предельные значения времени, пространства, жизни, смерти, присущие культурной архаике. Однако, как показывают специальные исследования, архаика оказывается не просто языком для выражения предельных смыслов, но и своего рода их «онтологией» в массовом обществе. Эти темы образуют предмет отдельного направления в исследованиях тоталитаризма — подход к тоталитарным идеологиям как к «политическим религиям». См., например, статьи С. Пайна, А. Хазанова, В. Усторфа и др. в кн.: *The Sacred in Twentieth-Century Politics* / Ed. by R. Griffin, R. Mallett, J. Tortorice. Palgrave Macmillan, 2008.

яния возникают, когда кризис или разложение захватывают структуры высшей власти, в обычном состоянии парализующей и подавляющей в своих интересах (путем угнетающего контроля) развитие (специализацию и автономизацию) других секторов общества³. Однако возможность последующих изменений не гарантирована этими обстоятельствами. Она зависит от того, а) в какой степени оказалась поражена консервативная верхушка власти, б) в какой степени элиты готовы предложить практические модели модернизации страны, если вообще у них имеются ресурсы такого рода — интеллектуальные, организационные, ценностные, в) заинтересованы ли они и в какой степени в проведении необходимых изменений или выгоды адаптации и лояльности к новым правителям перевешивает риски самостоятельных действий; г) насколько сильны в самом обществе силы, способные реализовать эти модели и т. п.

Вторая. Состояние «возбуждения» не меняет базовой культуры общества, его ценностных представлений, доминирующих типов массовой привычной адаптации и жизненных стратегий населения. Это экстраординарное состояние. Как только происходит персональная смена держателей власти или смена состава правящего клана, так прежняя институциональная композиция возвращается⁴.

Проблема социального доверия. Доверие — один из центральных моментов конституции социальных отношений, личных, внутригрупповых или институциональных. Попытки свести доверие к сугубо рациональному взвешиванию (исходя из теории «rational choice») надежности партнера в том или ином социальном отношении, как это делается в современных социально-экономических концепциях институционального поведения, представляются мне крайне ограниченными, поскольку в таких подходах не принимается во внимание разная природа «доверия», разный субъективно полагаемый смысл, вкла-

³ Задержка моего поколения (может быть, не только моего?) придала его психическому складу своеобразные черты: пассивность, выжидательность, отказ от действия в рамках формальных правил и перенос активности в кружковую среду, т. е. лишила способности к политическому активизму, парализовала его дееспособность и чувство ответственности.

⁴ Структура ценностных ориентаций, символов, норм, горизонты ожиданий и запросов советского (постсоветского) человека менялись на протяжении последних 20 лет не так существенно, как это казалось в начале 1990-х гг. См.: Вебер о рутинизации харизмы в традиционалистских обществах: *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen, 1972. S. 142–148.

дыаемый действующими в доверительные отношения или отношения доверия. Уже то, что ни одно социальное образование, т. е. ни одна структура повторяющегося социального взаимодействия — в экономике, медицине, науке, коммуникациях, транспорте, политике, полиции, похоронном деле и т. п. — не обходится без этого компонента, свидетельствует, что в разных ситуациях индивидуального или группового взаимодействия (взаимодействия внутри социальных институтов и межинституциональных связей) мы сталкиваемся с разными основаниями и характеристиками «доверия». Язык в повседневности схватывает лишь «функцию» этих отношений, и это правильно. Этим словом определяются, нормативно квалифицируются те отношения, которые характеризуются в качестве «доверительных» или «достойных доверия» вне зависимости от того, на чем основано такое доверие¹.

Доверие — это всегда санкция или освящение одного какого-то социального отношения авторитетом или значением других отношений, причем маркирующее значение должно быть взято принципиально из других сфер (институциональных, групповых, трансцендентальных по своему статусу в отношении к описываемой структуре взаимодействия, или трансцендентных — религиозных, метафизических, культурных и т. п.). Доверие в этом плане — отношения, родственные дару (в смысле М. Мосса). Это обмен символами из разных сфер, придание более высокого значения взаимодействию, бедному смыслом. Благодаря обмену доверием (его знаками — аффектами или символами) происходит интеграция социальных институтов. «Доверие» — это знак присутствия в системах значений одной, данной, сферы отношений (медицины, права, политики, экономики, транспорта и др.) значений других подсистем институциональной системы в целом. Поэтому любая сфера институциональной регуляции содержит компоненты и символы «доверия»: в здравоохранении доверие врачу и лекарствам, в экономике — партнерам и учреждениям, в праве — духу законности и судье как исполнителю правосудия, в образовательных учреждениях — учителю, в науке — получаемому знанию и компетенции ученого, в армии — командиру, во власти — политическому лидеру партии, демагогу, держателю авторитета и т. п.

¹ Здесь важно исходное значение слова «характер»: печать, стало быть, придание предполагаемому взаимодействию клейма определенного достоинства или качества, ценности, источник которых лежит вне плоскости семантики самого взаимодействия.

Доверие включает три содержательных момента, определяющих оценку ситуации и характера предполагаемого поведения партнера, а значит, и самого взаимодействия: 1) интегральное (ценностное) определение мотивации Другого, партнера действующего, основанное на чувстве солидарности и полагаемой общности разделяемых норм и принципов, включая и этические представления, обычаи, предполагаемые реакции социального окружения на нарушении норм и другие групповые конвенции; 2) оценка вероятности предполагаемого поведения Других, вытекающего из институциональной упорядоченности регулярных действий, являющихся предметом деятельности этого института; 3) расчет на выраженные или предполагаемые интересы партнера, шансы взаимных ожидаемых эффектов, санкций и результатов, основанных на предшествующем опыте подобных взаимодействий и рациональности структуры действия самого действующего и его партнера.

Доверие усиливается по мере повышения коллективной сплоченности, регулярности и упорядоченности поведения — от индивидуальных сделок или договоров к альянсам и групповым конвенциям, а далее — к институциональным формам поведения. Предсказуемость институционального поведения в общем и целом гораздо выше, чем группового и, тем более, индивидуального, но только в том случае, если структуры формального и неформального взаимодействия не расходятся и не оказываются в конкурентных отношениях друг с другом или не образуют латентные дисфункциональные системы, когда один контур отношений может существовать только за счет другого. Мы доверяем надежности железнодорожного расписания или регулярности движения поездов метро в большей степени, нежели обещаниям прийти «точно вовремя» наших близких, коллег или друзей, поскольку такое социальное взаимодействие (поездка в метро) гораздо проще и технически детерминировано, нежели всегда более сложные по составу и привходящим мотивам отношения с близкими и знакомыми.

Доверие (по своей семантике и социальной семиотике) — это метафорическая связь институтов между собой, символическое присутствие значимости других социальных институтов (символы состояния социальной дифференцированности и функциональной взаимозависимости институтов и групп между собой) в зонах проблематичного взаимодействия. Поэтому чем сложнее (развитей, дифференцированной,

специализированней) становится социальная система, тем выше роль и значимость элементов и символов «доверия», санкционирующих неизбежно возрастающую степень неопределенности элементов взаимодействия.

Но именно поэтому доверие в принципе не может быть полностью артикулируемым, кодифицированным, рационализированным, т. е. инструментализированным до состояния «цель — средство», как это пытаются делать ученые-экономисты, поскольку оно символически выражает значимость других норм поведения в категориях анализируемых взаимоотношений, а значит, указывает на принципиальную нередуцируемость одной семиотической системы к другой. Более того, символы доверия как раз указывают на барьеры взаимоотношений, неупразднимую и крайне важную «иррациональность» одной системы значений (норм, принципов) по отношению к другой. А.Г. Левинсон, когда-то разбирая социальную семантику дефицита и «блатных отношений», указывал, что пароль «Я от Ивана Ивановича» (в ситуации, когда говорящий может и не знать, кто такой конкретно, персонально «Иван Иванович», однако ясно понимает его социальную роль в данном случае) означает использование кода близких, персональных отношений, характерных для внутригрупповых и неформальных взаимодействий — членов семьи, соседей, дружеских компаний, для санкционирования в принципе безличных взаимодействий, но оказывающихся не просто неэффективными, но и дисфункциональными для действующего, а иногда даже и опасными или рисковыми. Но это лишь код, язык, семиотика отношений, а не вступление в собственно родственные, дружеские или клановые взаимосвязи. (Точно так же, как переход на английский в ситуации паспортного контроля в международных аэропортах не делает говорящего или пограничника англичанином или американцем.) Такой язык снимает или преодолевает неопределенность и риски формальных институциональных ролевых взаимоотношений и связанных с ними дефицитов.

Но и сам по себе язык не является нейтральным средством коммуникации — он задает горизонты понимания (пространство «игры») и правила взаимного поведения, перенося на безличные и формальные ситуации нормы и обязательства, характерные для досовременных сообществ и групп, или, другими словами, упраздняет значимость формальных правил и обязательств (значимость современных институтов), низводя социальную реальность до нуж-

ного или приемлемого — знакомого, понимаемого, управляемого — уровня.

Таким образом, символы «доверия», которое в содержательном плане очень различается, в функциональном плане играют идентичную — и ключевую — роль в интеграции институциональных структур в общую социальную систему. Это знаки переходов («портов», говоря языком компьютерщиков) и связей разных социально-морфологических образований — групп, институтов, общностей, структур отношений. Но сами по себе эти символы еще ничего не говорят о том, какова структура этой системы — имеем ли мы дело с агрегатом разнородных образований или, напротив, с «организмом», все части которого работают на сохранение или развитие целого. Для понимания того, какой тип отношений «управляется» данным «доверием», необходимо выделять его разные смысловые структуры. Доверие, возникающее при взаимодействиях в формальных и сложно дифференцированных институтах или их системе предполагает «дальний радиус» отношений, генерализованные способности взаимодействовать с партнерами, не принадлежащими к кругу непосредственно личных связей, способность к социальному воображению, следованию формальным правилам поведения, включая вежливость, толерантность и дружелюбие, рациональность, готовность к смене точек зрения и перспектив, без которых невозможно социальное понимание, а также — отсутствие подозрительности и установок «упреждающей» защиты, неагрессивность, т. е. все те качества, которые входят в набор значений, называемых «коммуникабельностью», «социальностью».

Напротив, доверие «первичного толка», аффективное, лично окрашенное, охватывающее только ближний радиус действия, блокирует и подавляет способности к более сложным взаимодействиям. Оно ограничено и не передается, по определению. Это отношения «мы/они», «свои/чужие», сохраняющие гетерогенность ценностно-нормативных систем и правил взаимодействия, их иерархичность (если брать вертикальный, властно-символический аспект социальной морфологии) или мозаичность (если рассматривать горизонтальные, локальные или сетевые отношения). В последнем случае такого рода ячеистые структуры парализуют и язык, и мышление, и воображение, не допуская эволюции в сторону рецепции или создания более сложных структур¹. Крайне важ-

¹ Я. Паппэ и С. Галухина пишут, что «в 1990-е гг. ИБГ (интегрированные бизнес-группы) сконцентрировали внутри себя два весьма дефицитных на тот момент ресурса — ресурс компетентности и ресурс доверия». — Паппэ Я.Ш., Галухина Я.С. Указ.соч. С. 105.

но подчеркнуть, что обратный ход — от неформальных, квазиличных отношений к современным и институциональным, т. е. формальным и кодифицированным — становится после этого уже невозможным. Социальная ситуация в этом плане уже необратима, поскольку процедуры систематической примитивизации социальных отношений не имеют обратной силы, разрушая структуры и смысловой потенциал более сложной системы. «Фарш невозможно повернуть назад», как пелось в пародии на знаменитый хит А. Пугачевой.

Следовательно, при анализе эмпирических данных об отношении к различным институтам необходимо принимать во внимание гетерогенность «доверия», особенно когда мы имеем дело с посттоталитарными структурами. В разных социальных группах соотношение компонентов доверия будет разными. Например, уровень доверия к российской «армии» выше в более консервативной и депрессивной среде малых городов и сельского населения, но это «доверие» обусловлено преимущественно символической ролью армии в системе мифологии или идеологии патерналистского и великодержавного государства. Армия здесь воспринимается, во-первых, как воплощение традиционалистского и иерархического выстроенного порядка господства, империи, славной своими победами, а во-вторых, как социализационный (инициационный) институт, обязательная для мужчин «школа жизни». Отсюда — убеждение о необходимости сохранения всеобщей воинской повинности (что добавляет к проблеме мотив уравнительности и социальной справедливости). Вопрос о целевой функции армии как института здесь отходит на третий план и вряд ли когда-нибудь актуализируется. Напротив, в развитых странах на первый план выходит доверие к армии как институту национальной обороны, инструмент гарантии коллективной безопасности, а значит, и основания для доверия к нему основываются на прагматической уверенности в ее обороноспособности. Такие соображения относительно армии в российском обществе характерны лишь для более продвинутых групп, обладающих собственными ресурсами — образованием, компетентностью, информированностью, относительной независимостью от власти. Поэтому в этих социальных группах оценка армии резко негативная, доверия к ней нет, и предпринимаются все усилия для того, чтобы «дети» избежали призыва в такие вооруженные силы. В практике социологических исследова-

ний мы сталкиваемся, конечно, с тем, что соотношение различных оснований доверия (армия как опорная символическая структура нынешнего режима и армия как целевой институт) будет очень значительно различаться. Но если, условно говоря, первый тип отношения остается как «обязательный для всех», т. е. задает легальное (формально-институциональное) пространство для репрессивных отношений «всесильное и неподконтрольное государство» — «безвольное и пассивное множество подданных» (а также — дедовщину, диффузное насилие в обществе, посттравматический синдром и т. п.), то второй тип отношений определяет теневые и неформальные структуры взаимосвязей и тактики приспособления к власти, поле для взаимной коррупции и управления действиями партнеров. Естественно, процессы реальной социализации будут включать научные разным типам доверия и тактикам взаимодействия с разными агентами институциональных подразделений.

Социализация. Особенности социализационных процессов в современной России заключаются в том, что первичное, или базовое, доверие к социальному окружению (к миру), складывающееся в семье благодаря матери, относительно бесконфликтным, теплым и эмоциональным отношениям с ней, не распространяется за пределы ближайшего круга социального взаимодействия¹. Все опросы Левада-Центра начиная с 1989 г. показывают, что именно с семьей связаны основные интересы, желания, ценностные ориентации и зоны доверия². (С. Марголина пишет в связи с этой «деформацией» семьи и с особенностями социализации к противоречивой системе институтов о «советском матриархате как равноправии

¹ Условно отвлечемся от разнообразия этнических обычаев, различий в техниках воспитания большого города и деревни и т. п., полагая, что эти различия будут лишь усиливаться, если принимать во внимание этнокультурные особенности и традиции социализации. Разумеется, я не собираюсь выводить из особенностей первичной социализации характер сложных и опосредованных социальных взаимодействий и их систем (как это когда-то делали ранние психоаналитики, связывающие социокультурный тип с особенностями пеленания младенцев). Речь идет о другом: установлении доверия только в виде непосредственных или квазинепосредственных персональных отношений, которые в дальнейшем выступают уже в качестве модельных для селекции более сложных механизмов формального (институционального) социального взаимодействия, импринтинга партнера. Дефициты доверия следует рассматривать как неопределенность, неструктурированность пространства действия.

² См.: Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: МШПИ, 2008. С. 14–18.

в деструктивности» и «вечном пубертате советского мужчины»¹.

Первое распределение ролей примерно таково: сильная мать (аффективная привязка детей к ней и к узкому кругу первичных отношений в семье) — слабость отца (невывраженность достижительского образца, сдвиг ценностных ориентаций с профессии, работы, карьеры на другие, замещающие общие gratификации моменты: круг мужского общения с внутригрупповыми нормами признания, алкоголь, рыбалка, мужская компания и проч.). Значимость матери была и остается очень противоречивой: ее статус в семье был тем выше, чем большей была неудача отца во внешнем социальном (профессиональном мире) и дискредитация его авторитета. Отец обычно (наиболее распространенный тип семьи со средним образованием) не столь значимая фигура, по сравнению с матерью, поскольку он и в советских условиях, и в кризисные 90-е гг. не мог предложить для сына убедительной модели отложенного успеха, заслуженного благодаря отсроченному удовлетворению, накоплению профессиональных ресурсов, самодисциплине и упорству в труде.

Возьмем данные молодежного опроса, проведенного осенью 2006 г. (N=1800 человек от 15 до 30 лет). Отношения молодых людей (обоих полов) с родителями заметно различаются: о взаимопонимании и самых близких отношениях с матерью говорили 52% опрошенных в возрасте 15–19 лет (о конфликтных отношениях — 11%); с отцами ситуация выглядит иначе: о близости и понимании заявили лишь 37% (конфликтные отношения у 10%). Однако примерно у 15–16% молодых людей этого возраста отцов либо нет, либо они длительное время не живут с семьей. (В среднем более четверти молодых людей — 27% — прожили целиком или значительную часть своей жизни без кого-то из родителей.) Неблагополучных (неполных) семей больше среди низкостатусных и малоимущих групп населения, занятых неквалифицированным трудом (там без отцов растут 21%).

Основная причина конфликтов с родителями у юношей — учеба и работа, у девушек — распределение домашних обязанностей, бытовые проблемы. Иначе говоря, проблемы возникают именно при переходе от семейных к формальным институциональным отношениям, где перестают работать мотивация, нормы и вознаграждения, усвоенные в семье. Такие семьи не в состоянии дать молодому человеку технику

методического самодисциплинирования, сдерживания себя, приучить его или ее к внутреннему самоконтролю, усидчивости, бережливости, ориентации на дальний результат (отсроченное вознаграждение) и т. п., что является необходимым условием успешности в дальнейшем контуре институционального поведения. Без усвоения этих навыков невозможно формирование ментальных структур рациональности, как содержательной, так и формальной. Слепое доверие («авось» вывезет) может работать только в небольших и слабо дифференцированных коллективах и общностях.

Но, несмотря на сравнительные благополучные оценки психологических отношений с родителями, значительная часть молодого поколения (в среднем — 36%) воспринимает их как неудачников: среди 15–19-летних юношей таких 27%, среди девушек этого же возраста — 35%. Примеривая на себя (в этом возрасте, когда собственной семьи еще нет) семейные роли, девушки гораздо жестче оценивают своих родителей, чем юноши: среди 25–29-летних молодых женщин доля таких ответов — 39%. С возрастом общая критичность лишь растет и составляет в среднем 40–41% (их различия между полами в этом плане стираются). Возможно, объяснение этому может заключаться в замедленном взрослении юношей, но к 30 годам (к моменту создания своей семьи или рождения своих детей) мнения и тех и других выравниваются. Главные претензии к родителям: «не сумели сохранить хорошие ("человеческие") отношения друг с другом (таких практически две пятых от считающих своих родителей «неудачниками»), «не реализовались в жизни», «не сделали карьеры, ничего не добились» (от четверти до трети этой категории респондентов), всю жизнь работали, но ничего не накопили (каждый третий ответ). В итоге 41% всех молодых людей считают, что они будут воспитывать своих детей иначе, чем их самих воспитывали (с возрастом этот процент растет: среди 15–19-летних юношей — таких 33%, среди взрослых молодых людей — 47%; среди девушек соответствующих возрастов эти показатели будут — 40 и 46%). Во многом это иллюзии и форма молодежного негативного самоутверждения, и, тем не менее, швы поколенческих разрывов совершенно очевидны.

Советская и по существу постсоветская система не требует от работника особых усилий в повышении собственной квалификации и интенсивности профессиональных достижений (этим она принципиально отличается от запад-

¹ См.: Margolina S. Op. cit. S. 54–101.

ной, например, западногерманской, японской или южнокорейской этики труда)¹.

Эрозия и последующая девальвация традиционалистской модели распределения авторитета в семье влекли за собой и перераспределение техник поощрения и контроля, разные способы гратификации. («Отец» долгое время замещался тоталитарным, патерналистским и авторитарным государством).

Вторжение массовой культуры в 90-е гг. и шок от слома ценностных (институциональных) ориентиров, системы отсроченной гратификаций, отозвался у молодого (перестроечного) поколения стремлением к немедленному признанию и установкам на неоткладываемое и чисто гедонистическое потребление. Как заверяет реклама, «Все смотрят на тебя», «Ты этого достойна!» (Почему, за счет чего – совершенно неважно, сам факт потребления выступает как высшая ценность самоутверждения.) Массовая культура, принеся новые образцы потребления, новые ориентиры для стандартов и образов жизни, по существу заместила высокий уровень (несостоявшейся) иерархии ценностей (и статусов) и в очень большой степени девальвовала ценности социального порядка, что стало одной из причин широкого распространения массового нигилизма, наложившегося на аморализм советского времени.

Быстрый рост аномии, вызванной экономическим спадом и кризисом, сломом институциональных структур, не мог в этих обстоятельствах компенсироваться моделью жизненного поведения отца, характерной для эпохи советской индустриализации и даже НТР. Но дис-

¹ В России в структуре занятости доминируют работники неквалифицированного физического труда. Удельный вес их в России составлял еще недавно более 50% занятых. Сегодня этот показатель, хотя и медленно сокращается, остается чрезвычайно значительным (Шкаратан, исходя из данных проведенных им опросов, называет 46%). – См.: Шкаратан О.И., Ястребов Г.И. Социально-профессиональная структура и ее воспроизводство в современной России. Препринт WP7/2007/02. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. О низкой квалификации основной части занятых в экономике и отсутствии существенного спроса на непрерывное образование и обусловленное этим требование повышения продуктивности труда говорили и писали ведущие российские специалисты в этой области. О прогрессирующем падении квалификации промышленного персонала см.: Капелюшников Р.И. Российский рынок труда сквозь призму предпринимательских опросов: ретроспективный анализ. М.: ИМЭМО РАН, 2006. С. 50–51. «Идет снижение доли профессионалов (специалистов с высшим образованием. – Л. Г.) в российской экономике. ... Качество человеческого капитала остается достаточно низким и в среде руководителей..., полупрофессионалов и других представителей нефизического труда. Все это свидетельствует о том, что российской экономике сегодня не нужны высококвалифицированные кадры даже в том количестве, в котором они уже имеются в российском обществе». – Аникин В.А. Тенденции изменения социально-профессиональной структуры России // Мир России. 2009. Т. XVIII. № 3. С. 119, 129–130.

квалификация доминирующих институтов вела не только к депрофессионализации установок молодежи, но и к повышению ранга новых, особо престижных профессий (точнее, обещаемых ими социальных статусов), предлагаемых новыми или негосударственными формами образования и занятости. В потенции эти новые структуры предполагают позитивную гратификацию, сопровождающуюся выбором, усилиями, рационализацией субъективного поведения (планирование и расчет времени на дальнюю и среднюю дистанцию, отказ от немедленного удовлетворения, доверие к дальнему и формальному) и кооперации (конвенции, альянсы и проч.). Появляется такой тип студента, как «ботаник», ориентированный примерно так же, как и студент престижных зарубежных университетов (но характерно, что он отмечен как странный, выпадающий из общего ряда). Вместе с тем страх не вписаться в эту новую систему отношений и новых форм гратификации порождает в слоях, где уже закрепились представления об иных, несоветских образцах жизни и поведения, достаточно ощутимые фрустрации и напряжения, реакцией на которые опять становятся более тесные отношения подростка с матерью (и соответствующие проблемы адаптации к окружению)².

В результате подобной социализации недоверие к формальным структурам (школа, армия, производство) и доверие к «своим» (короткий радиус доверия) могло компенсироваться только быстрым путем – достижением благополучия через партикуляристскую лояльность держателям средств насилия (власти, администрации, криминальным или коррумпированным организациям), что, в свою очередь, дискредитировало и подрывало модель жизненного успеха через индивидуальные усилия и преданность универсальным ценностям. Тем самым укреплялись двойные рамки «недостижимости». Компенсация социализационных дефицитов и механизмов шла через столь же неформальные каналы: пир-группы сверстников, структуры «неуставных отношений» в армии, коррупционные связи на работе и т. п.

Индивиды, включенные в подобные структуры, находятся в зоне большей социальной

² Эти проблемы подробно рассматриваются в работах Н.А. Зоркой: Зоркая Н.А. Проблемы повседневной жизни семьи. «Бедность» как фокус восприятия повседневных проблем // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 1. С. 26–38; Она же. «Ностальгия по прошлому», или какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь // Там же. 2007. № 3. С. 35–46; Она же. Современная молодежь: к проблеме «дефектной» социализации // Там же. 2008. № 4. С. 8–22.

защищенности, психологического комфорта, чем одиночки или члены только формальных институциональных структур (в армии, в студенческих общежитиях и т. п.). В кругу близких они чувствуют ответственность за свои действия и действия других партнеров, поскольку их ресурсы достаточны для того, что влиять на поведение других членов этого круга или группы. Более того, отношения этого рода, как это отмечено в ряде исследований, становятся модельными и переносятся на отношения другого порядка (другого уровня – политические, меж-национальные или межстрановые). Образцы

Социализация к формальным (в особенности репрессивным) институтам не сопровождается ценностными вознаграждениями, сопоставимыми с теми, которые санкционируют отношения в ближнем круге (если не считать «ценным» возможности избежать наказания и лишения, депремирование). Она построена преимущественно на включении принципиально других механизмов санкционирования поведения: всеобщего подчинения, заложничества, средового давления, конформизма, халтуры, пассивности и двоемыслия, ориентации на снижение (адаптации через снижение). Поэтому

Таблица 11

ЧТО БЫ ВЫ ПРЕДПОЧЛИ, ЕСЛИ БЫ МОГЛИ ВЫБИРАТЬ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1989	1994	1995	1998	1999	2003	2008
Иметь пусть небольшой заработок, но больше свободного времени, более легкую работу	10	3	3	4	3	4	4
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	45	55	60	61	60	54	56
Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее	26	24	23	22	23	22	21
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	7	5	6	5	6	10	8
Затруднились ответить	11	12	8	9	8	10	11
<i>Число опрошенных</i>	<i>1500</i>	<i>3000</i>	<i>3000</i>	<i>1700</i>	<i>2000</i>	<i>2000</i>	<i>1500</i>

понимания или интерпретации действий партнеров этого рода оказываются самыми убедительными и важными, покрывающими зоны дефицита понимания, неопределенности и раздражения. Трудности социализации представляют отношения, выходящие за границы этих персонифицированных и неформальных взаимодействий, всего, что подпадает под нормы формальных институтов с их безличными, анонимными, репрессивными и неподконтрольными регуляциями. Вместе с тем следует учесть принципиальную разнотипность (разнородность) различных формальных институтов: тех, что ближе к современным (предполагающим субъективную включенность и ценностный тип регуляции – негосударственная экономика, коммуникации, массовое потребление, массовая культура, развлечения, Интернет-информация и т. п.), и оставшихся от советского времени, мало изменившихся – армия, система господства и авторитета, государственные структуры управления (от милиции и суда до электоральной демократии), и промежуточных или смешанных форм – массовое образование (среднее и высшее), СМИ, политтехнология вместо пропаганды, система стратификации.

она дает общую установку на понижение в качестве реакции адаптации к внешним и репрессивным институтам. Ослабление авторитета и престижа отца в семье (косвенным образом и не сразу) затрудняет формирование у подростков универсальных механизмов регуляции, мотивации достижения, способностей к оперированию категориями «большого времени», и напротив, усиливает терпимость к репрессивности и ответную готовность к агрессии¹.

¹ Естественно, что доминирование роли семьи на фазах первичной социализации необязательно ведет к блокированию или ослаблению значений формальных институтов. Можно привести прямо противоположные примеры, когда семья становилась в особых условиях ретранслятором и аккумулятором универсальных ценностей и достижительских мотиваций (но, правда, это бывает всегда на негативном фоне пассивного и патерналистского окружения). Такую роль играла на фазах первичной модернизации в Европе и Америке еврейская семья (в СССР и позже). В условиях антисемитского окружения она резко подчеркивала высшие универсальные ценности доминирующего общества (трудолюбия, работоспособности, образованности, аккуратности, бережливости, упорства, чистоплотности и т. п.), которые дети должны усвоить и добиться равного, если не большего успеха, нежели дети большинства. Они должны быть «первыми», если хотят добиться уважения, признания окружающих и освободиться от дискриминации среды. В меньшей степени такую социализационную роль в процессах модернизации могли иметь и некоторые церкви или религиозные организации, общины, закрытые клубы, ассоциации (кроме вертикально устроенных).

Отсутствие запроса на работников высокой квалификации и интенсивный эффективный и производительный труд означает не просто хронические дефекты или, точнее, недостаточность системы вознаграждений и стимулов для непрерывного повышения собственных ресурсов для будущего, дефициты человеческого капитала, явное сопротивление рационализации своих повседневных действий для будущего, но и немотивированность учащейся молодежи в чисто учебных делах, слабую заинтересованность ее в постоянном наращивании своего человеческого, интеллектуального и образовательного ресурса. Нет стимулов, механизмов самодисциплинирования, самоограничения и подталкивания себя к интенсивной работе. Вместо этого – расслабляющая установка на внезапное и (никак не заслуженное) богатство, чудо, хамское самоутверждение и претензии к окружающим, включая дисквалификацию «взрослых» авторитетов (родителей, школы и других институтов), обозначающие разрыв с предшествующими институциональными нормами и правилами выстраивания жизненного пути и биографии.

Так, если обратиться к данным опросов Левада-Центра, самой серьезной проблемой российского образования респонденты чаще всего называли «отсутствие интереса у учеников к учебе» (на протяжении последних лет эта позиция возглавляла список проблем среднего образования, в 2003 и 2009 гг. ее называли, соответственно, 43 и 49% в среднем, молодежь даже несколько выше – 52–50%. На втором и третьем месте в 2009 г. у населения в целом стояли «плохая материальная база школ» (46%) и «низкая дисциплина» (36%), у молодежи отмечалась также и озабоченность «высокой платой за обучение, ростом дополнительных денежных затрат» (39%)¹. При том «достаточным образованием» для себя большинство считали получение высшего образования (об этом заявили 44% респондентов в молодежном опросе; о необходимости закончить два высших учебных заведения – еще у 7%, и 1,0–1,5% – ориентировались на аспирантуру или учебу за рубежом, т. е. более половины населения готовы претендовать на университетский диплом, но не готовы затра-

¹ См.: Дубин Б., Зоркая Н. Система российского образования в оценках населения: проблема уровня и качества (см. следующий выпуск «Вестника...»). См.: Гудков Л., Дубин Б., Левинсон А. и др. Доступность высшего образования: социальные и институциональные аспекты // Доступность высшего образования в России. М.: НИСП, 2004; Аврамова Е.М. Доступность высшего образования и перспективы позитивной социальной динамики // Там же. С. 158–163.

чивать соответствующие усилия – поступать в вуз планировали лишь 26% молодежи (2009 г.).

Иначе говоря, уровень внутренних самооценок (но не аспираций!) неправдоподобно завышен, тогда как процесс учебы девальвирован или выведен за скобки как «незначимый». Тем самым обесценивается внутренняя работа, усилия по самоограничению человека, самодисциплина, необходимые для получения знаний и хорошего профессионального образования, а значит, дисквалифицированы и задачи по планированию будущего, по рационализации собственного поведения. Это расхождение между непроблематизируемым отношением к себе (довольством собой, не нуждающимся во внешней оценке) и бесцеремонной готовностью к присвоению знаков чужих достижений (девальвации образования как такового, прежде всего, высшего) чрезвычайно характерно для нынешнего состояния массового сознания в России. Несовпадение запросов и графикаций указывает на хроническую несбалансированность самооценок, выдающую комплекс неполноценности или – что правильнее – низкую ценность человека как такового² или другие проявления ценностной неопределенности (например, исторической амнезии)³.

Представленная в более или менее значительных масштабах аномия, вызванная неадекватным поведением, обычно сменяется апатией. Социальная пассивность – это реакция на кажущееся состояние безальтернативности жизненных стратегий и, напротив, усиление разного рода компенсаторных механизмов и авторитарно-традиционалистских комплексов (от милитаризма и ксенофобии до ностальгии по утраченной великой державе). Успехи в учебе не являются ни индикатором статуса семьи, ни индивидуального достоинства. Падение интереса к образованию, равнодушие к собственному будущему, в том числе примирение с плохим и усредненным обучением, есть показатель слабости ценностного поля, мотивирующего

² Косвенным подтверждением этого вывода можно считать отсутствие в массовом сознании идеи нормы «здоровья» как артикулируемой и инструментализируемой социальной ценности, нет и систематической рациональной деятельности по поддержанию своего здорового состояния, но есть постоянная мнительность, подозрительность в отношении того, как «я себя чувствую», разлитая, диффузная хроническая тревожность, включающая и страхи по поводу болезни детей и близких, и т. п., о которой неоднократно писали авторы Левада-Центра. – Подробнее см.: Бовина И.Б. Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект-Пресс, 2008.

³ См.: Гудков Л. Сорок лет спустя: Пражская весна 1968 года в общественном мнении России 2008 года // Неприкосновенный запас. 2008. № 4.

индивида стремиться к успеху и достижениям, быть лучшим и показать себя в этом качестве.

Можно, конечно, говорить, что мы имеем дело с инерцией советского времени, когда расширенное поточно-типовое производство людей с дипломом о высшем образовании при склеротизации каналов вертикальной мобильности и, соответственно, отсутствии должной системы гратификации дискредитировало и обесценило сам статус человека с высшим образованием, не подтвержденный подобающей зарплатой и уважением в обществе, но мне кажется, что такое объяснение явно недостаточно или просто неверно. Для основной массы абитуриентов и студентов характерна средняя по интенсивности мотивация к учебе, не сводящаяся, естественно, к получению лишь «корочек», но и не предполагающая установки сознательно и последовательно добиваться максимально качественного образования, прилагать для этого немалые усилия. Например, важным дифференцирующим признаком установки на образование (отделяющим тех, кто поступает в техникумы или средние профессиональные учебные заведения, от тех, кто хочет учиться в вузах, в особенности ориентирован на получение высококачественного образования) выступает, согласно опросам, стремление к немедленному получению такой работы, которая обещает достаточно высокую зарплату после окончания обучения, но оказывается лимитированной в своем росте в будущем. Иными словами, значимо конкретное представление о размерах дохода, позволяющее завести семью, но сразу же обрезающее возможности роста в будущем. Напротив, у тех, кто готов «инвестировать в себя», отказываясь от немедленного удовлетворения

материальных запросов, шансы с течением времени добиться и высокого статуса, и, соответственно, гораздо более высоких доходов, заметно превосходящих уровень средней профессиональной квалификации, выше примерно в 1,5–2 раза.

Подчеркнем, что лишь для 10–15% населения (и молодежи) ориентация на получение высококачественного высшего образования не просто декларируется, но и сопровождается реальными усилиями как по подготовке к поступлению в вуз, так и последующими усиленными занятиями в процессе учебы (фактически же добиваются действительно качественного образования, требующего массы усилий и самостоятельной работы, лишь 2–3%). Но это именно то соотношение модернизационного потенциала российского общества и основной массы населения, которое мы фиксируем в любых других отношениях (пропорции либерально и прозападно настроенных избирателей, готовых много и интенсивно работать или настроенных на небольшой, но гарантированный заработок и работу, противников авторитарного режима и основной массы принимающих его и т. п.), не просто перевешивающее этот потенциал динамического развития, но и во многом подавляющее его, стерилизующее, нейтрализующее самыми разнообразными способами — от цинизма до государственного патернализма, оказывающегося самой мощным фактором признания и поддержки авторитарной власти, блокирующей импульсы к модернизации. А это значит, что действуют гораздо более общие механизмы социализации в обществе, чем это может показаться сегодня¹.

¹ Ср. с этим анализ обществ догоняющей модернизации, добившихся успеха, см.: *Харрисон Л.* Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М.: Новое издательство, 2009.

Владимир КОЛОСОВ
Джерард ТОАЛ

Нестабильность на Северном Кавказе и современная российская геополитическая культура

В соответствии с постмодернистскими концепциями в географии, основывающимися на работах французского философа Мишеля Фуко и английского географа Дэвида Харви, роль, восприятие и использование пространства отдельными людьми и социальными группами постоянно меняются в зависимости от социальной практики. В нее входит, в частности, политический дискурс, направленный на изменение или укрепление определенных социальных представлений, в том числе геополитических. Доказано, что дискурс играет большую роль в формировании политической карты и «территориальности» человека. Р. Сакк определил ее как попытку человека или социальной группы оказывать влияние на других людей, их взаимоотношения и общественные процессы путем отграничения и контроля над определенной территорией¹. У каждой социальной или региональной группы есть свое представление о территории. Иногда эти представления совпадают, но нередко находятся в остром противоречии.

Теория конструирования пространства социальными силами способствовала переосмыслению на новой, более широкой теоретической основе методологических подходов в геополитике². За последние полтора-два десятилетия исследовательское поле геополитики существенно расширилось. В ней преодолен разрыв в изучении внутренней и внешней политики, характерный для позитивистских подходов и отразившийся в разделении между геополитикой и политической географией. В традиционной, или неоклассической, геополитике государство рассматривается как единое целое, почти как биологический организм, «черный ящик», определенным образом реагирующий на внешние вызовы. Соответственно, «национальные интересы» в понимании политической элиты на каждый исторический момент авто-

матически приписывались всей стране, всему населению.

В отличие от неоклассического направления, многие авторы ныне рассматривают геополитику как дискурс, в котором доминируют политики и государственные деятели, заинтересованные в формировании специфического упрощенного геополитического видения мира, которое могло бы служить их интересам. Доказано, что социальные и региональные группы, как правило, имеют свое видение мира, которое совсем необязательно совпадает с доминирующим.

Предложены определения основных категорий «дискурсивной», или, как ее чаще называют, критической, геополитики³. В частности выделены такие категории, как геополитическая культура, геополитическое видение мира и геополитический дискурс⁴.

Геополитическая культура — это культура знаний о внешнем мире и интерпретации роли государства как субъекта международной деятельности. Это также совокупность институтов и культуры взаимодействия между общественными силами, занимающимися разработкой внешней политики

Геополитическое видение мира — нормативная ментальная политическая карта мира или региона в совокупности с представлениями о действующих в них силах, влияющих на внешнюю политику.

Геополитическое видение формируется под воздействием многочисленных факторов — семейных традиций, образования, личного опыта человека, в частности, размеров и конфигурации освоенного им пространства (*espace vécu*), рекламы, литературы и искусства, кино, СМИ, создающих и распространяющих набор мифов,

¹ См.: Sack R. Human Territoriality: Its Theory and History. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

² См.: Ó Tuathail G. Critical Geopolitics. Minneapolis: University of Minnesota, 1996; Dalby S., Ó Tuathail G. Rethinking Geopolitics. L.: Routledge, 1998.

³ См.: Ó Tuathail G. Theorizing Practical Geopolitical Reasoning: The Case of U.S. Bosnia Policy in 1992 // Political Geography. 2002. Vol. 21. № 5. P. 601–628.

⁴ См.: O'Loughlin J., Ó Tuathail G., Kolossov V. A Risky Westward Turn? Putin's 9-11 Script and Ordinary Russians // Europe-Asia Studies. 2004. January. Vol. 56. № 1. P. 3–34.

стереотипов и представлений о национальной истории и территории. Эти представления распространяются в ходе *геополитического дискурса*, синтезирующего некоторую информацию о международных делах или политической ситуации в привязке к территории. Геополитический дискурс чаще всего инициируют и поддерживают СМИ, обычно обслуживающие интересы определенных групп элиты.

Геополитическое видение мира имеет основания в *геополитических традициях* — исторически возникших национальных политико-философских школах, развивающих определенный нормативный и относительно формализованный набор взглядов на национальную идентичность, интересы и политические приоритеты¹. В России различаются две главные геополитические культуры — западническая и государственническая в сочетании с неоевразийством². В свою очередь, они подразделяются на несколько постсоветских геополитических традиций.

В центре внимания критической геополитики — геополитические культуры и связанные с ними сетевые структуры власти, предопределяющие функционирование этих культур. Поэтому объяснение политической нестабильности, например, в северокавказском регионе России, в первую очередь зависит от соотношения политических сил в федеральном центре и от того, как власти преподносят, комментируют, какими смыслами наделяют события, персоналии и процессы. Если в центре ведутся открытые политические дебаты, разные версии событий могут быть серьезно оспорены, и претензии на гегемонию в объяснении сложившейся ситуации рискуют остаться иллюзией. Кроме того, геополитические интерпретации событий зависят от нарративов, которые складываются за пределами России, в международном сообществе, — они могут подтверждать или опровергать доминантные российские версии. Наконец, эти интерпретации зависят также от локальных версий, существующих в данном регионе, нередко

предлагающих альтернативную трактовку процессов и причинно-следственных связей между событиями.

Иными словами, абсолютно объективно установить причины политической нестабильности в регионе невозможно. Их понимание складывается в поле противоборства между интересами различных групп в центре государства, а также противоборства между государством и другими субъектами международной деятельности, между федеральными и региональными элитами.

Роль геополитических культур и традиций в дискурсивном структурировании событий, разворачивающихся в отдельных регионах государства, до сих пор не была предметом систематического и критического геополитического исследования. Задача нашей работы — определить место Северного Кавказа в современном геополитическом дискурсе и геополитическом видении жителей самого региона. Почему этот регион важен для России? В каком направлении развивается ситуация? Каковы наиболее важные определяющие ее факторы? Какие политические выводы следует сделать из недавних событий в регионе и что нужно в связи с этим предпринять? Каковы перспективы региона с точки зрения представителей разных геополитических культур и традиций?

В поисках ответа на эти вопросы мы проанализировали общероссийский дискурс о Северном Кавказе в течение года, в период между октябрем 2005 г. и сентябрем 2006 г. включительно. Он отмечен широкомасштабной террористической атакой в Нальчике (13–14 октября 2005 г.), сменой власти в Дагестане (декабрь 2005 г.), вызвавшей обсуждение положения в республике, уничтожением «террориста № 1» Ш. Басаева (август 2006 г.).

Были использованы три типа источников. Во-первых, рассмотрены оценки наиболее значимых событий в регионе в выступлениях, интервью, на пресс-конференциях тогдашнего главы российского государства В. Путина, отраженных на его официальном сайте (<http://www.kremlin.ru>). Привлечены также материалы официального органа правительства России — «Российской газеты».

Во-вторых, изучены все публикации по Северному Кавказу трех общероссийских газет, в определенной мере репрезентирующих спектр общественного мнения страны. Газета «Советская Россия» формально независима, но, как известно, отражает позиции левых сил, прежде всего, КПРФ. Лидер коммунистов Г. Зюганов

¹ См.: Ó Tuathail G. Thinking Critically about Geopolitics // The Geopolitics Reader / G. Ó Tuathail, S. Dalby, P. Routledge (eds). L.: Routledge, 2006. P. 1–14.

² См.: Smith G. The Masks of Proteus: Russia, Geopolitical Shift and the New Eurasianism // Transactions, Institute of British Geographers NS. 1999. Vol. 24. № 4, P. 481–500; Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. М.: Аспект-Пресс, 2001; Tsygankov A.P. Rediscovering National Interests after the «End of History»: Fukuyama, Russian Intellectuals, and a Post-Cold War Order // International Politics. 2002. Vol. 39. № 4; Tsygankov A.P. Mastering Space in Eurasia. Russia's Geopolitical Thinking after the Soviet Break-Up // Communist and Post-Communist Studies. 2003. Vol. 35. № 1. P. 101–127.

и другие деятели партии нередко выступают на ее страницах. Газета «Завтра» известна неприемлемой оппозицией к власти и представляет точку зрения национал-патриотического направления. «Новая газета» также неизменно резко критикует власти, но с либеральных позиций. Она объединяет ряд известных московских журналистов, обозревателей, деятелей культуры, популярных среди интеллигенции и части бизнес-сообщества. Некоторые ее регулярные авторы были связаны с прежним Союзом правых сил (СПС). Сравнение содержания этих трех газет облегчается примерно равной частотой их выхода.

Таким образом, на основе выступлений официальных лиц и публикаций в газетах с помощью несколько модифицированной методики анализа геополитического дискурса, предложенной Дж. Тоалом («грамматики геополитики»)¹, были реконструированы разные дискурсы о происходящем на Северном Кавказе.

В-третьих, использованы материалы опроса 2000 респондентов в пяти регионах Северного Кавказа (Ставропольском крае, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Дагестане)², проведенного в декабре 2005 г. Левада-Центром по разработанной нами анкете³. Выборка представительна как для всех крупных этнических групп, так и для пяти регионов. Для определения 82 точек опроса использовался кластерный метод выборки⁴. Опрос был проведен методом личного интервью по случайной выборке, репрезентативной для взрослого населения старше 18 лет. Распределение выборки было пропорционально численности взрослого населения в каждом регионе (Дагестан – 625 человек, Кабардино-Балкария – 246 человек, Карачаево-Черкесия – 121 человек, Северная Осетия – 198 человек, Ставропольский край).

¹ См.: Ó Tuathail G. Theorizing Practical Geopolitical Reasoning: The Case of U.S. Bosnia Policy in 1992 // *Political Geography*. 2002. Vol. 21. № 5. P. 601–628.

² Политическая ситуация в Чечне и Ингушетии не позволяла провести надежный социологический опрос.

³ Анкета разработана проф. Дж. О'Локлином и авторами.

⁴ Описание методологии см.: O'Loughlin J., Ó Tuathail G. Accounting for Separatist Sentiment in Bosnia-Herzegovina and the North Caucasus of Russia: A Comparative Analysis of Survey Responses. Paper presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association, Philadelphia, September 1, 2006 [<http://www.colorado.edu/ibs/waroutcomes/manuscripts.html>]. Более подробный анализ результатов опроса на русском языке см.: В.А. Колосов, Дж. О'Локлин. Социально-территориальная динамика и этнические отношения на Северном Кавказе // *Политические исследования*. 2008. № 4. С. 27–47.

Северный Кавказ в российских геополитических представлениях. В процессе покорения и включения в состав Российской империи северокавказский регион обрел особое место в российских геополитических представлениях как рубеж между цивилизацией и варварством, арена жестокой имперской силовой политики. Грибоедов и Пушкин, Лермонтов и Толстой внесли заметный вклад в создание романтического образа региона в российской литературе. Соответственно, с ранних лет российские школьники усваивают набор распространенных геополитических представлений. С одной стороны, Кавказ – это край природных красот, героических воинов, исламской традиции и мистицизма. С другой стороны, это край безжалостных бандитов, людей иной расы, неуправляемый регион, жизнь которого недоступна пониманию центра.

Природные богатства и романтический образ региона содействовали развитию туристической и рекреационной инфраструктуры в советское время. Северный Кавказ представлялся как внутренняя территория, известная прежде всего благодаря курортам Черноморского побережья и Кавказских Минеральных Вод. Она виделась также как одна из главных житниц страны и ее «этнографический музей»⁵.

Эти представления радикально изменились после распада СССР. Северный Кавказ стал ареной острых национальных столкновений и войны в Чечне. Ныне он граничит с районами кровопролитных конфликтов в бывших соседних советских республиках. Образ Северного Кавказа ассоциируется с такими понятиями, как «война», «терроризм», «насилие». Их использовало 42% россиян, опрошенных в 2005 г. Фондом «Общественное мнение» (ФОМ). Только у 8% респондентов название региона вызвало положительные ассоциации – «море», «горы», «хорошая погода», «отдых», «курорты»⁶. Такие представления в значительной мере формируются средствами массовой информации, в первую очередь, телевидением. По подсчетам А.Г. Дружинина, более 70% информации о Южном федеральном округе на общегосударственных каналах носит негативный характер⁷.

⁵ См.: Щитова Н.А. География образа жизни: теория и практика регионального исследования. Ставрополь: СГУ, 2005; Чихичин В.В. Географический анализ образов городов Ставропольского края. Дисс. ... канд. геогр. наук. Ставрополь: СГУ, 2006.

⁶ См.: Бавин П. Северный Кавказ: знания и представления о регионе // http://bd.fom.ru/map/projects/dominant/dom0532/domt0532_2.11.08.2005

⁷ См.: Дружинин А.Г. Юг России конца XX – начала XXI в. (экономико-географические аспекты). Ростов н/Д: РГУ, 2005.

Несмотря на значительное увеличение в последние годы потока отдыхающих в район Минеральных Вод, число туристов так и не достигло уровня конца 1980-х гг.¹. Стойкая ксенофобия в отношении тех, кого российские правоохранительные органы называют «лицами кавказской национальности», укоренившийся политический цинизм и коррупция поддерживают в целом негативный образ ЮФО, который доминирует в российских геополитических представлениях за пределами региона².

Официальный дискурс о событиях на Северном Кавказе. Северный Кавказ играл заметную роль в приходе Владимира Путина к власти. Искусно использовав нападение исламских мятежников на Дагестан осенью 1999 г., В. Путин стал президентом и возглавил процесс возвращения к централизованной модели государственной власти в России. Агрессия исламских фундаменталистов в Дагестане и совпавшие с ней по времени взрывы жилых домов в российских городах были использованы для придания образу Путина черт «сильного человека», компетентного патриота, ратующего за территориальную целостность государства и адекватный ответ терроризму, беззаконию и коррупции в стране. Вторая чеченская война была длительной и кровавой. Драматические события — захват заложников в театре на Дубровке в октябре 2002 г., взрывы самолетов в августе 2004 г., захват школы в Беслане в сентябре 2004 г., атака на Нальчик в октябре 2005 г., перестрелки в Черкесске в декабре 2006 г. — служили серьезными напоминаниями о том, что политическое насилие в регионе не было преодолено³. В конце 2000-х гг. официальная версия об улучшении ситуации подвергалась сомнению; критики кремлевской политики утверждали, что она по-прежнему оставалась взрывоопасной.

Основные положения официального дискурса обобщены в таблице 1. Он исходит из убеждения, что Северный Кавказ, при всем его разнообразии и неоднородности — органическая часть российского государства. Президент кратко задал эту рамку в своем выступлении на общественном форуме народов Кавказа и Юга России 26 марта 2004 г.: «Северный Кавказ — это крупнейший центр многообразной, но еди-

ной российской духовной культуры. И любые попытки нарушить это единство всегда встречали отпор, в том числе и отпор со стороны народов Кавказа... У народа России и у народов Кавказа — единая судьба... Кавказ для всей России — это не просто один из регионов. Это хорошо знают во всех уголках страны, любят притягательную природу Кавказа. Нам всем со школьных лет близка кавказская тема и знакома история этой земли»⁴.

Определение российской культуры как «многообразной, но единой» затушевывает многие противоречия и напряжения, связанные с имперской историей отношений российского государства с исламом и кавказским регионом. Но есть и иные версии. Как пишет О. Фигс, ряд наблюдателей воспринимают столкновение России с исламским миром как историю имперского завоевания, обернувшегося затяжной жестокой войной с исламскими мятежниками в Чечне и Дагестане⁵. Во время Кавказской войны 1817—1864 гг. царская Россия постепенно завоевала восточную часть региона, вынудив в 1859 г. мятежного лидера имама Шамиля капитулировать, после чего тот присягнул на верность царю. О. Фигс отмечает, что «российская южная граница представляет собой решающий фронт в «столкновении цивилизаций» между исламом и христианством. Последняя война в Чечне, таким образом, представляется возвращением в «состояние естественного конфликта» между этими религиозными традициями после крушения искусственного мира, установленного советским режимом.

Но, как показывает О. Фигс и другие исследователи, кавказские войны и чеченский мятеж — скорее нетипичные события на фоне длительной истории мирного существования и взаимодействия между российским государством и исламом⁶. Присяга имама Шамиля на верность царю — парадигма новых отношений, которые установились между регионом и российскими властями после 1859 г. В. Путин напоминает о завещании Шамиля сыновьям: «Хранить верность Российскому государству, жить в мире и согласии с его народами».

Таким образом, главный аргумент заключается в том, что подавляющее большинство северокавказских народов не мыслит себя без

¹ См.: Чикихин В. Указ. соч.

² См.: Trenin D., Malashenko A. Russia's Restless Frontier: The Chechen Factor in Post-Soviet Russia. Washington: The Carnegie Endowment for International Peace, 2004.

³ См.: Kramer M. The Perils of Counterinsurgency: Russia's War in Chechnya // International Security. 2004/2005. Vol. 29. No 3. P. 5–63.

⁴ Путин В. Заключительное слово на общественном форуме народов Кавказа и юга России 26 марта 2004 г. // <http://www.kremlin.ru/>.

⁵ См.: Figs O. Islam: The Russian Solution // The New York Review of Books. 2006. December 21. P. 74.

⁶ См.: Crews R., For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Cambridge: Harvard UP, 2006.

Таблица 1

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ОФИЦИАЛЬНОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

	«Грамматика» дискурса	Дискурс
Характеристика современной ситуации в регионе	Почему Северный Кавказ важен для России?	Речь идет о <i>самом существовании</i> российского государства. Чечня – не только очаг терроризма. «Если мы позволим создать фундаменталистское государство от одного моря до другого, то потом это распространится и на другие районы компактного проживания мусульманского населения России... Любая страна встала бы на защиту своей территориальной целостности» ¹ .
	Как меняется ситуация?	Обстановка постепенно нормализуется: число террористических актов значительно сократилось, экономическая ситуация улучшается.
	Каковы внешние факторы и международные последствия ее развития?	Терроризм на Северном Кавказе – часть международной террористической угрозы. Россия находится на переднем крае борьбы против международного терроризма. Однако Запад пытается применять двойные стандарты к оценке ситуации на Кавказе и в другие районах, например, на Балканах.
Действующие силы и причины	Каковы причины создавшегося положения?	Факторы развития ситуации – и внутренние, и внешние. Социально-экономическое положение в регионе (бедность, безработица, коррупция, недоверие властям) имеет большое значение.
	Чем объясняется ситуация и кто несет за нее ответственность?	Международный террористический интернационал. Трудности постсоветского переходного периода.
Политические интересы и выводы	Какие политические выводы должны быть сделаны?	Компромиссов с террористами быть не может. Территориальная целостность страны – условие ее процветания, и ее защита – патриотический долг каждого гражданина.
	Какие меры следует предпринять?	Укреплять правоохранительную систему, способствовать экономическому развитию, создавать средний класс.

России. Такой позиции, по мнению президента, придерживается большинство населения Северного Кавказа. Доказательством этому для В. Путина является тот факт, что в 1999 г. дагестанская милиция и добровольцы сражались бок о бок с российскими федеральными войсками против чеченских сепаратистов.

Второй аргумент заключается в том, что Россия просто не может позволить себе «уйти» из Северного Кавказа или его части. В интервью представителям зарубежных СМИ В. Путин не раз подчеркивал, что действия федеральных сил на Северном Кавказе определялись не только необходимостью подавить гнездо терроризма, но и опасностью, которую представляла собой неуправляемая Чечня для всего российского государства. Агрессия де-факто независимой Чечни против Дагестана в 1999 г. и исходившие из нее непрерывные подрывные акции против соседних регионов ясно продемонстрировали, что целью террористов было создание глубоко враждебного России мусульманского государства «от моря и до моря». Вызванный им социальный хаос мог распространиться в другие мусульманские регионы страны, что постави-

ло бы под угрозу само существование России. Поэтому каждый истинный патриот страны должен поддерживать непримиримую борьбу против терроризма и сепаратизма. Выступая на французском телевидении в июле 2006 г., В. Путин сказал: «...Не мы начали войну в 1999 году, а именно с территории Чечни международные банды напали на соседнюю российскую республику Дагестан, тоже, кстати говоря, мусульманскую республику. И мусульмане Дагестана вместе со значительной частью населения Чеченской Республики дали отпор этим террористам, и только потом к ним на помощь пришли наши регулярные Вооруженные Силы, только потом. Но мы не могли этого не сделать. Я полагаю, что любая страна встала бы на защиту своей территориальной целостности, потому что для нас в этом случае речь шла не просто о подавлении очага терроризма на Северном Кавказе и в Чечне, в частности. Для нас было понятно, что если мы позволим создать фунда-

¹ Интервью Президента РФ В. Путина телеканалу TF-1 (Франция). 12 июля 2006 г. // http://www.kremlin.ru/appears/2006/07/12/1133_type63379_108509.shtml.

менталистское государство от одного моря до другого, то потом это распространится и на другие районы компактного проживания мусульманского населения России. Для нас речь шла о существовании самой Российской Федерации и ее государственности. И считаю, что все наши действия были обоснованны»¹.

Этот отрывок иллюстрирует также стремление В. Путина, особенно в интервью международным СМИ и в выступлениях перед иностранными аудиториями, уложить действия России в разумные и легитимные рамки международных норм, таких, как право на защиту территориальной целостности страны. Путин заявлял, что его политика в отношении Чечни основывалась на принципиальной приверженности демократии. Это выразилось, во-первых, в предоставлении свободы действий бывшим мятежникам, которые стали руководить республикой — Ахмаду-Хаджи Кадырову, а затем его сыну Рамзану, сегодняшнему президенту Чечни. И во-вторых, в проведении в 2005 г. референдума о принятии республиканской конституции, согласно которой Чечня является неотъемлемой частью Российской Федерации. «Для меня это принципиальный вопрос. Он решен самым демократическим образом...» — подчеркнул Путин в том же интервью. Он отметил, что на референдуме, проведенном под наблюдением международных исламских наблюдателей, 80% проголосовавших поддержали конституцию. Путин также указывал, что бюджеты северокавказских республик на 74% формируются на основе поступлений из федерального центра².

Третий аргумент состоит в том, что действия федеральных сил против чеченских сепаратистов — часть борьбы против международного терроризма³. Еще в 2001 г. атака террористов «Аль-Каиды» против американских городов послужила основой нового официального российского геополитического дискурса, в котором противоборство между «цивилизованными» и «варварскими» силами, в том числе чеченским терроризмом, было представлено как фундаментальная основа мировой политики и показано, что России в этом противоборстве при-

надлежит важное место среди цивилизованных стран⁴. Согласно этой версии, перипетии истории Северного Кавказа рассматриваются как «столкновение цивилизаций» в лице «хороших российских мусульман» и «международных террористов», и речь вовсе не идет о противостоянии православия и ислама или России и Чечни.

Россия (пере-)квалифицируется как «цивилизованная сила», партнер Запада в глобальной войне с терроризмом⁵. Укрепляя версию о том, что действия России на Северном Кавказе — часть «войны с терроризмом» и тем самым легитимируя политику Кремля в регионе, администрация Путина всегда напоминала, что в Чечне воевали «международные террористы», такие, как иорданец Хаттаб, убитый в 2002 г.⁶ Отсылка к внешним причинам политической нестабильности на Северном Кавказе стала после 11 сентября 2001 г. доминирующим элементом кремлевского дискурса.

Попытки ассоциировать российскую войну в Чечне с «глобальной войной с терроризмом» удалась лишь отчасти. Нарушения прав человека российскими и местными военными формированиями не раз подвергались публичной критике Запада. Ветераны холодной войны в администрации Буша, особенно те, что сплотились вокруг вице-президента Р. Чейни, испытывали глубокое недоверие к администрации Путина, стремившейся восстановить влияние России в Евразии⁷. Результатом стали, с одной стороны, постоянно усиливавшаяся критика путинской администрации администрацией Буша и НАТО, а с другой — антиамериканская и антизападная риторика официальной кремлевской пропаганды. Солидарность времен «глобальной войны с терроризмом» ушла в прошлое. Любимой темой путинской администрации стали «двойные стандарты», которые НАТО и западные державы применяют к России и российской политике на Северном Кавказе и в «ближнем зарубежье». Путин часто проводил аналогии между ситуацией в Косово и «замороженными конфликтами» в Закавказье и При-

¹ Интервью президента РФ В. Путина телевизионному каналу TF-1 (Франция) 12 июля 2006 // <http://www.kremlin.ru/>.

² См.: Путин В. Речь на встрече с главами регионов юга России, представителями Российского государства и частных компаний 29 сентября 2006 г. в Сочи // <http://www.kremlin.ru>.

³ См., например, информацию о рабочей встрече В. Путина с директором ФСБ Н. Патрушевым 10 июля 2006 г. // http://www.kremlin.ru/appears/2006/07/10/1731_type63374type63378type82634_108460.shtml.

⁴ См.: O'Loughlin J., Ó Tuathail G., Kolossov V. Russian Geopolitical Culture in the Post 9/11 Era: The Masks of Proteus Revisited // *Transactions, Institute of British Geographers NS*. 2005. Vol. 30. № 3. P. 322–335.

⁵ См.: O'Loughlin J., Ó Tuathail G., Kolossov V. A Risky Westward Turn? Putin's 9/11 Script and Ordinary Russians // *Europe-Asia Studies*. 2004. Vol. 56. № 1. P. 3–34.

⁶ Путин В. Интервью германским телевизионным каналам ARD and ZDF 5 мая 2006 г. // <http://www.kremlin.ru/>.

⁷ Trenin D. Russia Leaves the West // *Foreign Affairs*. 2006. Vol. 85. № 4 (July/August). P. 87–96.

днестровье, пытаясь извлечь выгоду из прецедента предоставления независимости Косово¹.

Хотя Кремль резко критиковал западные структуры, представители администрации и поддерживающие их круги ссылались на западные институты, когда это отвечало их интересам. Так, например, в серии публикаций в «Российской газете» подчеркивалось, что представители Совета Европы фиксировали улучшение в области прав человека на Северном Кавказе².

Четвертый аргумент официального дискурса — улучшение ситуации на Северном Кавказе как доказательство правильности правительственного курса. Бывший представитель президента в ЮФО Д. Козак докладывал В. Путину, что за 2005–2006 гг. число террористических акций в регионе сократилось втрое, а общий уровень преступности в расчете на 100 тысяч жителей был на 40% ниже среднего по стране. Наблюдались отчетливые признаки улучшения экономической ситуации. За первую половину 2006 г. производство промышленной продукции возросло на 7,9% — больше, чем в среднем по России. Социологические опросы фиксировали рост социального оптимизма³. Объявленная Государственной Думой амнистия побудила многих террористов сложить оружие. Были уничтожены их многие лидеры, в том числе Ш. Басаев.

В числе причин сложившейся на Северном Кавказе ситуации президент России указывал, во-первых, на внешнюю поддержку радикальных движений. Масштабные террористические акции были бы без нее невозможны.

Во-вторых, официальным лицам приходится признать, что терроризм обусловлен бедностью, безработицей и коррупцией, что должно служить руководством к действию для федеральной власти. С одной стороны, государству следует усилить правоохранительную деятельность и повысить эффективность работы мили-

ции в регионе. Никакие компромиссы с террористами невозможны, от них нельзя откупиться подачками. Против тех, «кто взял в руки оружие, угрожает жизни и здоровью наших граждан, целостности Российского государства», правоохранительные органы должны действовать «слаженно, эффективно, жестко»⁴.

С другой стороны, государство должно стимулировать экономический рост и создать средний класс. «У нас есть деньги, проблема в том, как их потратить», — заявил президент на специальной встрече с главами регионов Юга России, представителями государственной власти и частных компаний в Сочи⁵. По словам президента, инвестиционные риски преувеличены, террористическая угроза снижается, и проблема по большей части в том, чтобы преодолеть негативный образ региона⁶. Путин объявил тогда о создании специальной комиссии по улучшению социальной и экономической ситуации в ЮФО. Приглашение представителей частного бизнеса на встречу, на которой Путин объявил о своей политике на Северном Кавказе, неявно свидетельствовало о том, что федеральные финансовые субвенции региону часто разворовываются и используются для личного обогащения⁷.

Важный элемент официальной версии — объяснение потерь среди гражданского населения на Северном Кавказе активностью террористов, большой размах которой был бы невозможен без скрытой внешней поддержки. Временами подобные заявления перекликались с конспирологической геополитической риторикой времен холодной войны.

Полемика внутри Кремля о правильной стратегии в отношении Северного Кавказа редко выходила на публику. Исключением стал случай, произошедший весной 2005 г., когда стратегия, основывавшаяся только на «субсидиях и оружии», была подвергнута жесткой критике. Источником послужил секретный доклад Дмитрия Козака президенту о ситуации на Северном Кавказе. Часть доклада попала в прессу. Цифры, приводившиеся в докладе, противоречили позитивным заявлениям в духе «мы побеждаем, и ситуация улучшается». В части

¹ Путин В. Начало встречи с президентом Сербии Борисом Тадичем 15 ноября 2005 г.; Ответы на вопросы, полученные в ходе Интернет-конференции президента России 6 июля 2006 г. // <http://www.kremlin.ru/>.

² Воробьев В. Совет комиссара. Комиссар Совета Европы предложил чеченским боевикам сдаться // Российская газета. 2006. 27 февр.; Фалалеев М. Чечня после Басаева. Заместитель министра внутренних дел вычислил планы террористов // Российская газета. 2006. 3 авг.

³ Начало рабочей встречи с полномочным представителем Президента в Южном федеральном округе Дмитрием Козаком. 31 августа 2006 г. <http://www.kremlin.ru/appears/2006/08/31/1950type63378110498.shtml>; Начало рабочей встречи с Президентом Республики Дагестан М. Алиевым, 29 августа 2006 г. <http://www.kremlin.ru/appears/2006/08/29/1734type63378110419.shtml>.

⁴ Заявление в связи с террористической вылазкой в Кабардино-Балкарии. 14 октября 2005 г. <http://www.kremlin.ru/appears/2005/10/14/1631type63374type6337895414.shtml>.

⁵ Путин В. Речь на встрече с главами регионов Юга России, представителями российского государства и частных компаний 29 сентября в Сочи // <http://www.kremlin.ru/>.

⁶ Путин В. Начало рабочей встречи Президента с его представителем в ЮФО Дмитрием Козаком 31 августа 2006 г. // <http://www.kremlin.ru>.

⁷ См.: Trenin D., Malashenko A. Op. cit. P. 38.

доклада, просочившейся в прессу, говорилось: «В некоторых регионах ЮФО федеральные власти пользуются недостаточной поддержкой населения. В 6 из 12 регионов ЮФО негативные оценки в сумме превышают позитивные. Несмотря на то, что в ЮФО самая высокая численность силовиков в Европе (1180 сотрудников на 100 тысяч жителей), работа правоохранительных органов малоэффективна. От 54 до 90% предпринимателей убеждены, что не имеют ни малейшего шанса отстоять свои права в судах, споря с региональными властями. 40–88% постоянно сталкиваются с милицейским произволом»¹.

Упор на позитивные изменения в экономике и общественной жизни Северного Кавказа, характерный для официального геополитического дискурса, нередко входил в противоречие с картиной, которую рисовала официозная «Российская газета». За год с сентября 2005 г. по октябрь 2006 г. в 52 из 63 помещенных в ней статей о ситуации на Северном Кавказе сообщалось о террористических актах, действиях федеральных и региональных структур в борьбе с террористами и судьбе федеральной кампании по амнистии. Хотя в большинстве случаев «Российская газета» старалась сохранять позитивный тон или ограничивалась сухой информацией, она явно не способствовала изменению имиджа Северного Кавказа в глазах россиян. В 6–7 публикациях содержалась критика властей, преимущественно в форме интервью. Например, бывший президент Северной Осетии Александр Дзасохов косвенно обвинил власти в остром кризисе промышленности в республиках Северного Кавказа, что повлекло за собой отъезд русского населения, углубило изоляцию, бедность и коррупцию. По словам Дзасохова, решение кавказской проблемы – в экономическом возрождении региона². Вторя ему, бывший президент Чечни А. Алханов раскритиковал федеральную программу помощи Чечне, сравнив ее с наркотической зависимостью. По его мнению, эта программа служила интересам коррумпированных чиновников и увеличивала зависимость Чечни от соседних регионов. Алханов полагал, что единственная надежда республики – в восстановлении сельского хозяйства и малого и среднего бизнеса³.

¹ Шогенов А. Семь советов. Послесловие к событиям в Нальчике // Советская Россия. 2005. 17 нояб.

² См.: Дзасохов А. Новые грани Кавказа // Российская газета. 2006. 5 сент.

³ См.: Борисов Т. Алханов изложил план обустройства Чечни // Российская газета. 2006. 9 июня.

Альтернативные дискурсы о событиях на Северном Кавказе: левый дискурс. Левый дискурс (табл. 2) во многом схож с официальным: регион жизненно необходим для России, и любая попытка отделения северокавказского региона или его части станет шагом к распаду российского государства. Газета опубликовала статью американского интеллектуала – антиимпериалиста Джеймса Петраса, который проводит четкие аналогии с Косово. Он писал, что после получения независимости Чечня стала бы похожей на Косово – государство-«клиент», существующее на иностранные деньги, на территории которого располагается большая американская военная база, управляемое гангстерами и боевиками, которые занимаются транзитом наркотиков, оружия, сексуальной работоторговлей и вовлечены в террористическую деятельность вдоль южной границы России⁴. В отличие от официального дискурса, согласно левой версии, война на Северном Кавказе не окончена и угроза полномасштабного конфликта не миновала.

Причины столь тревожной ситуации двоякого рода, внешние и внутренние. Во-первых, за нее несут ответственность англо-американские империалисты, традиционно использующие лозунг национального самоопределения для включения новых территорий в свою сферу влияния. Поддерживая талибов в Афганистане в их борьбе против Советской армии и косовских боевиков против сербов, США способствовали формированию мусульманского фундаментализма. В своих эгоистических интересах США разжигают сепаратистские движения, террор и насилие. Они заинтересованы в дальнейшем расширении зоны своего экономического и финансового контроля, прежде всего над нефтяными ресурсами, и в дезинтеграции Российской Федерации как одного из немногих государств, которое еще может сопротивляться их диктату⁵. В левом и национал-патриотическом дискурсе обильно цитируются высказывания З. Бжезинского вроде его многозначительной обмолвки: «...Множество мелких этнических анклавов Северного Кавказа все еще (!) находятся во власти России»⁶. Двойные стандарты глубоко органичны западному политическому мышлению. В левом дискурсе подчеркивается: Запад всегда считает себя правым, поскольку, по его

⁴ См.: Петрас Дж. Чей союзник наш союзник? Тайный план США: Политика терроризма на Северном Кавказе // Советская Россия. 2005. 22 окт.

⁵ См.: Петрас Дж. Указ. соч.; Попов В. Кавказский пороховой круг. Геополитические сценарии ближайших лет и воля нации // Советская Россия. 2006. 16 марта.

⁶ Цит. по: Попов В. Указ. соч.

Таблица 2

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ЛЕВОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

«Грамматика» дискурса		Дискурс
Характеристика современной ситуации в регионе	Почему Северный Кавказ важен для России?	Речь идет о <i>самом существовании</i> российского государства. Победа террористов на Кавказе будет означать этап на пути к распаду России.
	Как меняется ситуация?	Риск крупномасштабного конфликта быстро возрастает.
	Каковы внешние факторы и международные последствия ее развития?	Англо-американские империалисты – сообщники кавказских террористов: они поддерживают их, чтобы расчленить Россию и подчинить ее осколки своему влиянию. Убедительных доказательств причастности международного терроризма к акциям на Северном Кавказе нет.
Действующие силы и причины	Каковы причины создавшегося положения?	Тотальная коррупция, разрушение хозяйства и бедность, вызванная уходом государства из экономики. «Кричащие проблемы народных масс стали питательной средой бандитизма... Реакционные силы активно используют растущее социальное зло в борьбе за власть и собственность» (Г. Зюганов).
	Чем объясняется ситуация и кто несет за нее ответственность?	Правящий режим, патологически неспособный действовать эффективно и равнодушный к нуждам миллионов граждан. Запад и особенно США, объявившие Кавказ зоной своих жизненных интересов. «Демократы», развалившие Советский Союз при поддержке США.
Политические интересы и выводы	Какие политические выводы должны быть сделаны?	1. «В советское время мы даже не знали о том, что такое безработица и инфляция, терроризм и рэкет...». 2. Москва должна наконец отказаться от безоглядного западничества.
	Какие меры следует предпринять?	Вопрос о смене власти все острее встает в повестку дня. Нужно занять твердую позицию в отношениях с США, Великобританией и другими западными странами.

мнению, созданная западными странами политическая система – венец демократии и несет миру свободу и процветание. США и Англия поддержали развал СССР и других социалистических стран Европы только потому, что они не были похожи на их безнравственные общества¹. В то же время в левом дискурсе отмечается, что убедительных доказательств широкой вовлеченности международного терроризма в акции на Северном Кавказе нет.

Во-вторых, в левом дискурсе ответственность за положение дел на Северном Кавказе возлагается на нынешний российский политический режим, виновный в полном уходе государства из экономики региона и ее деградации: разрушении целых отраслей народного хозяйства, безработице, бедности, тотальной коррупции. Именно в результате иррациональной политики Москвы произошла самоизоляция республиканских элит от собственного народа. «Советская Россия» приводит пример Кабардино-Балкарии. Вопреки официальным данным, пишет газета, ВВП республики в последнее время ежегодно снижается на 3–5%. По уровню бюджетных расходов на душу на-

селения она занимает одно из последних мест в РФ. Федеральный центр дотирует ее бюджет на 70%. Средняя заработная плата почти вдвое ниже, чем в среднем по стране. Современный период авторы газеты сравнивают со славным советским прошлым: если в 1920 г. в Кабарде и Балкарии были всего две школы на 23 места, то за годы советской власти образовано около 10 высших, 15 средних специальных учебных заведений, в которых обучалось свыше 15 тыс. студентов. Число профессоров и доцентов, докторов и кандидатов наук превышает число грамотных людей в 1920 г. Только в одном Нальчике в советские годы за одни сутки производилось продукции в 60 раз больше, чем во всей Кабардино-Балкарии в 1920 г. Никто и не слышал тогда о таких понятиях, как безработица, инфляция, рэкет, терроризм, коррупция, проституция и олигархи. Отношения между народами были мирными и дружественными².

² См.: Кушков М. Ответ страдающим беспомощностью. Что дала советская власть народам Кабардино-Балкарии? // Советская Россия. 2006. 2 сент.; Шогенов А. Довели Кабардино-Балкарию до ручки. Хочу дать несколько советов, о которых меня никто не просит // Там же. 2006. 26 авг.; Он же. Семь советов. Послесловие к событиям в Нальчике // Там же. 2005. 17 нояб.

¹ См.: Шогенов А., Указ. соч.

Особенно клеймит «Советская Россия» правящий режим за постоянную ложь. Во многих публикациях газета доказывает, что власти скрывают правду о событиях в Беслане и Нальчике. Лживые и трусливые руководители, направлявшие действия сил правопорядка в Беслане, заботились лишь о своих карьеристских интересах; их мало волновали судьбы тысяч заложников, многие из которых в результате неумелых действий «силовиков» погибли от огня своих же. В частности «Советская Россия» обвиняет федеральные власти в том, что они не допустили приезда в Беслан Масхадова, который мог бы остановить террористов¹.

Для лидера КПРФ Г. Зюганова вывод ясен: «Режим патологически неспособен действовать эффективно. Ему нет дела до миллионов граждан... Вопрос о смене власти все острее встает в повестку дня»². В то же время «Советская Россия» посвятила за год на удивление мало материалов Северному Кавказу: всего 11 публикаций. Для газеты гораздо интереснее общегосударственные и глобальные геополитические проблемы. То же можно сказать и о газете «Завтра»: за год всего 10 материалов о Северном Кавказе.

Национал-патриотический дискурс определяет ситуацию в регионе так же, как и официальный и левый дискурсы: вопрос касается самого существования России как независимого государства. Россия должна бороться за политическую стабильность на Кавказе, иначе она просто исчезнет с карты мира. «Завтра» резко критикует тех, кто под предлогом экономии средств федерального бюджета предлагает сбросить бремя проблем Кавказа, предоставив его самому себе: дать независимость Чечне и другим республикам, если они того пожелают³. Национал-патриотический дискурс отличают два аргумента: во-первых, акцент на дискриминацию и преследование русского населения, которое вынуждено мигрировать, не получая никакой помощи от федеральных властей. Без русского населения нельзя сохранить Северный Кавказ в составе российского государства, подчеркивает «Завтра». Газета цитирует чеченские документы периода квазинезависимости

Ичкерии и приводит лозунг, украшавший, по ее словам, в ту пору въезд в Грозный: «Русские, пожалуйста, не уезжайте! Нам нужны рабы и проститутки!». Однако власти ищут поддержки среди кого угодно, только не русских, пишет газета. Русский беженец по возвращении в Чечню может претендовать на компенсацию в 125 тыс. рублей, а чеченец — 300 тыс.⁴

Во-вторых, национал-патриотический дискурс о Северном Кавказе окрашен ярко выраженными антииммигрантскими настроениями. «Завтра» объясняет приток мигрантов из региона бедностью и нестабильностью. По мнению газеты, мигранты представляют серьезную опасность для русской идентичности и культуры. Таким образом, ввиду повсеместного присутствия мигрантов ситуация на Северном Кавказе касается каждого российского гражданина. Трудно удержаться от цитирования колоритных, как всегда, строк главного редактора газеты А. Проханова: «Что произошло с Москвой, некогда столицей русского государства, гордым центром советской страны, а теперь — Вавилоном, где коренной москвич отесняется все дальше к окраинам, а центр заселяется вальяжными горцами, и скоро названия арбатских переулков нужно будет дублировать на языках малоизвестных кавказских племен. "Здесь тюркский дух, здесь тюрком пахнет..." И рынки, бесконечные рынки: продовольственные, вещевые, строительные, где клубятся миллионы азербайджанцев, глазастых, с фиолетовой шетиной, с волосатыми пальцами, мнущими то абрикос, то турецкую дубленку, то амстердамскую розу. Пол-Азербайджана живет в Москве. И пол-Грузии — тоже в Москве. И пол-Армении тоже. А также несметные полчища узбеков, таджиков, молдавских цыган, китайцев, вьетнамцев и, кажется, зулусов, тибетцев, стадо кенийских шимпанзе, небольшое племя "снежных людей", обитающих в рощах Бутова».

В национал-патриотическом дискурсе, как и в левом, ситуация оценивается как угрожающая и обостряющаяся. После событий в Нальчике Дмитрий Rogozin, тогда еще лидер парламентской фракции партии «Родина», потребовал на страницах газеты «Завтра» ввести на Северном Кавказе чрезвычайное положение⁵.

Национал-патриоты согласны с коммунистами в том, что нельзя объяснить ситуацию заговором международных террористов. Радикальный исламизм, пишет «Завтра», всегда

¹ См.: *Польгуева Е.* Осажденный Нальчик // Советская Россия. 2005. 15 окт.; *Она же.* Кому принадлежала главная роль в спасении бесланских заложников? // Там же. 2006. 14 янв.; *Она же.* Уроки Беслана // Там же. 2006. 31 авг.

² *Зюганов Г.* Набат событий требует смены власти // Советская Россия. 2005. 15 окт.

³ См.: *Тукмаков Д.* Парад сепаратистов // Завтра. 2006. 31 мая.; *Сайдов Р.* Ставка на Кадырова // Там же. 2006. 21 июня.

⁴ См.: *Сошин Ю.* Кавказский тупик // Завтра. 2005. 23 нояб.; *Бойков И.* Дагестан на перепутье // Там же. 2006. 28 марта.

⁵ См.: *Рогозин Д.* Гвоздь недели // Завтра. 2005. 19 окт.

существовал в Чечне, Ингушетии и северном Дагестане. Ныне, в условиях идеологического вакуума, его идеи пропагандируются в среде народов, ранее традиционно лояльных России. Пророссийская часть северокавказского общества живет остатками советской идеологии. Советское наследие, воспоминания о Великой Отечественной войне чрезвычайно важны для старшего поколения: для него советская эпоха представляется периодом процветания, когда каждый мог найти работу, существовал порядок, поддерживались мирные отношения между народами региона. Однако парадоксальным образом советское наследие таит в себе мощный антироссийский заряд: советская пропаганда не уставала внушать, что имперская Россия была тюрьмой народов, и только советская власть принесла им свободу. Теперь повторяют тот же тезис, но уже в отношении нынешней России¹.

Как и коммунисты, национал-патриоты обвиняют американцев в оказании давления на Россию по всему периметру ее границ, в стимулировании сепаратизма в надежде на ее распад и контроль над ее богатыми ресурсами. Как и в официальном, и в левом дискурсе, национал-патриоты полагают, что США и другие западные страны применяют двойные стандарты. Более того, такая полтика для них логична и неизбежна, поскольку американцы убеждены в своем моральном превосходстве².

Как и коммунисты, авторы газеты «Завтра» винят во всех бедах Северного Кавказа нынешний кремлевский режим. Они стремятся показать, что этнические кланы монополизировали контроль над республиканскими и местными администрациями, правоохранительными органами, местными предприятиями государственных компаний и над наиболее прибыльными отраслями хозяйства. Из-за распада промышленности и других передовых отраслей, отъезда русского населения общество переживает процесс быстрой архаизации: фактически северокавказские республики возвращаются в эпоху феодализма, к режимам личной власти, сочетающим черты традиционной для Кавказа кланово-родовой системы с пережитками коммунистических структур. Эта система основывается также на произволе силовых ведомств, служащих клановым интересам, используемым в качестве инструмента кровной мести и сведения счетов между различными группировками,

¹ См.: Сошин Ю., Указ. соч.

² См.: Сошин Ю., Указ. соч.; Щукин О. Цхинвали—Москва // Завтра. 2006. 7 июня.; Рогозин Д. Вперед, к империи! // Там же. 2005. 25 янв.

что неминуемо усугубляет положение. Всеобщая коррупция — органически необходимый элемент системы. «Завтра» цитирует президента Дагестана М. Алиева: пост республиканского министра «стоил» 500 тыс. долларов, главы районной администрации — 150 тыс.³ Власть полностью изолирована от реальной жизни, социальная поляризация достигла скандального уровня, а уровень бедности и безработицы намного выше среднего по стране⁴.

В национал-патриотическом дискурсе делается тот же вывод, что и в левом: политика федеральных властей неадекватна ситуации. Необходимо как можно скорее заменить коррумпированные региональные элиты и реформировать правоохранительную систему, разработать и активно проводить в жизнь специальную экономическую политику для Северного Кавказа, которая позволит создать достаточно новых рабочих мест. Некоторые национал-патриоты предлагают также перекрыть политико-административную карту региона и сформировать провинции, которые имели бы равные права⁵.

В либеральном дискурсе нет особого акцента на исключительный характер ситуации на Северном Кавказе. Напротив, подчеркивается, что в принципе почва для всплеска насилия существует по всей стране. Коррупция повсеместно поразила региональные администрации, злоупотребляющие бюджетными средствами и искусственно создающими чрезмерную социальную поляризацию и бедность. Правоохранительная система защищает интересы власти, а не простых граждан и стремится предотвратить «оранжевую революцию». Однако проблемы Северного Кавказа имеют специфическую этническую и историческую окраску. Кроме того, именно там разгорелась «война против терроризма». Поэтому запыхало здесь, а не в другом месте, объясняла ведущий обозреватель «Новой газеты» А. Политковская⁶. Эта газета уделяла значительно больше места информации и аналитическим публикациям по Северному Кавказу, чем «Советская Россия» или «Завтра»: 49 материалов за год. Лишь один-два из них написаны в позитивном тоне.

³ См.: Бойков И. Указ. соч.

⁴ См.: Тукмаков Д. Указ. соч.; Он же. Дагестанский узел. Интервью председателя Национального совета кавказских народов Магомеда Чагучиева // Завтра. 2006. 22 февр.

⁵ См.: Бойков И. Указ. соч. и др.

⁶ См.: Политковская А. Расстрелян митинг против коррупции // Новая газета. 2006. 18 мая.

Таблица 3

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА НАЦИОНАЛ-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

	«Грамматика» дискурса	Дискурс
Характеристика современной ситуации в регионе	Почему Северный Кавказ важен для России?	1. Речь идет о <i>самом существовании российского государства</i> . Россия не может позволить себе уйти с Северного Кавказа. Там будет немедленно образовано одно или несколько эмиратов или ханств, глубоко враждебных России и предъявляющих ей территориальные претензии. 2. Дискриминация и преследование русского населения, лишеного всякой защиты федеральных властей. 3. Миграции сотен тысяч выходцев с Северного Кавказа в российские города, угрожающие русской идентичности и культуре.
	Как меняется ситуация?	Ситуация обострилась до критического уровня.
	Каковы внешние факторы и международные последствия ее развития?	1. Нельзя объяснить ситуацию влиянием международного терроризма: идеология радикального ислама веками существовала на востоке Северного Кавказа. 2. Геополитическое давление США по всему периметру российских границ становится нетерпимым. Запад занимает по отношению к России двуличную позицию и применяет двойные стандарты. Цель США – ослабление и дезинтеграция России.
Действующие силы и причины	Каковы причины создавшегося положения?	Неадекватная политика федеральных властей, позволившая региональным элитам установить авторитарные режимы, интересы которых не имеют ничего общего с чаяниями народа и лишены всякой поддержки. Бедность, безработица.
	Чем объясняется ситуация и кто несет за нее ответственность?	«Все проблемы – в Москве, а не на периферии». Администрации и правоохранительная система сформированы по кланово-родовому принципу. Коррупция – неотъемлемый элемент этой системы. Северокавказские республики возвращаются в феодализм: чиновники имеют неограниченную власть и контролируют наиболее прибыльные сферы экономики.
Политические интересы и выводы	Какие политические выводы должны быть сделаны?	Пророссийская часть северокавказского общества живет остатками советского идеологического наследия. Однако оно несет сильный антироссийский заряд. В нынешних условиях мусульманский экстремизм становится «идеологией социальной справедливости», протестом против аморального характера западной, а теперь также и российской цивилизации.
	Какие меры следует предпринять?	Устранить от власти региональные элиты, положить конец коррупции в правоохранительных органах, бороться с этнической преступностью, проводить активную экономическую и социальную политику, изменить политико-административное деление

В либеральном дискурсе ситуация на Северном Кавказе также оценивается как близкая к критической, свидетельства чему – политическая напряженность, конфликтные ситуации, противозаконные действия властей, нарушения прав человека. Газета формулировала четкий вывод: официальные заявления об улучшении положения в регионе – не более чем пропаганда. Объектами карательных акций нередко становятся люди, причастность которых к террористам сомнительна, а сами эти акции по сути часто представляют собой сведение счетов между кланами и кровную месть. В ходе жестоких силовых операций по борьбе с террористами органы правопорядка наносят большой и, как

правило, ничем не компенсируемый материальный и моральный ущерб невинным людям, в том числе женщинам и детям. Террористов практически никогда не захватывают живыми: газета объясняет это нежеланием правоохранительных органов иметь лишних свидетелей и заниматься сбором доказательств и в то же время их заинтересованностью в рапортах о новых успехах¹.

¹ См.: Политковская А. Штурм вашему дому. В Ингушетии продолжают ловить полевого командира «Магаса» (пятого по счету) // Новая газета. 2006. 23 июля.; Она же. Как в России штурмуют дома. Репортаж из города Хасавюрта // Там же. 2006. 2 февр.

Таблица 4

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА ЛИБЕРАЛЬНОГО (ПРАВОГО) ДИСКУРСА

	«Грамматика» дискурса	Дискурс
Характеристика современной ситуации в регионе	Почему Северный Кавказ важен для России?	Положение на Северном Кавказе такое же тревожное, как и в целом по России, хотя и осложняется рядом факторов, в особенности «войной против терроризма».
	Как меняется ситуация?	Ситуация быстро ухудшается, стабилизация – миф официальной пропаганды.
	Каковы внешние факторы и международные последствия ее развития?	Лозунг о глобальной войне против международного терроризма используется федеральными властями для оправдания своей глубоко ошибочной политики
Действующие силы и причины	Каковы причины создавшегося положения?	Тотальная коррупция, злоупотребление бюджетными средствами, бедность, безработица, двуличие и лживость официальной пропаганды, каждодневные нарушения элементарных прав человека. Архаизация общества, сочетающего традиционную этноклановую организацию с пережитками коммунистических структур. Игнорирование реальности федеральным центром.
	Чем объясняется ситуация и кто несет за нее ответственность?	Грубые и непрофессиональные действия федеральных властей, драматически нагнетающие антироссийские настроения.
Политические интересы и выводы	Какие политические выводы должны быть сделаны?	Федеральные власти не могут не только справиться с ситуацией, но даже проанализировать ее.
	Какие меры следует предпринять?	Солидарность и самоорганизация гражданского общества могут предотвратить дальнейшие осложнения.

Либеральный дискурс возлагает ответственность за эскалацию насилия в регионе на федеральные и местные власти, которые прикрываются лозунгами «глобальной войны с терроризмом», чтобы оправдывать свою репрессивную политику¹. Отвечая голландскому парламентария Э. Юргенсу, сделавшему доклад о нарушениях прав человека на Северном Кавказе, глава российской делегации на одной из сессий Совета Европы К. Косачев заявил: «То, что вы называете гражданской войной, на самом деле является борьбой с терроризмом». Ведущий аналитик Московского центра Карнеги Л. Шевцова определила эту тактику как использование либеральной риторики нелиберальной властью². Либералы опровергают заявления российских официальных лиц о том, что европейские политики признают улучшение ситуации в регионе, и вместе с тем обращаются к международным правозащитным организациям с просьбой быть более аккуратными в оценках случаев нарушения прав на Северном Кавказе³.

¹ Политковская А. «Поможем умереть» и «Жив ли я» – две стороны одной стены. Что прочитали на стенах камер Октябрьского РОВД Грозного родственники исчезнувших людей // Новая газета. 2006. 19 июня.

² См.: Шевцова Л. Россия Путина. М.: Московский центр Карнеги, 2005.

³ Халип И. В Страсбурге произнесли горную проповедь // Новая газета. 2006. 30 янв.

Международные эксперты разработали критерии, позволяющие определить степень причастности «Аль-Каиды» к событиям в каком-либо регионе. Опрошенные газетой иностранные специалисты считают, что международные террористические организации действительно оказывают финансовую и идеологическую поддержку северокавказским террористам, но эта помощь не играет решающей роли. В отличие от групп «Аль-Каиды», проникших во многие страны мира, Басаев и его соратники предпринимали акции исключительно против российского государства, их не интересовали цели на Западе⁴.

Таким образом, все оппозиционные газеты – от национал-патриотической до либеральной – ставят один и тот же диагноз. Причины кризисного положения на Северном Кавказе – коррупция, злоупотребление бюджетными средствами, бедность, безработица, двуличие официальной пропаганды. В либеральном дискурсе также подчеркивается, что власти в республиках не пользуются доверием людей и им нет дела до нужд простых граждан. «Новая газета» вскрывает мотивы политических решений,

⁴ См.: Солдатов А., Бороган И. Российские спецслужбы движутся в неверном направлении. Неправильственный доклад: нужна ли Чечня международным террористам? // Новая газета. 2006. 24 апр.

принимаемых республиканскими властями, и приводит примеры их абсолютного равнодушия к потребностям людей и общественному мнению. Так, газета сообщает о расстреле спецназом мирной демонстрации в Докупаринском районе (Южный Дагестан), требовавшей снять коррумпированного главу районной администрации. До этого любые попытки достучаться до республиканских властей окончились неудачей — все жалобы возвращались на место. Понятно, что подобные акции не добавляют в глазах граждан легитимности ни республиканским, ни федеральным властям¹.

«Новая газета» называет еще один фактор напряженности в Дагестане и соседних республиках: уникальное сочетание традиционной этноклановой организации общества с остатками коммунистических структур. В этих условиях есть два решения: или строго применять законы российского государства, или дать горцам возможность жить по их традиционным законам. Выборочное, спонтанное применение законов и использование правоохранительной системы соперничающими кланами ведет к хаосу².

В либеральном дискурсе делаются те же выводы, что и в других оппозиционных: федеральные власти не справляются с ситуацией и даже не в состоянии понять ее причины. Однако политические рекомендации либералов иные: нужно развивать гражданское самосознание и солидарность граждан, поощрять их самоорганизацию в защите своих прав, укреплять ростки гражданского общества.

Общественное мнение жителей Северного Кавказа о причинах конфликта в регионе. Мы рассмотрели основные дискурсы в отношении ситуации на Северном Кавказе, сосредоточившись в основном на дискурсах московского политического класса вне зависимости от того, принадлежат ли его члены к правящим группировкам или нет. Но что думают об этом обычные жители северокавказского региона?

Три вопроса проведенного нами в сотрудничестве с Левада-Центром социологического исследования выявляют мнения населения о причинах политической нестабильности: «Какова основная причина вспышек насилия и вооруженных конфликтов на Северном Кавказе?», «Как, по Вашему мнению, должно действовать российское правительство в ответ на атаки тер-

рористов?», «Что представляет наиболее серьезную проблему для людей на Северном Кавказе в ближайшие пять лет?»

В таблице 5 приводятся все восемь предложенных респондентам вариантов ответа на первый вопрос. Во всех группах значительное число респондентов видят причины вспышек насилия и вооруженных конфликтов в «неумелой политике российских властей и действиях федеральных сил». В целом так считают около 27% респондентов, что говорит о высоком уровне неприятия официальной версии происходящего. При этом особых различий в восприятии ситуации русскими и титульными народами республик Северного Кавказа нет. Этот вариант ответа выбрали около четверти русских, 24% даргинцев, 27% калмыков и лаков и т. п. В наибольшей степени склонны винить федеральные власти аварцы (31%) и лезгины (38%).

Судить о степени согласия с официальным дискурсом можно с учетом двух других распространенных объяснений, которые вторят официальной позиции: «радикальные течения ислама» и «международный исламский терроризм». Первое набирает около 18% в среднем, второе — 13%. В сумме эти причины набирают лишь около 31% ответов респондентов. Чаше других называли причиной насилия «международный исламский терроризм» осетины — 20%, армяне — 18%, даргинцы — 17% и русские — 16%. Наиболее склонны считать основным фактором насилия «радикальные течения ислама» кумыки — 25%, аварцы — 24%, даргинцы — 23%, кабардинцы — 23%, осетины — 21% и армяне — 21%. Интересно, что это объяснение избрали только 15% русских.

Другим распространенным объяснением сложившейся ситуации был «рост организованной преступности в регионе». Эта версия наиболее популярна среди дагестанских чеченцев, которых нам удалось включить в исследование, — 25%, кумыков — 23 и даргинцев — 21%. Этого объяснения придерживаются также около 18% русских и аварцев.

Важный вывод состоит в том, что респонденты не считают причиной насилия и конфликтов «отсутствие у народов Кавказа возможности самим решать, жить им или нет в составе России». Такой ответ дали в среднем 5%.

Наибольшие различия в ответах между этническими группами наблюдаются во взглядах на роль чеченского конфликта в распространении насилия в регионе. Около 21% чеченцев (более чем вдвое больше, чем в среднем по выборке), а также 13% аварцев и 17% кабардинцев

¹ См.: Политковская А. Расстрелян митинг против коррупции // Новая газета. 2006. 18 мая.

² См.: Латынина Ю. Государство как кровник. Дагестанский очерк // Новая газета. 2006. 20 февр.

Таблица 5

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «КАКОВА ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ВСПЫШЕК НАСИЛИЯ И ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?» (в % к выборке и соответствующим группам)

Ответы	В целом по выборке						
	Русские	Аварцы	Даргинцы	Кумыки	Лакцы	Лезгины	
Желание чеченцев выйти из Российской Федерации	9	9	13	1	1	8	10
Радикальные течения ислама (ваххабиты и др.)	18	15	24	23	25	17	15
Неумелая политика российских властей, действия «федеральных сил»	27	25	31	24	27	27	38
Отсутствие у народов Кавказа возможности самим решать, жить им или нет в составе России	5	5	2	4	4	5	4
Международный исламский терроризм	13	16	5	17	12	14	10
Рост организованной преступности	18	18	18	21	23	17	15
Другое	2	2	1	5	1	2	2
Затрудняюсь ответить	8	9	5	4	7	9	5

Ответы	По этнокультурным группам						
	Ногайцы	Кабардинцы	Осетины	Чеченцы	Армяне	Другие мусульманские народы	Другие немусульманские народы
Желание чеченцев выйти из Российской Федерации	4	17	4	21	9	6	11
Радикальные течения ислама (ваххабиты и др.)	3	23	21	12	21	14	9
Неумелая политика российских властей, действия «федеральных сил»	26	21	18	17	25	36	34
Отсутствие у народов Кавказа возможности самим решать, жить им или нет в составе России	3	7	5	5	2	9	3
Международный исламский терроризм	0	9	20	9	18	8	15
Рост организованной преступности	7	14	5	25	19	19	6
Другое	50	0	0	0	2	3	4
Затрудняюсь ответить	6	8	18	12	5	4	17

считают, что основной причиной насилия стало несогласие федеральных властей на отделение Чечни. Это тревожный симптом, особенно принимая во внимание, что кабардинцы несколько чаще других жалуются на отсутствие у народов Кавказа возможности самим решать, жить им или нет в составе России.

В ответах на второй вопрос подавляющее большинство респондентов придерживаются официальной позиции о невозможности компромисса с террористами и разделяют мнение, что российское правительство должно активнее их преследовать (см. табл. 6). Стоит напомнить, что опрос проводился спустя несколько недель после атаки на Нальчик, в результате которой погибло около сотни человек.

Таблица 6

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «КАК ДОЛЖНО ДЕЙСТВОВАТЬ РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО В ОТВЕТ НА АТАКИ ТЕРРОРИСТОВ?» (в % от числа опрошенных)

Активнее преследовать террористов	68
Вести прямые переговоры с террористами	5
Привлекать к решению проблемы международных посредников и миротворческие силы	7
Выделять больше средств на развитие Северного Кавказа	11
Предоставить республикам Северного Кавказа возможность выхода из состава Российской Федерации	3
Затрудняюсь ответить	6

Некоторые полагают, что следует в ответ на действия террористов расширить федеральное содействие экономическому развитию Северного Кавказа, и лишь немногие рассматривают возможность переговоров с террористами или отделения части региона от России. По крайней мере, по результатам нашего опроса, стратегия федеральных властей по борьбе с террористами пользуется поддержкой населения.

Что думают рядовые граждане о наиболее серьезных проблемах на Северном Кавказе в ближайшие пять лет? Похоже, что представление о преимущественно экономических корнях сложившейся ситуации разделяют все: от руководителей государства до оппозиции всех оттенков и общественного мнения в самом регионе. 48% респондентов полагают, что именно отсутствие заметного экономического прогресса представляет собой наиболее серьезную проблему для народов Северного Кавказа (табл. 7). Острота экономических проблем, по мнению граждан, намного сильнее угрозы террористических действий и военных конфликтов.

Таблица 7

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС «ЧТО ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННОГО ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАИБОЛЕЕ СЕРЬЕЗНУЮ ПРОБЛЕМУ ДЛЯ ЛЮДЕЙ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В БЛИЖАЙШИЕ ПЯТЬ ЛЕТ? (в % от числа опрошенных)

Отсутствие экономического развития и безработица	48
Вооруженные конфликты, террористические акты	18
Преступность	9
Межнациональная рознь и усиление стремление к выходу отдельных республик из состава России	4
Коррупция, продажность властей	21
Затрудняюсь ответить	1

Таким образом, в общественных представлениях главное не угрозы безопасности, требующие усиления правоохранительных сил и военного присутствия, а низкий уровень экономического развития региона¹. Такой ответ понятен, если учесть экономический упадок региона после распада Советского Союза, маргинализацию горных районов и социальной поляризации. Извне образ Северного Кавказа тесно ассоциируется с терроризмом и вооруженными конфликтами. Но жители региона ежедневно сталкиваются совсем с другими проблемами: как свести концы с концами и найти

достойную работу. Характерно, что чаще других «отсутствие экономического развития и безработица» называют главной проблемой региона дагестанцы, а также осетины. Это мнение разделяют 57% лезгин, более половины аварцев и даргинцев и 68% осетин. Дагестан и Северная Осетия относятся к наименее обеспеченным регионам России по уровню доходов на душу населения.

Респонденты демонстрируют заметный уровень неудовлетворенности действиями региональных (республиканских) властей. При этом каждый пятый считает коррупцию самой серьезной проблемой региона. Если прибавить к этому тех, кто полагает, что главный бич Северного Кавказа — преступность, получается, что почти 30% населения обеспокоены состоянием законности и правопорядка. Коррупция более других тревожит русских (26%) и особенно чеченцев (36%).

В отличие от левого и национал-патриотического дискурса, жители Северного Кавказа не склонны усматривать главную опасность в риске сепаратизма и межэтнической напряженности: ее отметили как главную всего 3,5% опрошенных (1,5% затруднились с ответом).

Ответы на другие вопросы прямо или косвенно подтверждают это заключение. Лишь 1,5% респондентов считают важной проблемой отсутствие у народов Северного Кавказа возможности выйти из Российской Федерации. Только 3% согласились с утверждением, что предоставление Россией кавказским народам такой возможности могло бы положить конец террористическим акциям.

Другим примечательным результатом исследования стал тот факт, что жители Северного Кавказа не склонны усматривать главную опасность в риске сепаратизма и межэтнической напряженности: ее отметили как главную всего 3,5% опрошенных. О возможности развития событий в этом направлении говорят не более 4% респондентов, тогда как приверженцы официального, левого и национал-патриотического дискурсов видят главную угрозу именно в этом.

Таким образом, сравнительный анализ содержания дискурсов и социологических данных позволил установить, что официальная позиция в целом сравнительно мало популярна в самом регионе. В терминах критической геополитики это означает, что «внутренняя» «высокая» геополитика, развиваемая находящимися у власти политическими силами, не вполне совпадает с «низкой» геополитикой — набором представ-

¹ См.: Buzan B., Weaver O., Wilde J. de. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner, 1997.

лений, символов и образов о геополитических перспективах региона и его месте в составе российского государства, причинах политической напряженности и постоянных вспышек насилия, разделяемых значительной частью общественного мнения. В этом, по всей видимости, состоит коренное отличие геополитического видения государственной территории и внешнего мира, а также представлений о внешней политике России.

Между официальным дискурсом и мнением всей оппозиции имелись принципиальные расхождения. В отличие от официальной точки зрения, оппозиционный дискурс о Северном Кавказе носил алармистский характер. Политические соперники администрации были убеждены, что ситуация в регионе ухудшалась и была чревата серьезным кризисом.

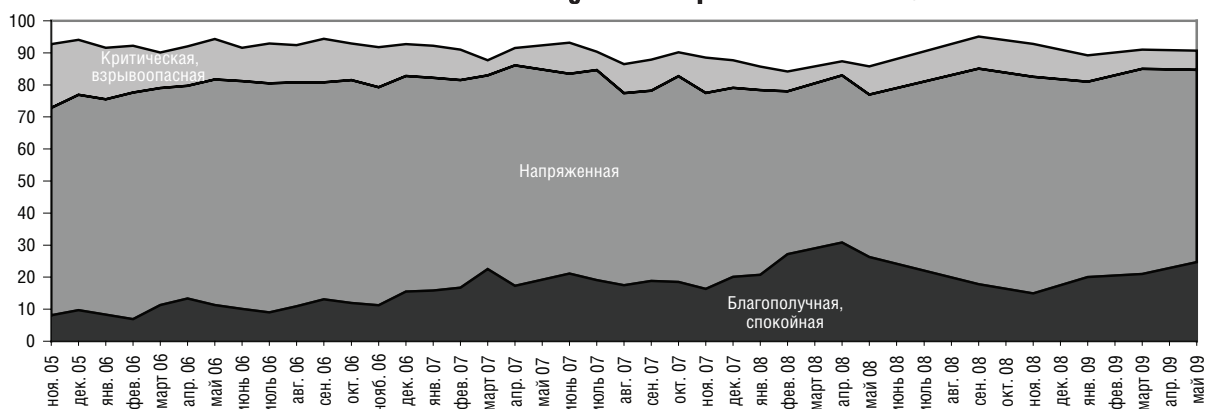
Содержание дискурсов оппозиции о Северном Кавказе как одном из наиболее важных в

геополитическом отношении регионов страны соответствует геополитическим традициям во взглядах на внешнеполитические приоритеты. «Внутренний» геополитический дискурс западников-либералов о Кавказе вполне вписывается в традиции западной традиции, официальный дискурс — государственнической, левый и национал-патриотический — соответственно, некоммунистической, радикально-экспансионистской и почвеннической.

В то же время есть и пункты, по которым наблюдается консенсус всех политических сил. Эксперты сходятся во мнении, что на нынешнем этапе ключевую роль в стабилизации положения играет экономика: региону остро нужны инвестиции и новые рабочие места. Большая часть экспертов также полагают, что Северный Кавказ — неотъемлемая часть России. Его дезинтеграция будет означать начало распада всего российского государства.

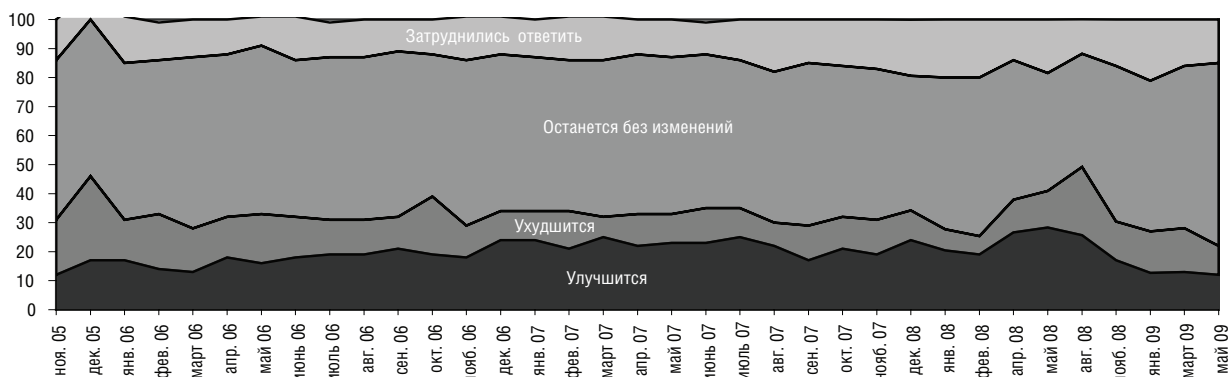
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Как бы Вы оценили сейчас обстановку на северном кавказе? (в % от числа опрошенных)

N=1600

Как изменится в течение ближайшего года обстановка на северном кавказе? (в % от числа опрошенных)

N=1600

Борис ДУБИН

Векторы и уровни коллективной идентификации в сегодняшней России*

Обсуждение проблем национальной (точнее, национально-государственной) идентичности в российских медиа начинает активизироваться к середине 1990-х гг. и отражает попытки отдельных политиков, журналистов и представителей публичной части экспертного сообщества как-то артикулировать последствия распада СССР и становление России в качестве отдельного самостоятельного государства. При общей направленности раннего Ельцина и большинства близких к нему в тот начальный период фигур на разрыв с советским экономическим укладом и политическим режимом симптоматично весьма быстрое — примерно с 1993-го г. — появление в печати, на радио, но прежде всего на телевидении проектов, так или иначе подобных тогдашним «Старым песням о главном». Показательно здесь именно игровое, стилизаторское обращение к советскому прошлому и придание символам этого прошлого значений центрального и долговременного, если не вечного («главное»). Характерен в данном плане и объявленный тогда государством, оказавшийся краткосрочным проект по выработке «национальной идеи», способной объединить население страны.

К середине 1990-х в эмпирическое исследование национальной идентификации россиян включились социологи и этнографы, соответствующие исследовательские разработки начали институционализироваться. В 1994 г. под руководством Л.М. Дробижевой прошел опрос в трех республиках страны (он был повторен в 1999-м)¹. В начале 1996 г. тогдашний ВЦИОМ

провел зондаж в рамках международного сравнительного исследования, инициированного Международной программой социальных исследований (ISSP), он был повторен Институтом социологии РАН в 2003–2004 гг.² и т. д.

Другой, куда более широкий масштаб поиски коллективной идентичности приобрели уже в иной социальной обстановке и психологическом климате, сложившихся после дефолта 1998 г. в конце 1990-х — начале «нулевых» годов, с приходом к власти В. Путина, подъемом когорты деятелей его типа, опыта и кругозора³. Программная установка на укрепление централизованно-иерархической власти, педализация приоритетов национальной безопасности и поддерживающая, оправдывающая эти процессы для широких масс риторика порядка и стабильности получили выражение опять-таки в форме стилизации отдельных советских символов и церемониалов — от гальванизации государственного гимна до возвращения официального культа Победы в войне и очередной реабилитации образа Сталина. Сегодняшние официальные идеологи формулируют упомянутый поворот как двуединую задачу «интеграции СССР в национальную российскую традицию» (по отношению к прошлому) и «интеграции... первого российского поколения... в современную Россию» (по отношению к настоящему и будущему)⁴.

* В основе статьи — тезисы доклада 24 января 2009 г. на симпозиуме «Пути России — 2009», организованном Московской высшей школой социальных и экономических наук. Данная работа развивает проблематику культуры, которой были посвящены выступление автора на предыдущем симпозиуме (2008) и статьи, последовавшие за ним, см.: Дубин Б.В. О границах и проблемах социологии культуры в современной России // Пути России: Культура — общество — человек. М.: МВШСЭН, 2008. С. 9–18 (расширенный вариант: Вестник общественного мнения. 2008. № 5. С. 67–74); Он же. Режим разобщения. Новые заметки к определению политики и культуры // Pro et Contra. 2009. № 1. С. 6–19.

¹ Анализ их материалов см.: Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. С. 336–369.

² Анализ соответствующих материалов см.: Гудков Л. Россия в ряду других стран: к проблеме национальной идентичности // Мониторинг общественного мнения. 1999. № 1. С. 39–47; Магун В., Магун А. Ощущение связи со страной и гордость за ее достижения // <http://www.polit.ru/science/2009/03/26/honor.html>.

³ Фиксацию и осознание этой новой ситуации социальными и политическими аналитиками см., среди прочего, в материалах тематического выпуска журнала Pro et Contra (2007. Т. 11. № 3).

⁴ Из выступления заведующего кафедрой общей политологии, заместителя декана по науке факультета прикладной политологии ГУ ВШЭ Леонида Полякова на российско-немецком коллоквиуме 12–13 июля 2007 г., см. в кн.: Прошлое: российский и немецкий подходы. М.: Фонд Фридриха Науманна, 2008. С. 13–14. Л.В. Поляков — доктор философских наук, в советские годы специалист по Чернышевскому, а затем, уже в период перестройки — по Вл. Соловьеву и Н. Бердяеву, в самое последнее время автор книги для учителя и учебника для 11 класса «Обществознание. Глобальный мир в XXI веке», один из создателей коллективного труда «Новейшая история России 1946–2007».

К истории и семантике понятия. Понятие идентичности, введенное Эриком Эриксоном в работах 1950–1960-х гг. в рамках развивавшейся им как вспомогательная дисциплина психохистории¹, было направлено против психологического редукционизма (тотального сведения к психике) со стороны адептов фрейдовского подхода на стадии его послевоенной массовизации в США. Соответственно, оно предназначалось для соединения проблематики исследования персонального опыта и социальных контекстов его формирования в процессе социализации². Наконец, это понятие должно было связывать индивидуальную жизненную траекторию с характеристикой «исторического момента», т. е. вводило еще и историческое измерение, чрезвычайно важное для Эриксона, формировавшегося как личность и как ученый в еврейско-немецкой среде Центральной Европы перед Первой мировой войной и между двумя войнами (он эмигрировал в США в 1933 г.).

В семантике понятия «идентичность», как она обобщенно-типологически раскрывалась Эриксоном, можно выделить три смысловых пласта. Переживаемая в чувстве тождества, «равенства себе» и вместе с тем единства с миром, соответствия ожиданиям других, идентичность воспринимается субъектом на правах безусловной *данности*, фактичности, того, что есть. Социолог трактовал бы ее как социальную норму – в ней воплощено содержательное групповое предписание, пожелание или требование быть или стать, видеть, думать и поступать «как мы». При этом идентичность задана как смысловая *целостность*: для самого индивида она не подразумевает частей и частных, разных планов и векторов, не содержит явных, тем более – неразрешимых противоречий. Переживание идентичности как единства еще раз указывает на ее нормативный характер, который в принципе не рационализируется или, по крайней мере, слабо доступен индивидуальной рационализации. Соответственно, идентичность во временном плане задается как *непрерывность*.

¹ См.: Erikson E.H. Identity and the Life Cycle: Selected Papers. N.Y.: International UP, 1959; *Idem*. Identity, Youth, and Crisis. N.Y.: W. W. Norton, 1968 (рус. пер. 1996).

² Напомню, что в те же 1950-е к идеям Фрейда обратился Т. Парсонс. Это обращение было продиктовано задачей уяснить и теоретически кодифицировать механизмы поддержания личностной стабильности в процессе социализации – т. е. аналитической проблемой соединения процессуальности (становления личности) и самотождественности (репродукции «самости»). Труд Парсонса и Р. Бейлза «Семья, социализация и процесс взаимодействия» вышел в 1955 г.

Те или иные ослабления или нарушения фактичности, целостности, непрерывности идентичности индивид, по Эриксону, воспринимает как нарушение нормы с последующими реальными или угрожающими отрицательными, репрессивными санкциями со стороны значимого для него коллектива, института и др. В этом плане Эриксон вводит коррелятивное «позитивной идентичности» понятие «негативной идентичности», близкое к пониманию «стигмы» у Ирвина Гофмана, который как раз в начале 1960-х заинтересовался проблематикой «ущербной идентичности»³. Подобные негативные санкции могут либо подтолкнуть индивида к соблюдению групповой лояльности, стимулировать его возвращение к норме, либо быть осознаны им как ценностно-нормативный «кризис», дающий повод к изменению себя и норм, которыми он и значимый для него коллектив руководствуются, повести к коррекции или полной трансформации рамок самоотношения, к смене групповой или институциональной принадлежности и т. д.

Отмечу принципиальные различия в «запросе» на понятие или концепцию идентичности у Эриксона (а также Парсонса, Гофмана и, более широко, в обстановке США 1950–1960-х гг.) и в российской ситуации спустя полвека. В первом случае речь шла об аналитическом соединении понятий личности и социального контекста (в терминах Парсонса – социальной системы), индивидуальной жизненной траектории и групповой, институциональной структуры развитого современного общества, иными словами, в общих рамках состоявшейся модернизации, как указание на относительную завершенность этого проекта и процесса в его основных чертах. Отсюда и значимость проблем репродукции личности и системы в их взаимосоотнесенности – генеральная тема социокультурного воспроизводства. Показательна проблематизация в этот же период тематики массовой культуры и появление в публичной сфере буквально через несколько лет после известного сборника «Массовая культура» понятия «постмодерн»; то и другое имело место в США, но тут же вызвало бурную реакцию, обсуждение, развитие и трансформацию названных тем в Европе.

В России второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. ситуация была совершенно иной. Для нее в эти годы было характерно последовательное сокращение какой бы то ни было

³ См. его книгу: Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1963.

социальной и политической субъектности, сворачивание деятельности и влияния современных институтов и самостоятельных групп, все большая подконтрольность их центральной власти и основному коду ее поведения, подчинению низших этажей иерархии — высшим. Индивид в этих рамках, как это не раз бывало в истории России, все чаще остается один на один с номенклатурно-бюрократическим государством и ощущает себя собой, «хозяином собственной жизни», человеком, которому она принадлежит и который может ее контролировать лишь в самом узком кругу партикулярных отношений с близкими и родными, без общего мира и вне универсальных поведенческих кодов (правового, морального, культурного). Коротко говоря, он остается с государством, в отношении которого всегда выступает просителем, но без общества — демократических институтов, солидарных общественных объединений, публичной сферы, независимых каналов коммуникации, конкурирующих образцов культуры¹.

Проблематика идентичности, последовательное усиление ее важности в России нулевых лет стали «фокусом» определенного социокультурного синдрома — нарастающего авторитаризма власти и увеличивающейся массовизации нивелированного социума без модернизации основных социокультурных институтов. Повышенная значимость проблем коллективного самоопределения и отмежевания от «других» проявляется здесь на скрещении таких процессов, как растущая фрагментация социума без увеличения его социального и культурного многообразия (феномен социального понижения и упрощения), изоляция целого (страны) и его частей при сохранении принципиальных черт упрощенного социального устройства, программное усиление «вертикальной», командно-исполнительской организации власти и социума при ослаблении и уничтожении большинства связей и форм «горизонтальной» солидарности по ценностям и интересам. Фактически речь идет об отказе властей, большинства сращенных с ними «элит» и подопечных масс от глубокой и широкомасштабной модернизации страны, основных институтов социума, центральных значений и основных образцов культуры (при сохранении отдельных декоративных элементов или, скорее, риторических фигур «рыночной экономики», «демократического общества», «современной культуры» или «науки»). Отсюда — эклектическое и все более

выглядящее пародией соединение в публицистических, журналистских, околонучных и прочих поисках средств выражения для «новой» российской идентичности таких элементов, как языческая архаика, православный фундаментализм, советская мессианская символика ранних лет, великодержавная риторика сталинской эпохи, лексикон и симболярный брежневского застоя и т. п.²

Отчасти на подобный эклектизм в российских условиях указанных лет работала слабая проясненность смысловой структуры понятия (концепции) идентичности. Во-первых, оно несло на себе следы метафорического переноса, поскольку сохраняло значения, которые изначально, в процессе разработки, связывались с индивидуумом, инстанцией личности, с индивидуальной психологией и психологией как наукой (аналогичные моменты можно видеть в понятиях и концепциях «коллективной памяти», «коллективного сознания» и т. п.). А во-вторых, это понятие относилось к определенному этапу социального развития западных обществ, определенному социокультурному периоду их существования, фиксируя процесс перехода к современным обществам и неся в семантике следы «старого» (традиционного) и «нового» (модерного) порядка. При недостаточной методологической проработанности этих пластов семантики понятия в нем нередко — особенно при публичном его употреблении в устной речи российских политиков, окказиональных сообщений отечественных медиа — выдвигались на первый план или сознательно педалировались традиционалистские компоненты, редуцирующие личное к социальному, а социальное — к традиционному или традиционалистскому, аскриптивному, неформальному, гемайншафтному, аффективно-окрашенному опыту принадлежности к «своим». Л. Гудков в свое время назвал это «выраженно партикулярным, нерелективным, некультивированным» типом этнонациональной солидарности³.

¹ Подробнее см.: Гудков Л. Общество с ограниченной вмещаемостью // Вестник общественного мнения, 2008. № 1. С. 8–32; Дубин Б. Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. 2008. № 2–3. С. 24–35.

² Образцовый, хотя и крайне сжатый анализ тенденций в московской архитектуре и градостроительстве 1998–2008 гг. Кириллом Ассом выявил очевидные ориентации застройщиков и городских властей исключительно на центр города, программную ретроспекцию и стилистический эклектизм застройки, а также последовательную борьбу со свободными пространствами площадей и парков, которые, собственно, и составляют социокультурную специфику города как исторического типа поселения; см.: <http://www.openspace.ru/art/projects/86/details/7213>. Работы такого уровня и направленности на материале других предметных областей современной российской культуры (музыка, кино, литература, театр) можно было только приветствовать, они чрезвычайно нужны, но более чем редки, а собственно социологические так и почти отсутствуют.

³ См.: Гудков Л. Россия в ряду других стран... // Указ. соч. С. 44.

В настоящей статье предпринята попытка более подробной аналитической экспликации понятия «идентичность» и связанных с ним понятий (самоопределение, саморепрезентация и др.). Семантика понятия так же, как ситуация и контексты его использования, крайней редко поясняется в отечественных исследованиях. Большинство авторов ограничиваются «школьными» отсылками к наиболее общим социальным формам, задающим индивиду границы самоопределения, причем сами эти формы, те или иные, берутся из опять-таки учебного каталога типовых социальных общностей без дальнейших объяснений и какой бы то ни было аналитической проработки (скажем, этническая, территориальная, профессиональная и т. п. идентичность). Задачи данной статьи, в этом смысле, теоретические. Некоторые описательные и объяснительные возможности, открывающиеся при концептуальном прояснении, показаны на избранном материале эмпирических опросов российского населения, проведенных Левада-Центром.

Идентичность: обобщенные планы исследования и границы возможностей анализа. Я бы предложил различать пространственные и временные измерения коллективной идентичности.

В первом случае предметом фиксации, упорядочения, анализа выступают содержательные характеристики самоописания — символы и значения ценности коллективного «мы», нормы правильного поведения «наших». Это, с одной стороны, знаки и значения *иерархии* (уровня в ряду самосоотнесений), а с другой границы принадлежности к «своим», линии *демаркации* собственных символов от символов других групп, институтов и т. д. Речь идет о том, где «мы» находимся в социокультурном пространстве и чем отличаемся от «других».

Временное измерение подразумевает для аналитика наличие и работу механизмов *поддержания* и *воспроизводства*, *трансляции* от одного члена сообщества к другому и от поколения к поколению тех знаков и значений, которые соединены с представлением о коллективной идентичности «нас». К таким обобщенным, институционализированным механизмам относятся формы и ритуалы меморизации — письменность и другие способы коммуникации, памятники, церемониалы их воздвижения и почитания. Здесь употребляются — часто как синонимы — понятия «память» и «история». Нередко в этом смысле ссылаются также на «традицию», т. е. связывают значимость тех или иных норм, ролей, институтов, сообществ с их существованием в прошлом, как предел — в да-

леком, даже доисторическом, мифологизированном прошлом.

При этом понимание идентичности в не-пременной связи с прошлым или отождествление культуры с памятью представляется — едва ли не как правило — естественным, в том числе многим тонким и внимательным ученым, работающим в гуманитарных дисциплинах. Между тем единственной, общей или хотя бы основной формой поддержания социальной организации, трансляции и репродукции культуры «традиция может служить лишь в относительно простых, изолированных и стабильных социальных структурах, где идеологическая и социально-практическая сферы деятельности не обособлены от сферы воспроизводства культуры. ("Традиционные" общества, чертами которых в наибольшей мере обладают первобытные, азиатские, патриархальные социальные формы)¹. Представление о традиции как универсальной форме организации социума и его политической сферы, фактически равнозначной функциям «культуры» для обществ эпохи модерна, лежит, например, в основе известной концепции культурной памяти в древних государствах Средиземноморья у Яна Ассмана (характерно, что он специалист по старому Египту)². Культура предстает как память в серии знаменитых работ Фрэнсис Йейтс, исследовавшей способы передачи «древних» и «темных», «отреченных» традиций в «закрытых» (в социологическом смысле слова), эзотерических кружках ренессансных неоплатоников³.

¹ Левада Ю.А. Традиция [1970] // *Он же*. Статьи по социологии. М.: б.м.и, 1993. С. 21.

² См.: Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. Характерно, что, рассуждая о коллективной идентичности, Ассман без оговорок и переходов говорит «о связи между представлением о себе и социальной памятью о прошлом» (Указ соч. С. 142)

³ См.: Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб: Университетская книга, 1997; *Она же*. Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2000. Особое значение и особую эффективность подобные разработки приобретают при обращении, как у Йейтс, к областям значений, которые оказываются вытеснены из ряда «больших» традиций, общего наследия общества и его основных институтов — например, к мистическим, еретическим, герметическим, алхимическим, астрологическим и тому подобным традициям. Стимул к исследованиям Ф. Йейтс, конечно, дали труды Аби Варбурга (в частности, его оставшаяся незавершенной «Мнемозина»), которые получили развитие в концепции литературных «топосов» и их роли в передаче традиций античности через эпоху Средневековья у Эрнста Роберта Курциуса («Европейская литература и латинское Средневековье», 1948). См. об этом: Гомбрих Э. Амбивалентность классической традиции: психология культуры Аби Варбурга // Новое литературное обозрение. 1999. № 39. С. 7–23; Гинзбург К. От Варбурга до Гомбриха // *Он же*. Мифы — эмблемы — приметы. М.: Новое издательство, 2004. С. 51–13.

Если же не касаться собственно традиционных сообществ, во многом наследующих им сословно-иерархических структур европейского феодального Средневековья, а также построенных по их образцу и с отсылкой к их символам «закрытых» кружков и «тайных союзов» от академий Ренессанса до масонских лож XVIII-го и позднейших веков (для социологии это все-таки экзотика), но ограничиться западными, или даже европейскими, обществами эпохи модерна, тем более — зрелого модерна, периода построения национальных государств, государств национальной культуры, то наиболее жесткое, нормативное сращение проблем и символов идентичности и памяти, прошлого, «истории» как наследия социолог будет наблюдать в странах отсроченной, запоздалой, форсированной, прерываемой и тому подобной модернизации. Причем проблематизация этого тематического узла, обострение проблем идентичности и усиление ретроориентаций, трактовки идентичности как памяти, по ее образцу будут сопровождать в них каждую очередную попытку модернизировать страну «сверху», точнее, усилиями одной из фракций в структурах государственной власти и высшей бюрократии при поддержке или, по крайней мере, высокой степени заинтересованности в ближайших, примыкающих к власти слоях образованного населения.

Эта проблематика поднимается аморфным по социальному происхождению и составу слоем «интеллигенции» и сопровождается выдвиганием задачи создать «национальную классику» как воплощение национальной идентичности общества или государства, которое несет центральные значения той или иной национальной культуры, сохраняя «память» о проблемах, трудностях, героях и принципиальных точках формирования идентичности нации. Функция таким образом задаваемой и формируемой классики — упорядочивать и редуцировать наличное многообразие локальных, групповых, диалектных и тому подобных образцов и традиций, выступая тем самым своего рода мерилем (ориентиром и мерой), «эталонным метром» любых творческих достижений прошлого, настоящего и будущего¹. В дальнейшем интеллигенция будет занята культом этой классики и борьбой за исключительное право поддержания, распространения и интерпретации культовых символов и фигур, которые утверждают ее собственную идентичность, узаконивают групповые претензии на общекультурный и общесоциальный авторитет.

¹ Подробнее см.: Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Идея классики и ее социальные функции // Проблемы социологии литературы за рубежом. М.: ИНИОН, 1983. С. 40–82.

Контрпримеры: общества без интеллигенции, культуры без классики. В конstellляции иных социальных и культурных обстоятельств — скажем, за пределами европейской ойкумены или на правах ее маргиналий — проблема идентичности, национальности, традиции, памяти и вопрос о группе или слое ее носителей либо вовсе не возникает (азиатские «тигры»), либо приобретает совершенно другой, например, рефлексивно-игровой смысл и разворот.

Вероятно, лучший пример здесь — американское общество, его литература, искусство. Отсутствие родовой и правящей аристократии, несравненно малая, в сравнении с Европой, значимость и ценностная нагруженность «истории», отказ от национально-этнической идентификации в пользу гражданской (по ценностям и институтам, а не по крови и земле), установка на равенство индивидуальных шансов, общедоступность и, стало быть, универсализм центральных институтов, институционализированных в них значений и образцов коррелируют с отсутствием в американском обществе интеллигенции или чего-то подобного ей по устройству и функциям. Соответственно, здесь нет жесткого разделения на центр, столицу и периферию, т. е. нормативно жесткого способа записи асимметричных (по оси приказ-исполнение) норм и ролей в категориях пространства; важное для американского самоопределения понятие фронта семантически задается как пространство свободных возможностей максимального проявления себя с минимумом ограничений, которые заданы значимостью выработанного и принятого сообществом закона и основанного на нем коллективного порядка. Нет в Америке и культа классики — характерно, что поздняя активизация проблем «лучшего» и «общезначимого» в мировой (не американской только!) культуре имела место в академической среде США в связи с задачами университетского преподавания, институционализированной передачи навыков исследовательского изучения и интерпретации культуры (литературы), приняв форму дискуссий о «каноне»².

² См. тематический блок материалов: Литературный канон как проблема // Новое литературное обозрение. 2001. № 51. С. 5–88. Центральной фигурой здесь выступает Харольд Блум с его идеей «страха влияния» (одноименная книга 1973 г.), подчеркнутым значением «неправильных» прочтений в истории понимания текстов (монография «Карта читок», 1975), наконец, с основополагающим и вызвавшим шквал споров компендиумом «Западный канон» (1994), см. о нем: Ямпольский М. Литературный канон и теория «сильного» автора // Иностранная литература. 1998. № 12. С. 214–221. Характерны неклассические повороты тем, традиционно записанных за «классикой», во всех многочисленных и разных по тематике работах Х. Блума.

Другим примером может быть продумывание и демонстрация *неуместности классикоцентризма* на географической/хронологической периферии культуры, т. е. европейской культуры в ее современной трактовке. Такова, например, индивидуалистическая и рефлексивная, самосознающая и самоподрывная словесность в программных выступлениях и творческой практике Борхеса (например, его эссе «Аргентинский писатель и традиция», «По поводу классиков», «Кафка и его предшественники»; в этом же контексте стоит рассматривать парадоксальные взгляды Борхеса на перевод и его собственную переводческую стратегию). Борхес деконтекстуализирует проблему традиции, выводя ее за рамки актуального времени и национальной литературы, в том числе — испанской. Значимая традиция для Борхеса всегда универсальная, а не национальная. Она не ограничена рамками пространства, времени, языка¹. В этом смысле она как бы всегда задана на будущее и потому открыта для конструирования, деконструкции и интерпретации, а не завершена как пройденное и готовое (почему и оставляется классикоцентристами в прошлом). Отсюда, в частности, вызывающие, подчеркнута антинационалистические — с расчетом позлить местных патриотов — апелляции Борхеса в разговорах об «аргентинской традиции» к Чосеру, Шекспиру и Расину, провокационные реплики о роли ирландцев в английской словесности и проч.

Наконец, новый и куда более радикальный контекст для данной проблематики создают социальные процессы уже конца XX и начала XXI вв. — явления глобализации, широкомасштабная миграция из стран «третьего мира» в США и развитые страны Европы, ставшая массовым и повседневным явлением. В этих условиях в Германии, Франции, Великобритании, Италии, Швеции и других европейских странах (о Соединенных Штатах нечего и говорить) складывается литература и культура мигрантов, так называемая гастарбайтер-словесность (культура), фактически носящая межнациональный или наднациональный характер, ее еще называют транснациональной и интеркультурной². Если такая литература и использует язык «боль-

шой» традиции, то исключительно и откровенно как чужой. Представители подобных литератур не имеют ни малейших намерений в эту традицию вписываться, адаптироваться к ней, «учиться у классиков». Напротив, автор может писать при этом на языке чужаков — таков, скажем, «канак шпрак», «речь чужака», социолект турков в Германии, которым пользуется, например, Феридун Заимоглу. Переписыванию в подобной перспективе подвергается и сама «большая» традиция. Характерен в этом плане пример того же Ф. Заимоглу. Он сделал новый перевод шекспировского «Отелло», где центральным моментом, определяющим социостилистику текста, выступает тот факт, что Отелло — мавр, иноземец, пришелец, маргинал, изгой³.

В подобных условиях проблема классики, ее роли в конструировании национальной идентичности и основополагающее значение для формирования национальной культуры если не вовсе теряет смысл, то кардинальным образом его меняет. Упомяну лишь один момент: речь идет о словесности, которую не проходят в школе и не просто «пока не проходят», но которая сама не ориентирована на эту цель — быть эталонной и всеобщей. Еще очевиднее это в практике авторов, пишущих на заведомо неуниверсальных, необщедоступных языках — таковы, например, сегодня стихи и проза француза Ивара Ш'Вавара (псевдоним; собственное имя — Пьер Ивар). Он пишет на пикардийском, используя также фонетическое письмо, близкое российскому «языку падонкофф», а переводит на пикардийский не только с английского и французского, но и с бретонского, точнее, он живет на нескольких «больших» и «малых» языках⁴. Но такова же повседневная многоязычная практика многих иммигрантов в нынешней Великобритании, Германии или Швеции.

Формы самоквалификации как типы регуляции поведения. Отсылка к коллективной идентичности (идентификация) — частный случай самоквалификации и самоописания. В этом плане я бы предложил типологически разграничивать феномены *самоопределения, самоотожествления и саморепрезентации*.

Под *самоопределением* имеется в виду осознание или указание значимости для индивида или группы тех либо иных значений — ценностей, идей, принципов. На них *ориентируются*,

¹ Характерный поворот: эссеистические размышления Борхеса о переводе, как правило, построены на чужих переводах с языков, которых он сам не знает, — греческого (Гомер), арабского («Тысяча и одна ночь»), еврейского (Библия).

² См. об этом: *Écritures interculturelles = Interkulturelles Schreiben / Christine Maillard, ed. Strasbourg: Université Marc Bloch, 2006; Interkulturelle Literatur in Deutschland / Carmine Chiellino, Hrsg. Stuttgart: Metzler, 2007.*

³ См., например: *Fachinger P. Rewriting Germany from the Margins: «Other» German Literature of the 1980s and 1990s. Montreal, Ithaca: McGill-Queen's UP, 2001.*

⁴ См. о нем: <http://nouvellerevue moderne.free.fr/chvavar.htm>.

но им не *принадлежат*, поэтому они не содержат или, по крайней мере, не подразумевают обязательной отсылки к социальным границам значимости. Такова, скажем, характеристика себя как «гражданина мира», апелляция к принципам «институционального» или «конституционного патриотизма» (Ю. Хабермас) либо к предельно обобщенным, формальным нормам права в рамках таких современных институтов, как независимый, открытый и состязательный суд. Речь идет о *ценностном*, универсалистском, инклюзивном (включающем всех и любых) измерении социального действия и взаимодействия.

Под *самоотожествлением* понимается позитивное или негативное сознание (переживание) принадлежности к реальной либо воображаемой общности, группе, нормативные рамки, границы которой заданы. Чаще всего они задаются аскриптивными характеристиками (пол, возраст, место рождения или проживания, этничность/национальность, землячество и т. п.) или трактуются по их образцу («закрытая» корпорация/орден; сообщества «посвященных»; «всепоглощающие институты» — семья, церковь, армия¹; тоталитарный социум). Этот образец жестко предписывает лояльность по отношению к данному «мы», которым противопоставлены «они»; предельный случай такой принудительной лояльности — заложничество, когда один «отвечает» за всех, а все — за одного. Подобными признаками характеризуется *нормативное*, партикуляристское, эксклюзивное (только для «своих» и «наших») измерение социального действия.

Саморепрезентация подразумевает представление и переживание групповой принадлежности в акте ее демаркации и репрезентации «другим» (ритуал, церемония). В данном случае речь идет о *символическом*, демонстративном измерении социального действия. Под символом я вслед за Ю. Левадой понимаю знак перехода к иному уровню действия или отсылку к иному плану семантики². Поэтому символ всегда содержит значения разделения и вместе с тем соединения (со- и противопоставления) как минимум двух семантических планов, уровней или сфер. В качестве наиболее общих и основополагающих измерений области символического можно различать в символах отсылки к «своему» («род-

ному», «нашему») или «чужому» («чуждому», «враждебному»); высокому (божественному) или низкому (инфернальному, дьявольскому); поощряемому (допустимому) или запретному; порядку и хаосу; центру и периферии; началу и концу, расцвету и упадку.

Предложенные разграничения имеют, повторяю, типологический характер, они относятся к аналитическому инструментарию исследователя. Соответственно сказанному здесь и выше, аналитик получает возможность типологически выделять и характеризовать различные уровни, оси и векторы идентификации — ориентацию или демаркацию (в том числе демонстрацию), проспективность или ретроспекцию и т. п. В реальном поведении изучаемых индивидов и групп различные элементы ориентации могут смешиваться, пересекаться, сталкиваться и т. д. Более того, в задачи аналитика входит особое внимание к противоречиям между различными компонентами ориентаций. Тем самым он получает возможность зафиксировать в разных социальных ситуациях различные и меняющиеся по степени значимости оси самоотнесения индивида или группы, разную адресацию к воображаемым значимым партнерам, феномены конформизма, уклонения, самозащиты, вытеснения, переноса, компенсации и другие в понимании и представлении «себя» и «нас».

Коллективная идентификация: пример сегодняшней России. В нынешней России мы имеем дело с характерным типом (синдромом) самоопределения. В рамках этого смыслового образования минимально представлены идейные и ценностные ориентации, обобщенные универсалистские значения, ценностные акценты на будущее, но максимально выражены ретроспективные установки и семантика демаркации. Причем выражены в предельно персонафицированном виде и демонстративно-символическом модусе, так что образ себя по преимуществу формируется «от противного» — через фигуры непонятливого чужака, злобного врага, тотальной угрозы и т. п. Здесь можно говорить о ритуальной или церемониальной либо, соответственно, зрительской идентичности³.

¹ См.: Coser L.A. Greedy Institutions: Patterns of Undivided Commitment. N.Y.: Free Press, 1974; Segal M.W. The Military and the Family as Greedy Institutions // Armed Forces and Society. 1986. Vol. 13. № 1. P. 9–38.

² См.: Левада Ю. Статьи по социологии. С. 93 и далее; *Он же*. Люди и символы. Символические структуры в общественном мнении // *Он же*. Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 187–201.

³ См. об этом подробнее: Дубин Б.В. Симулятивная власть и церемониальная политика. О политической культуре современной России // Вестник общественного мнения. 2006. № 1. С. 14–25; *Он же*. Институты, сети, ритуалы // Указ. соч. В. и А. Магуны (указ соч.) убедительно демонстрируют, что «большинство россиян гордятся достижениями, к которым они причастны, в основном, как зрители, слушатели или болельщики, но не как непосредственные и активные участники процессов их создания».

Таблица 1

ЧТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ СВЯЗЫВАЕТСЯ У ВАС С МЫСЛЬЮ О ВАШЕМ НАРОДЕ? (Приводятся наиболее значимые позиции, ранжировано по убыванию показателя в последнем замере; в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	1989 г.	1994 г.	1999 г.	2003 г.	2008 г.
Наше прошлое, наша история	22	37	48	48	43
Место, где я родился и вырос	39	41	35	43	39
Наша земля, территория, на которой мы живем	11	25	26	32	34
Государство, в котором я живу	29	17	19	22	32
Язык моего народа	23	19	17	19	23

Таблица 2

ОТМЕТЬТЕ В ПРИВЕДЕННОМ НИЖЕ СПИСКЕ, КЕМ ВЫ ОСОЗНАЕТЕ СЕБЯ С ГОРДОСТЬЮ, ЧТО В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ПРИБАВЛЯЕТ ВАМ УВАЖЕНИЯ К СЕБЕ? (Приводятся наиболее значимые и/или динамичные позиции, ранжировано по убыванию показателя в последнем замере; в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	1989 г.	1999 г.	2003 г.	2008 г.
Отцом (матерью) своих детей	42	57	56	53
Русским человеком	–	43	49	50
Гражданином России	–	–	45	47
Жителем своего города, села, района	11	21	35	34
Сыном (дочерью) своих родителей	18	24	27	33
Хозяином в своем доме	15	32	32	30
Сыном (дочерью)/частью своего народа	8	10	8	30
Специалистом в своем деле	22	23	23	22
Человеком, достигшим своим трудом материального благополучия	–	9	9	20
Верующим человеком	4	7	11	15
Советским человеком	31	13	14	12
Ветераном Великой Отечественной войны	7	2	2	1

Таблица 3

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РОССИЯ СЕГОДНЯ ЯВЛЯЕТСЯ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВОЙ ИЛИ НЕТ? (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Да	14	53	41	50	39	30	43	53	49
Нет	72	43	56	41	58	66	52	42	31
Затрудняюсь ответить	13	4	3	10	3	4	5	5	20

Таблица 4

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ ... (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	1994 г.	1999 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2008 г.
могут быть по-настоящему дружественными	60	52	38	39	44	44	35	34
всегда будут строиться на недоверии	38	38	51	47	42	42	54	52
Затрудняюсь ответить	2	10	11	14	14	14	11	14

Показательно, что за 20 лет в самохарактеристиках российского народа усилились именно такие компоненты, как «наше прошлое» и «наша земля».

При этом по преимуществу повысилась значимость всех локальных и партикулярных составляющих «я»-образа (вместе с тем заслуживает внимания увеличившаяся группа тех, кто смог своим трудом улучшить собственное благосостояние).

Фоном для нынешних представлений россиян о себе выступает апокалиптическая кар-

тина 1990-х гг. как периода предельного упадка и хаоса. Поэтому 2000-е путинские годы, характеризуются ростом компенсаторных оценок России как великой державы.

Соответственно, антитезой державному образу страны выступает Запад, который традиционно враждебен России, а в настоящее время тем более отрицательно относится к державе, «встающей с колен».

Понятно, что подавляющее большинство россиян не чувствуют себя людьми западной культуры или не считают этот момент важным для себя.

Таблица 5
В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СЕЙЧАС ОЩУЩАЕТЕ СЕБЯ ЧЕЛОВЕКОМ ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУРЫ? (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	1993 г.	2008 г.
Я постоянно помню об этом	1	3
Это для меня достаточно важно	5	7
Это не очень важно для меня	16	32
Я этого совершенно не ощущаю	50	54
Затруднились ответить	28	4
Число опрошенных	1700	1600

Замечу, что в странах Европы характеристики коллективного «мы-образа» эволюционируют за последние годы в совсем других направлениях. Скажем, в Италии, где проблематика региональной принадлежности по традиции остра и важна, тенденции 2000-х гг., тем не менее, указывают на рост значимости универсалистской ориентации на мир в целом и на ослабление самоотождествления со страной и конкретным регионом проживания (за исключением «Севера», однако отсылки к коллективной идентичности этого региона коррелируют именно с космополитической ориентацией на весь мир и человеческий род)¹. Среди значимых характеристик, которые в наибольшей степени объединяют французов, участники французского национального опроса выделили прежде всего культуру (46%) и ценности (38), которым заметно уступают история (24) и территория (21%)² и т. п.

В России же исследователи сталкиваются сегодня с симптоматикой распада закрытого социума, для которого проблематичны и пространственно-иерархическое (демаркационное), и временное (мемориальное) измерение идентичности. Таким образом, перед нами феномен пробуксовки и сбоя в работе механизмов инновации, с одной стороны, и распространения и поддержания образцов репродуктивных систем — с другой. Речь идет о примитивности российского социума и его «культуры» в наиболее популярных образцах и центральных значениях³. Социальная система и культура в России

¹ Данные национальных опросов сотрудниками LaPolis-Demos-Limes в 2000–2008 гг., см.: *Diamanti I. L'Italia secondo gli italiani // Limes. Rivista italiana di geopolitica. 2009. № 2. P. 25–26.* За указание на этот материал благодарю Марию Ферретти и Алексиса Береловича.

² Данные телефонного опроса SOFRES по национальной репрезентативной выборке в 1000 человек 18 лет и старше, январь 2009. (http://www.tns-sofres.com/_assets/files/150109_valeurs.pdf).

³ Этим обстоятельствам были посвящены основные доклады на предыдущем симпозиуме «Пути России». См. соответствующие материалы в уже цитированном сборнике «Пути России: Культура — общество — человек».

не могут обеспечить ни движение (динамику), ни разнообразие и его увеличение, ни самосохранение целого. Накопление подобных сбоев, конфликтов, разрывов при отсутствии их системной проработки, рационализации, устранения или смягчения силами элитных групп и специализированных институтов приводит к тому, что ситуация рано или поздно разрешается в форме обвала всего целого, того или иного «аваланша», по выражению Ю. Левады. Примеры — октябрьская революция, распад СССР.

Собственно говоря, отсюда и следует сверхзначимость двойственного образа Запада как ориентира и врага — всей мифологии западничества и антизападничества, восхищения и зависти, догоняния, имитации и отторжения, основополагающей для самосознания большинства сегодняшних россиян наряду с мифами об «умонепостижимости» России и ее всегда «особом пути»⁴. Но отсюда же идет периодически возвращающаяся в коллективное самосознание и столь же мифологизированная проблематика разрывов по оси иерархии и оси времени — символика «отцов и детей», «великого вождя» и «маленького человека» («простого человека», «винтика»).

Уровни и векторы коллективной идентификации в России можно обобщенно представить на следующих осях:

- свое — чужое (постоянное воспроизводство ситуации гражданской или мировой войны, причем не только символической);
- верхнее — нижнее (вождь — лишние люди — маленький человек)
- центральное — периферийное;
- мобилизационное — адаптивное (экстраординарное — привычное, героическое — повседневное);
- проспективное — ретроспективное;
- позитивное (вождь) — негативное (враг).

Поскольку же соответствующие сверхценные значения введены в структуру коллективной идентичности и персонифицирующий ее образ вождя (первого лица), а не рационализи-

⁴ Политические мифы понимаются здесь как символично-семантические конструкции, воспроизводящие на современном, светском политическом материале некоторые основополагающие функции сакральных, культовых образцов и образов: творение, падение, искушение/спасение, жертва/подвижник/герой, распад/(воссо)единение и т. п. О политических мифах в современной России см. коллективную публикацию, построенную на материалах эмпирических опросов Левада-Центра: Мифологизация комплексов национальной неполноценности // Вестник общественного мнения. 2008. № 6. С. 65–88.

рованы и не рафинированы до универсалистских значений культуры или цивилизации, то образ коллективного «мы» чаще всего предстает в виде неразрешимых проблем и семантических парадоксов. Так, главное в самообразе России является, тем не менее, скрытым: «свои» его знают, но не обсуждают, поскольку его «умом не понять» и его «не заметит гордый взор иноплеменный». Основополагающие, центральные значения сосредоточены здесь на периферии, а целое в максимальной степени проявлено на границе, сверхзначимой меже, черте между нами и ними, где центральные значения соединены с предельной удаленностью от центра. Образ целого концентрирован на вожде, но увиден глазами простого, маленького человека, в котором и воплощается Россия и т. д. Как уже не раз писалось моими коллегами и мной, основными социальными процессами, так или иначе консолидировавшими население России на протяжении ряда десятилетий и определявшими жизнь россиян нескольких поколений, выступали процессы мобилизации «сверху» и адаптации к ней «снизу». В этом плане можно обобщенно представить типологические полюса перечисленных выше антиномий и противопоставлений как «харизму» (триумф) и «стигму» (падение, провал), аналитически рассматривая харизматические и стигматические составляющие процессов мобилизации, адаптации и коллективной идентификации, в рабочем порядке прослеживая их баланс, агентов выдвижения и продвижения соответствующих образцов, механизмы и процессы их принятия, отторжения, трансформации и деформации¹.

Точно так же уже не раз отмечалось нарастание демонстративно-церемониальной составляющей в российской политике от 1995–1996 гг. к 2008-му. Ритуализация политической жизни при фактическом устранении политической субъектности и свободной конкуренции, все большая сосредоточенность политики властей на символах целого и демонстративных жестах противопоставления этого целого всему остальному миру сопровождалась соответству-

ющим усилением фрагментации и закрытости в социуме, устранением в России начатков и останков собственно общества, нарастанием изоляционизма внутри и вовне страны. Изоляция (самоизоляция) России выступает при этом конечной стадией распада СССР при попытках номенклатурной власти бороться с этим распадом советскими же методами — шантажом, заложничеством, агрессией и экспансией. Таков смысл основных событий 2008 г. от летней войны на юге до предновогодних «газовых» баталлий на западе. Изоляция страны без прежнего мессианства и миссионерства, первое лицо и «вертикаль власти» без компетентных и ответственных, деятельных и эффективных элит, массивная провинциализация центра — таково непризнанное и непреодоленное наследие сталинского тоталитаризма, нерешенных до нынешнего дня «сталинских альтернатив»².

Россия все еще пытается войти в начальную стадию модернизации, на которую вышла в сталинский период и которую законсервировала после смерти Сталина к концу 1960-х гг. Запад в те же 60-е гг., как уже говорилось, осваивал пространства и времена постмодерна, решающим переломом к которому стали события 1968 г. в Европе и США, включая их позднейшее эхо в системах образования, общественной морали, в культуре, повседневной жизни. В этих исторических рамках социологи начинают говорить о феноменах «поливалентной», «номадической», «децентрализованной» идентичности. Кардинальным поворотом к новому коллективному самопониманию в Европе стало ее объединение, процесс которого, при всех задержках и трудностях, продолжается. У нас же в стране — на новом этапе и в подновленной лексике — опять реанимируется идеология технического догоняния и военной экспансии, муссируется позавчерашняя тематика построения национального государства и верности ему («воспитание патриотизма»), на первый план выдвигаются «государственные интересы» и «государственная безопасность», снова прокламируется «особый путь».

¹ Эти понятия в их взаимосоотнесенности использовал для анализа религиозных движений Вольфганг Липп, см.: *Lipp W. Stigma und Charisma: Über soziales Grenzverhalten*. В.: D. Reimer, 1985.

² См.: *Левада Ю. Сталинские альтернативы // Осмыслить культ Сталина / Х. Кобо. М.: Прогресс, 1989. С. 448–459.*

Наталья ЗОРКАЯ

Православие в безрелигиозном обществе

В течение последних 20 лет отношение к религии, религиозность постсоветского общества неоднократно становились предметом рассмотрения на страницах нашего журнала¹. Поводом для написания данной статьи стало новейшее исследование Левада-Центра, целиком посвященное изучению религиозной практики российских граждан, причисляющих себя к православной вере². В настоящей работе мы хотели бы связать между собой три плана рассмотрения имеющегося в нашем распоряжении материала социологических опросов.

Во-первых, это анализ *динамики православной идентификации* в российском обществе и значимых изменений социально-демографических характеристик людей, заявляющих о своей принадлежности к православной церкви. В общем положительном тренде православной идентификации двух минувших десятилетий (1989–2009 гг.) можно выделить отдельные фазы или периоды, социальный, политический и культурный смысл которых различен. Сюда же относится анализ характеристик религиозности людей, называющих себя православными верующими, их отношение к религиозным обрядам и таинствам, к содержательным характеристикам веры, особенности «веры», религиозного поведения и практик.

Во-вторых, *роль церкви* как социального института в процессе распространения православной идентификации, сложившиеся формы взаимодействия верующих и церкви, церкви и общества, церкви и государства, а по сути — церкви и человека. Необходимо разобраться в том, *что* ищет человек в церкви и ищет ли, что он от нее ждет и что находит, какую роль этот институт (как и религия в целом) играет в его повседневной, социальной жизни, с одной стороны, а с другой — что сама российская церковь несет в современном мире человеку и — шире — обществу, меняет ли она человека и общество, помогает ли она ему осваиваться в изменившемся и меняющемся мире.

Третий план рассмотрения предполагает помещение проблематики «религиозности» российского общества в контекст наиболее важных для постсоветского общества процессов и его современного состояния. Мы настаиваем (и попытаемся это показать) на интерпретации массового обращения к православию не как на проявлении возрождения (утверждения религиозной системы ценностей) или формирования массовой религиозной культуры, а как существенной составляющей идентичности постсоветского человека как государственного подданного, но не гражданина в политическом и современном демократическом понимании.

¹ См.: Дубин Б. Православие в социальном контексте // Мониторинг общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 1996. № 6. С. 15–18; Дубин Б. Религиозная вера в России 90-х годов // Там же. 1999. № 1. С. 31–39; Дубин Б. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х гг.) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3. С. 35–44; Гудков Л. Общество с ограниченной вмещаемостью // Там же. 2008. № 1. С. 8–32.

² Исследование было проведено в марте 2009 г. по заказу Мюнстерского университета (ФРГ) при финансовой поддержке RENOVABIS. Мы хотим выразить особую благодарность инициатору этой работы, главному редактору немецкого журнала «Osteuropaforschung» Манфреду Запперу, без деятельной поддержки которого исследование вряд ли бы было проведено, а также профессору Томасу Бремеру, подготовившему программу исследования. Опрос был проведен по репрезентативной выборке, представляющей взрослое население России старше 18 лет (N=1600); все данные за 2009 г., приводимые в настоящей статье, были получены в рамках этого опроса населения.

Динамика православной идентификации на социально-политическом фоне: 1989–2009 гг. За минувшие 20 лет соотношение неверующих и православных в российском обществе зеркально перевернулось: если весной 1989 г. 75% считали себя неверующими, а православных было лишь 17%, то в 2009 г. православными себя назвали 73%, атеистами — 7%, а каждый десятый не мог отнести себя ни к какому определенному вероисповеданию. Иными словами, отнесение себя к православной конфессии стало нормой для подавляющего большинства.

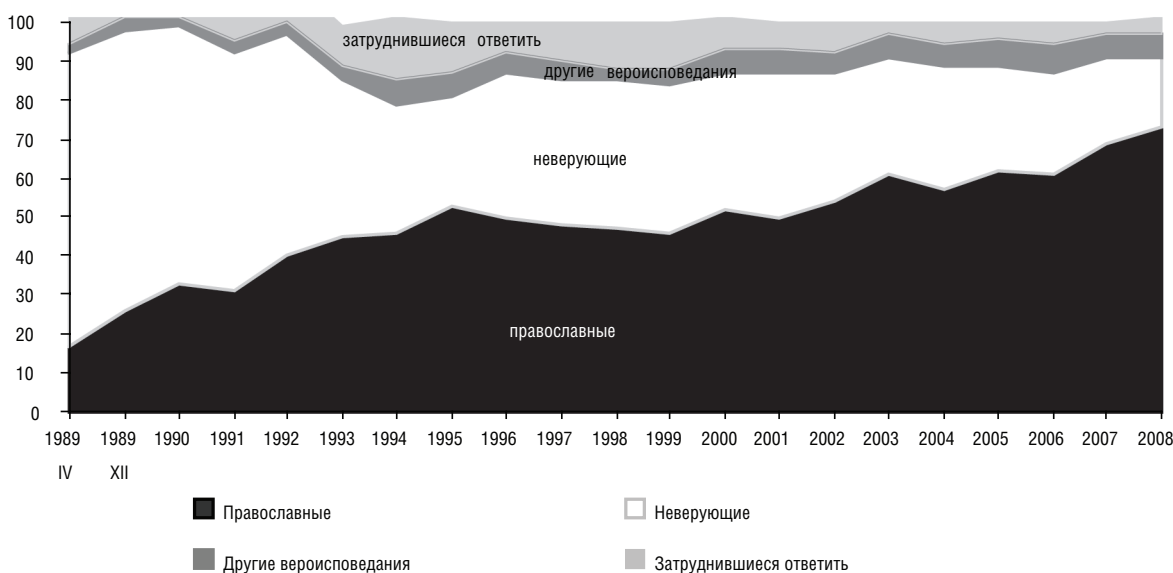
В динамике роста идентификации с «православием» можно выделить отдельные пики и фазы. Первый резкий рост числа россиян, заяв-

ляющих о своем православном вероисповедании, приходится на период 1989–1990 гг., т. е. на период перестройки. Далее шел интенсивный рост православной идентификации, пик которой приходится на середину 1990-х гг. Затем, после незначительного снижения, вплоть до конца 1990-х гг. наступил относительный «застой». С приходом к власти Путина рост числа православных возобновился, причем максимум называющих себя православными приходится именно на второй срок его президентства — время последних выборов 2007–2008 гг.

чувство освобождения от давления прежних институтов власти и всплеск надежд и ожиданий на скорое наступление лучшей жизни, которые в данном контексте можно сравнить с близким к религиозному ожиданием чуда. На какое-то время для массы людей с разными притязаниями, жизненными горизонтами возникло ощущение возможности «другой жизни». Одним из таких вариантов была открывшаяся свобода вероисповедания. Как для самой церкви, так и для ее настоящих и будущих прихожан этот период был временем возможностей обновления

Рисунок 1
ДИНАМИКА ПРАВОСЛАВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ (в % от числа опрошенных)

Общая траектория роста православной идентификации в постсоветском обществе довольно близка по своим «очертаниям» динамической кривой, описывающей процесс адаптации или приспособления (пассивного и понижающего по своему типу) российского населения к переменам, начавшимся вместе с перестройкой. Это означает, что, во-первых, «православная идентификация» имела в эти разные периоды постсоветской истории разное содержание, а значит, разные функции и смысловой потенциал. Во-вторых, она была тесно связана с особенностями социальных и политических процессов, разворачивающихся на протяжении последнего 20-летия, их смысловыми доминантами.

Начало роста числа православных приходится на конец 1980 — начало 1990-х гг. Это важнейший и переломный для последующей истории момент глубочайшего кризиса властных институтов. Для общества главным на этот период было воцарившееся на какое-то время

и развития. То же самое происходило и в других общественных сферах: в культуре, политике, экономике, образовании, науке. Слова о демократических правах и свободах еще имели реальную силу и потенциал воплощения, они не были затерты, извращены, инструментализированы. Демократическая составляющая того подъема была связана или обеспечена поддержкой инициированных властью общественных и политических перемен демократически и либерально ориентированной интеллигенцией, в эти годы бесспорно пользовавшейся авторитетом. На этом этапе можно говорить и о позитивной, задающей культурный образец для общества роли неопитства образованных слоев 1960–1980-х гг. Либерально или демократически ангажированная интеллигенция претендовала на роль культурной элиты, способствуя «легализации» свободы вероисповедания, обсуждению проблем религиозности и повышению ее значимости в общественном

мнении. На этот же период приходится начало религиозной активности мирян в социальной сфере, инициировавшейся в большой мере образованными верующими и — что важно — либеральным крылом интеллигенции, озабоченной модернизацией православной церкви. Не случайно эта деятельность, как и деятельность многих новых демократических общественных движений и инициатив, шла во многом при поддержке Запада, выступавшего тогда как образец демократических преобразований; в случае религиозных социальных инициатив — при поддержке западных экуменически ориентированных религиозных организаций и структур, что, конечно, было вызовом для консервативно или фундаменталистски ориентированных церковных кругов и иерархов РПЦ¹.

Но этот же подъем можно рассматривать как консервативную реакцию² общества на ситуацию резкого политического слома. Рост православной идентификации стал ответом на перемены религиозного традиционализма, сохранившегося в советские времена в низовых, периферийных слоях общества, секуляризованного по советскому, тоталитарно-государственно-репрессивному типу. С этого же времени начинают крепнуть и голоса националистических и антисемитских деятелей и движений (общество «Память», например), которые, несмотря на свою малочисленность и незначительный политический вес, имели очень большой общественный резонанс (спровоцировав, в частности, волну еврейской эмиграции начала 1990-х гг.).

И все же смысловой и функциональной доминантой роста православной идентификации в перестроечное время можно считать короткий процесс демократизации (при всей условности этого определения и ограниченности или парциальности политических и институциональных изменений). У общества и церкви был не только шанс, но и выбор: пойти по пути демократии, одним из фундаментов которой является и свобода совести, или свернуть на типич-

ный для истории России путь консервативной модернизации, воспроизводящий и подпитывающий традиционалистские, архаичные и до-модерные по своей сути представления.

В период ельцинского правления продолжился относительно постепенный, но устойчивый рост числа идентифицирующих себя с православием, пик которого приходится на середину 1990-х гг. Подъем числа православных именно к середине 1990-х гг., периоду относительного улучшения настроений и ожиданий общества, глубоко фрустрированного прежде всего экономическими, рыночными переменами начала 1990-х, мы рассматриваем как отодвинутую во времени реакцию массового сознания на травму распада СССР, разрушившую привычную для российского человека советскую идентичность. В первом опросе, проведенном по программе «Советский человек»³ в 1989 г., почти треть опрошенных россиян, отвечая на вопрос «Кем Вы осознаете себя с гордостью, что в первую очередь прибавляет Вам уважения к себе?» после позиции «Отцом (матерью) своих детей» (42%) выбирали позицию «Советским человеком» (31%). Эти данные, с одной стороны, указывали на высокую значимость для самооценки человека гемайншафтных отношений, идентификации с ближним кругом, прежде всего, с семьей⁴, с другой — на огромный разрыв между институциональными уровнями этой идентичности и на невысокую значимость для самооценки и самоидентификации других, групповых, профессиональных, культурных оснований, в том числе и конфессиональных⁵. Горизонтальные институциональные связи между разными структурами и объединениями, так называемые характеристики собственно общественного измерения в современном, модерном понимании, оказывались неработающими, незначимыми.

Это была реакция на распад государства, задававшего советский тип идентичности и вытеснившего или загнавшего в «политическое подполье» проблемы собственно национальной или этнической идентичности, заменившего ее идеологемами интернационализма и «дружбы народов». Но если у бывших «братских народов» распад Союза сопровождался не толь-

¹ Здесь следует разделять официальную позицию церкви, ее политику и прагматический план действий, поскольку сама РПЦ особенно в начале 1990-х гг. активно пользовалась западной благотворительной поддержкой.

² Подобным же образом можно понимать и подъем традиционалистской религиозности в моменты социального подъема и кризиса прежней власти в переломные периоды истории других постсоветских республик, будь то Прибалтика конца 1980 — начала 1990-х или Украина эпохи «Майдана». Вопрос заключается в том, как этот религиозный подъем далее осмысливается, прорабатывается и понимается обществом. Принципиальным также является, какую социальную и политическую роль играла сама церковь в период советского господства в этих странах.

³ См. описание программы в статье Л. Гудкова в настоящем выпуске «Вестника...».

⁴ Значимой именно в «материнско-отеческой» (претендующей на авторитет) роли и идентификацией с государством. См. о роли «мужского» и «женского», семейного воспитания в идентификации с государством: Левинсон А. Опыт социогграфии. М., 2004. С. 41–648.

⁵ С гордостью осознавали себя тогда верующими лишь 4% опрошенных, тогда как православными называли уже около четверти россиян.

ко подъемом эмансипационных настроений и консервативных, традиционалистских представлений, а также проблематизацией собственной национальной истории (ее реконструкцией или мифологизацией), то у бывших советских русских это ограничивалось рамками этноконфессиональной идентификации. Православие выступает как субститут или функциональная замена этнической общности, как феномен редукции сложно или многообразно устроенных прежних идентификационных взаимосвязей и структур к более простым и архаичным¹. Рост идентификации с православием означал и возрастающую роль идентификации с православной церковью как институтом: уровень доверия населения к церкви (причем не только «православных») в конце 1980-х, а особенно начале 1990-х гг. был чрезвычайно высоким. Более того, он превышал уровень доверия к основным политическим институтам². Православная церковь начинает выступать для постсоветского человека как институт, символически репрезентирующий утраченное государственное и «национальное» целое — советский народ, в том числе в его историческом измерении. В определенном смысле эти изменения в постсоветском обществе уже российского периода можно рассматривать и как способ вытеснения и мифологизации собственной истории, искусственное восстановление утраченной и прерванной, разрушенной традиции. Не случайно сама РПЦ, как и общество в целом, и его «элиты», уже в начале 1990-х гг. фактически прекращает, отказывается от начавшейся в перестройку проработки советского тоталитарного прошлого. Фрустрированное состояние общества начала 1990-х гг., на которое навалились неясные, непрозрачные и поэтому становящиеся для него все более вынужденными, навязанными (лишенными субъективной перспективы улучшения, выигрыша) экономические и социально-политические перемены, выразилось в росте ностальгии по мифологизируемому и идеализируемому «прошлому» на фоне преобладавших

¹ М. Вебер интерпретирует подъем массовой этнической солидарности, с одной стороны, как закономерную редукцию к более примитивным формам, реакцию на распад существующих государственно-политических структур, с другой — как определенную фазу и особую форму становления и рационализации новых политических структур того или иного общества. См.: *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft*. Tübingen. 1972.

² Полностью доверяли церкви, по данным опроса 1991 г. 57% опрошенных православных, в основном — еще 27%, среди опрошенных в целом — соответственно 35 и 39%; Верховному Совету РСФСР полностью доверяли в тот же год — 13%, в основном — еще 31%. По уровню доверия с церковью была сопоставима только армия.

вплоть до конца 1990-х гг. негативных настроений и ожиданий³.

Но именно в ельцинский период, т. е. уже в начале истории «новой России», обозначились тенденции использования политической власти Церкви в качестве дополнительного символического ресурса легитимации. Одновременно шло и вовлечение ее в сферу государственной идеологии, и сдерживание возможного политического влияния. Именно при Ельцине, правление которого, безусловно, несло и советские авторитарные черты («царь Борис»), на обломках советской идеологии возникает инициатива «поиска национальной идеи» новой России, закончившегося в конце концов воскрешением к жизни пресловутой уваровской триады «православие, самодержавие, народность». Но все-таки важно, что этот период еще был связан с эпохой начала перемен, с перестройкой. Одним из главных достижений ее можно считать не только создание необходимых условий рыночного развития экономики, но и сохранение относительной свободы слова, свободы СМИ, наличие оппозиции и определенного пространства свободы для либерально-демократических сил. «Заигрывание» государства с Церковью происходило еще с сохранением вектора демократических перемен и важности идеи восстановления исторической правды и исторической справедливости. Точнее сказать, доминантой политики была борьба за удержание «точки невозврата» к советскому прошлому. Именно под этим лозунгом шла борьба сторонников Ельцина с коммунистами и националистами различного толка на его последних выборах.

Чеченская война, парламентский кризис 1993 г. и последующее вытеснение демократов и либералов из власти и политики, их проигрыш в этой борьбе, уступки силовикам и военным и сам выбор преемника власти, равно как и способ передачи власти, принципиально изменили демократический вектор развития страны, еще сохранявшийся примерно до кризиса 1998 г.

³ Мы едва ли можем говорить о том, что сама церковь, РПЦ, проделала работу по критическому осмыслению своей истории, прежде всего, в советские времена, что было особенно важно для обновления и развития церкви как социального института во времена постсоветские. Фактически церковь борется за возвращение статуса, когда она не была отделена от государства, пропуская тем самым весь период советской секуляризации и ее осмысления. Не случайно в качестве исторического образца консервативные или фундаменталистски ориентированные направления или группировки в РПЦ выбирают сегодня либо церковь XIV–XV вв., либо времен Российской империи XIX в. См. об этом в книге, на которую мы во многом опираемся при нашем анализе: *Митрохин Н. Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы*. М., 2006.

Приход к власти Путина поднял новую волну православной идентификации, достигшей своего максимума к моменту появления следующего преемника и всего избирательного спектакля 2007–2008 гг. Путинский период власти отмечен утверждением авторитарно-полицейского режима правления и общим возрождением советских идеологических и ментальных комплексов — ростом изоляционизма, великодержавности, ксенофобии и национализма, антизападничества. Наряду с патерналистскими комплексами шло усиленное воспроизводство «советского человека»¹. При этом православная этноконфессиональная идентификация у все большего числа российских граждан окончательно приобретает черты государственной принадлежности, становится своего рода субститутутом гражданства. Одновременно, как и в сфере политического участия, начинает работать механизм присоединения к большинству. Этническая составляющая православной идентификации по функции выражает упрощенные формы солидарности «своих» в противопоставлении «чужим», в данном случае — иноверцам. Терпимость по отношению к «чужакам»: католикам, протестантам, сектантам и др. — оказывается чрезвычайно низкой, что и выражается в росте ксенофобии у «гостеприимного» русского народа (особенно к приезжим, неславянским мигрантам). Этому сопутствует великодержавно-традиционалистская, агрессивно-изоляционистская и антимодерная официальная идеологическая риторика, извратившая все представления о демократии и заменившая их своими изобретениями «суверенной демократии», «суверенной отечественной истории» и т. п. В еще более откровенной форме она подкрепляется набравшей голос консервативно-фундаменталистской риторикой влиятельных иерархов церкви, в политическом смысле выполняющей роль, сходную с той, что играет Жириновский в политике: делает публично приемлемой не только идеологическую направленность власти, которую приняло подавляющее большинство населения, но и «освящает» самые архаичные и примитивные комплексы постсоветского человека. Сегодня доля православных в российском обществе почти равна доле русских в населении и доле тех, кто поддерживает утвердившийся в стране политический режим.

Социально-демографический портрет «православных» в динамике. Рассмотрим коротко динамику социально-демографических харак-

¹ См. об этом подробно в статье Л. Гудкова в настоящем выпуске «Вестника...».

теристик респондентов, причисляющих себя к православным. В «портрете» православных начала 1990-х гг. четко просматриваются характеристики так называемого «возрастного» православия, характерного для пожилых и низкообразованных женщин, проживающих скорее в периферийных городах или на селе. «Православными» называют себя почти половина женщин, половина респондентов в возрасте старше 55 лет и более двух пятых респондентов с образованием ниже среднего. Респондентов с высшим образованием среди православных было в это время примерно в два раза меньше, чем в среднем по выборке. Напротив, среди неверующих и атеистов особенно выделялись мужчины, респонденты с высшим образованием, а также жители малых городов и ПГТ. Иными словами первый всплеск православной идентификации проявил традиционалистскую социальную периферию².

Пространство свободы для этого подъема задала именно образованная и имевшая относительно высокий социальный статус часть постсоветского общества, поддержавшая в конце 1980 — начале 1990-х гг. процессы демократизации и гласности. С большой долей уверенности можно говорить, что в этой среде православных начала 1990-х гг. преобладающим было так называемое «народное православие», которое сочетало в себе как обрядовую «поведенческую набожность», так и массу суеверий, магических и языческих верований, народных примет и т. п., в «законсервированном» виде сохранившихся и воспроизводившихся в советские времена.

В сталинскую и советскую эпоху православие утратило свою элиту — образованную религиозно мыслящую часть общества — религиозных философов и лучшую, самую образованную часть своего духовенства³. Верующие лишились «пастыря» как в самом обществе, так и в лице

² См.: Смолкин В. «Свято место пусто не бывает»: атеистическое воспитание в Советском Союзе, 1964–1968 // Неприкосновенный запас. 2009. № 3.

³ Николай Митрохин приводит удручающую статистику об уровне образования современного духовенства: «Если в 1975 г. — середине “эпохи застоя” никакого теологического образования не имело более 40% священников, то, по словам Патриарха, по сравнению с советскими временами, нынешний “средний уровень”, образовательный и даже нравственный уровень катастрофически понизился <...> значительная часть духовенства (если верить мнению Патриарха, то получается, что не менее половины) вообще не имеет профессионального образования. Из лиц, обладающих формальным образованием, подавляющее большинство не получили полного курса семинарского образования (стационара), которое примерно соответствует уровню светского техникума, а имеют либо заочное образование, либо являются выпускниками духовных училищ. А это же уровень ПТУ». — Митрохин Н. Указ. соч. С. 352–353.

церкви, по-своему приспособившейся к советским порядкам, в том числе ценой активного сотрудничества с властью и его «тайной полицией».

Едва ли можно было ожидать, что от такой «низовой», традиционалистской православной среды будут исходить импульсы к возрождению

религиозных ценностей как особой моральной системы, к формированию религиозного миропонимания и к изменению, обновлению самой церкви. Образованный же слой, социализировавшийся в период государственной идеологии атеизма, обуславливавшего и содержание получаемого им образования и его мировоззрение,

Таблица 1

ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРАВОСЛАВНЫХ (в % от соответствующей социально-демографической группы)*

	1991	1998	2008	2009
В среднем по выборке	31	47	73	71
ПОЛ				
Мужской	16	38	63	64
Женский	44	62	81	80
ВОЗРАСТ				
18–24 года	23	48	65	69
25–39 года	21	46	71	70
40–54 года	30	47	75	75
55 лет и старше	49	61	78	75
ОБРАЗОВАНИЕ				
Высшее	17	43	73	76
Среднее, средне-специальное	26	51	72	74
Ниже среднего	45	54	74	68
ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЙ СТАТУС				
Низкий	38	–	72	76
Средне-низкий	32	–	76	71
Средний	29	–	73	73
Средне-высокий	27	–	67	73
Высокий	50	–	44	63
ТИП НАСЕЛЕННОГО ПУНКТА				
Москва, С.-Петербург	32	51	77	73
Более 500 тыс.	28	54	70	73
От 100 до 500 тыс.	32	49	69	75
Города до 100 тыс.	22	51	75	74
Село	38	49	74	69
РОД ЗАНЯТИЙ				
Независимый предприниматель	–	43	66	65
Руководитель	–	62	72	80
Специалист	–	40	76	74
Военнослужащий, МВД, прокуратура	–	40	47	58
Служащий	–	47	69	78
Рабочий	–	48	71	71
Учащийся, студент	–	46	68	68
Пенсионер	–	63	79	72
Домохозяйка	–	58	77	74
Безработный	–	49	56	64

*Приводятся только сравнительные данные по респондентам, назвавшим себя православными.

в этот период в большинстве своем оставался незатронутым проблемами веры, религиозной морали, религиозности и церкви¹.

Примерно к концу 1990-х гг. доля людей, относящих себя к православным в подавляющем большинстве социально-демографических групп была уже выше или примерно равна доле неверующих. Явное исключение составляют мужчины, среди которых половина по-прежнему называли себя атеистами или неверующими. Неверующие еще несколько преобладали над православными среди специалистов и военнослужащих.

Выделим здесь несколько моментов, особенно важных с точки зрения особенностей динамики православной идентификации. Во-первых, «православная среда» резко молодеет, а по данным опросов в этот период, мы знаем, что молодежь, с одной стороны, а с другой — старшие возрастные группы, особенно низкообразованные, демонстрируют повышенную чувствительность к вопросам российской национальной идентичности, которая выражается в росте националистических (в случае молодежи) и ксенофобских настроений, включая и рост негативизма по отношению к Западу, к бывшим республикам СССР, особенно к тем, что стремятся к сближению с Европой. Во-вторых, различия по уровню образования среди православных в значительной мере стираются, хотя наибольшее число православных мы по-прежнему находим в среде старших возрастов и пенсионеров. Если в 1991 г. разница между высокообразованными и низкообразованными респондентами среди православных составляла 28 п.п., то в 1998 г. — уже только 11 п.п. Но выше среднего доля православных оказывается не среди специалистов (что могло бы косвенно указывать на процессы модернизации церкви, вызванные притоком в число прихожан людей высококвалифицированных и образованных), а особенно среди руководителей и управленцев (62% данной группы!), что примечательно. Иными словами, к концу 1990-х гг. новообращенные в среде образованной бюрократии составляют большинство (по данным 1991 г., доля

¹ Примечательно, что примерно на это же время приходится всплеск интереса в обществе к таким темам, как оккультизм, потустороннее, колдовство, гадания, эзотерика, гороскопы и пр. — своего рода массовидной мистике, захватившей и образованные слои общества. Важно, что этот интерес активно поддерживался новыми СМИ, все больше ориентировавшимися на массовидного потребителя, весьма быстро выродившимися в таблоиды или «желтую прессу». См. интерпретацию этих явлений: Дубин Б. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х гг.) // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 3.

православных в группе с относительно высоким статусом, к которой в большинстве своем относятся руководители, была, напротив, минимальна). Таким образом, бюрократия принимает политику верхов по отношению к церкви, политику, цель которой, как мы уже писали, привлечение символического авторитета церкви для легитимации собственной власти.

Обращение к православию начинает замещать для большинства населения прежнюю государственную атеистическую идеологию. Фактически произошла простая замена знаков в оценке церкви и религиозности с минуса на плюс, санкционированная для населения, большинство которого демонстрирует, по данным опросов, уже в это время усиление госпатерналистских установок, самой властью². В обществе начинает работать механизм присоединения к большинству, опосредованный отношением к власти как носителю коллективной идентичности. Он работает как в «культурно-национальной» ее составляющей — рост «православия», так и политической — рост поддержки «партии власти».

Эти тенденции продолжились и усилились в 2000-х гг. К концу первого десятилетия их развития социально-демографический портрет православных незначительно отличается от социально-демографической структуры населения. Доля неверующих составляет в среднем лишь около одной десятой всего населения, а во многих группах — прежде всего среди женщин, респондентов с низким потребительским статусом, домохозяйек — она находится в пределах статистической погрешности выборки или ненамного ее превосходит. *Православными себя называют не только 80% женщин, но и 80% руководителей и управленцев, а в образовательных группах теперь лидируют не низкообразованные респонденты, а опрошенные с высшим образованием.* Среди неверующих по-прежнему лидируют мужчины (12%), военные (10%) и предприниматели (10%), но теперь также становятся заметными и как раз те группы, которые прежде определяли самые характерные черты в социально-демографическом «портрете» православных начала 1990-х гг. — пожилые люди, респонденты со скорее низким потребительским статусом, пенсионеры (10–11%).

Близкое к тотальному принятию православия почти никак не сказалось на масштабах

² Ср.: «В головах людей восстановилась привычная ориентация на мнение “начальства”, но на этот раз уже — “начальства со свечечкой”. — Гудков Л. Общество с ограниченной ответственностью // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 1. С. 17.

распространения принятой религиозной практики, требуемого церковью отношения к таинствам церкви, к вероучению, на чем мы подробно остановимся далее. Росту православной идентификации в обществе не только не сопутствовали серьезные и широкие, публичные в том числе, размышления над религиозными проблемами и содержанием веры в современном мире, моральная работа самого общества, разных его общественных групп и элит. Но и сама церковь как институт не сумела обновиться, выработать новые формы взаимодействия с обществом, исковерканным советской эпохой, и привлечь в свое лоно новых прихожан. И главный возникающий здесь вопрос: думает ли она вообще о человеке?

Вера в Бога, религиозность и религиозные практики. За минувшие два десятилетия в постсоветском обществе доля людей, твердо верящих в Бога или верящих, но иногда испытывающих сомнения, выросла почти вдвое и составляет сегодня чуть более половины населения. Значительно (более чем в 2,5 раза) сократилась доля убежденных неверующих (с 36 до 15%).

Таблица 2
КАКОЕ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ТОЧНЕЕ ВСЕГО ОТРАЖАЕТ ВАШЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СУЩЕСТВОВАНИИ БОГА? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1991	1998	2008	2009
Я не верю в существование Бога	18	19	10	7
Я не знаю, существует ли Бог, и сомневаюсь, что можно убедиться в его существовании	18	11	9	8
Я не верю в Бога, но я верю в некую высшую силу	18	13	11	11
Иногда я верю в существование Бога, а иногда не верю	11	12	14	14
Я верю в существование Бога, хотя иногда я испытываю сомнения	15	16	21	21
Я знаю, что Бог существует и не испытываю в этом никаких сомнений	14	24	32	34
Затрудняюсь ответить	5	5	4	5

Но количество людей, причисляющих себя сегодня к православному вероисповеданию, среди российского населения почти на 20%

выше числа, тех, кто верит в Бога (55 и 73%). Иными словами, называть себя православным стало общепринятой нормой для большинства, но для значительной части россиян такая идентификация не связана с религиозной верой или связана очень слабо. Если несколько чаще среднего, по последним данным, (43–47%) о своей «твердой вере» сообщают женщины старше 55 лет, пенсионеры, а также респонденты как с низким, так и с относительно высоким потребительским статусом, то значительно ниже среднего «твердо верят» в Бога мужчины (26%), самые молодые (18–24 года – 26%), военные (25%) и особенно учащиеся (16%) и безработные (19%). Ни по образованию, ни по типу поселения этот показатель практически не дифференцируется.

Среди самих православных соотношение верящих и неверящих в Бога на протяжении всего периода 1990–2000-х гг. почти не изменилось: доля верящих в Бога составляет среди них большинство, но она практически не росла с 1991 г. (65% в 1991 г. и 67% в 2009 г.).

Таблица 3
КАКОЕ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ ТОЧНЕЕ ВСЕГО ОТРАЖАЕТ ВАШЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СУЩЕСТВОВАНИИ БОГА? (в % от числа назвавших себя православными)

Вариант ответа	1991	1998	2008	2009
Я не верю в существование Бога	2	2	2	1
Я не знаю, существует ли Бог, и сомневаюсь, что можно убедиться в его существовании	6	5	6	6
Я не верю в Бога, но я верю в некую высшую силу	13	10	9	8
Иногда я верю в существование Бога, а иногда не верю	12	16	15	13
Я верю в существование Бога, хотя иногда я испытываю сомнения	29	25	29	25
Я знаю, что Бог существует и не испытываю в этом никаких сомнений	36	39	39	42
Затрудняюсь ответить	2	4	–	4

Это означает, что рост православной идентификации в обществе не сопровождается ростом религиозной веры. Подавляющее большинство называющих себя православ-

ными крещены (94%), но почти для трети из них крещение не связано с индивидуальной верой в Бога. Несколько выше среднего показатель веры в Бога (от 50 до 55%) среди пожилых женщин, пенсионеров, жителей села, людей с низким потребительским статусом. Иными словами, религиозность, как и в конце 1980 — начале 1990-х гг., сильнее выражена на социальной периферии общества (в низко-статусных группах с ограниченными ресурсами и суженными социальными горизонтами, сниженными запросами). При этом, как уже отмечалось, социально-демографические характеристики причисляющих себя к православию значительно изменились за эти годы, во многом приблизившись к характеристикам социально-демографической структуры взрослого населения страны.

Но приток молодежи и людей средних возрастов, высокообразованных групп и жителей крупных городов в «стан» православных не только не изменил соотношение верящих и не верящих в Бога среди них, но и не укрепил (а в основном ослабил) веру в центральные для религиозного сознания представления о вечной жизни, о рае и аде, о воздании за грехи, об искуплении грехов и спасении вечной души.

Таблица 4
ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В РЕАЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ ПОСЛЕ СМЕРТИ? (в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	1991	1998	2008
Определенно да	27	19	17
Скорее да	24	26	20
Так или иначе верят*	51	45	37
Скорее нет	19	19	21
Определенно нет	14	15	17
Так или иначе не верят*	33	34	38
Затрудняюсь ответить	18	22	25

* В таблицах 4–8 приводится сумма положительных и отрицательных ответов.

Таблица 5
ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В СУЩЕСТВОВАНИЕ РАЯ? (в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	1998	2008
Определенно да	15	17
Скорее да	24	24
Так или иначе верят*	39	41
Скорее нет	21	18
Определенно нет	16	15
Так или иначе не верят*	37	33
Затрудняюсь ответить	25	26

Таблица 6
ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В СУЩЕСТВОВАНИЕ АДА? (в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	1991	1998	2008
Определенно да	24	16	17
Скорее да	24	23	22
Так или иначе верят*	48	39	39
Скорее нет	15	22	18
Определенно нет	15	15	15
Так или иначе не верят*	30	37	33
Затрудняюсь ответить	22	25	27

Таблица 7
ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В СУЩЕСТВОВАНИЕ ДЬЯВОЛА? (в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	1991	2008
Определенно да	21	13
Скорее да	22	23
Так или иначе верят*	43	36
Скорее нет	16	16
Определенно нет	22	18
Так или иначе не верят*	38	34
Затрудняюсь ответить	19	29

Таблица 8
ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В РЕЛИГИОЗНЫЕ ЧУДЕСА? (в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	1991	1998	2008
Определенно да	33	14	18
Скорее да	26	27	30
Так или иначе верят*	59	41	48
Скорее нет	13	20	16
Определенно нет	12	16	13
Так или иначе не верят*	25	36	29
Затрудняюсь ответить	17	22	24

Для большинства называющих себя православными главным, по их оценкам, в религии является не спасение души или путь к вечной жизни, покаяние, и не утешение, и вовсе не примирение со смертью (это вытесняемые из сознания темы¹), а обретение, причем как бы в готовом виде, моральных и нравственных норм повседневной жизни. Чуть больше двух пятых (43%) опрошенных в 1998 г. православных, оценивая роль религии для себя, выбрали вариант «Религия заставляет меня задумываться о смысле жизни, о душе, вечности». Но почти так же часто выбирался и вариант «Религия помогает мне быть терпимым к людям, к их недо-

¹ О роли отношения к смерти в российском обществе для религиозности см.: Гудков Л. Указ. соч. С. 15–18.

статкам». Иными словами, в обращении к вере доминируют не проблемы индивидуального выбора, поиска смысла жизни и смерти, стремление к индивидуальному моральному самосовершенствованию и моральной ответственности, а негативная оценка окружающих, других.

Как же связана массовая православная идентификация, столь широко распространенное утверждение о своей вере в Бога с самой церковью, ее вероучением, обрядами, таинствами?

Единственное таинство церкви, имеющее обязательную силу для называющих себя «православными» верующими, — крещение¹. Но крещение, принимаемое подавляющим большинством в несознательном возрасте (73% опрошенных крестили в детстве родители, 14% — бабушки или дедушки, 4% — другие родственники) является для большинства, по сути, разовой инициацией, без которой вообще не может идти речи о воцерковленности. Сам факт крещения не связывается в сознании большинства с принимаемыми тем самым на себя религиозными обязательствами, ответственностью, внутренними, индивидуальными задачами. Правда, признаки такого осознания таинства крещения просматриваются среди тех, кто крестился сам и уже в сознательном возрасте (по данным 2009 г., таких среди крещенных православных 12%). Для них характерно более ответственное и последовательное отношение к соблюдению религиозных обрядов, приобщению к таинствам, чтению религиозной литературы.

Второе таинство, которое проходят все православные, — это отпевание. Хотя оно завершает земную жизнь человека, лишь немногие осмысливают его при жизни, готовятся к нему. Так, в случае серьезной болезни, т. е. еще при жизни, «позвали бы священника и причастились бы или соборовались» лишь очень немногие — в сумме 9% (данные 2009 г.), причем это заявленное поведение, а не реальное.

Как же ведет себя православный человек, причисляющий себя к церкви, между этими главными моментами своей жизни?

У подавляющего большинства православных, имеющих детей, последние крещены (78%), но лишь 30% говорят, что дали или хотят им дать религиозное воспитание. Столько же опрошенных православных (30%) сообщают, что сами получили в семье религиозное

воспитание. Чаще среднего о религиозном воспитании в семье говорят, с одной стороны, низкообразованные и низкостатусные группы респондентов, жители села, а с другой — самые молодые, учащиеся и студенты.

Очевидно, что «религиозное воспитание» в семье носит в современном российском обществе размытый и неопределенный характер, выражает ориентацию на «норму», а не ценностную установку. Причем такое отношение родителей к этой проблеме едва ли отвечает представлению самой церкви о религиозном воспитании. Косвенно это подтверждается, например, тем, что, хотя доля православных, имеющих дома священные тексты и религиозную литературу, растет, у двух пятых сегодня их нет, а религиозная литература для детей есть дома менее чем у одной десятой опрошенных (и доля их с 1991 г. не увеличилась).

Таблица 9
ЕСТЬ ЛИ У ВАС ДОМА КНИГИ РЕЛИГИОЗНОГО СОДЕРЖАНИЯ, И ЕСЛИ ЕСТЬ, КАКИЕ ИМЕННО? (в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	1991	2009
Евангелия	18	25
Новый Завет	13	26
Ветхий завет	8	16
Жития святых	3	5
Псалтырь	7	11
Молитвослов	9	25
Религиозная литература для детей	7	7
Другие книги религиозного содержания	5	6
У меня дома нет книг религиозного содержания	62	43

По данным опроса 2008 г., 28% опрошенных утверждают, что старшие в их семье говорили с ними о Боге, вере, церкви, а 30% — что они говорят или собираются об этом говорить с младшими в семье. Но при этом о смерти — центральной для человека, тем более религиозного, теме — в семье старшие говорили лишь с 13% опрошенных и столько же респондентов (13%) говорят или собираются говорить с младшими в семье.

Другим подтверждением незначительности для общества религиозной социализации в семье служит отношение самих взрослых православных как к религиозным предписаниям, обрядам и нормам поведения воцерковленного человека, так и к важнейшим таинствам, например, к венчанию, причастию, исповеди.

¹ О смысле крещения для православных россиян см.: Дубин Б.В. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х гг.) // Вестник общественного мнения. 2004. № 3.

Лишь 9% состоящих или состоявших в браке венчались в церкви, причем доля их за минувшее десятилетие не выросла.

Таблица 10
ЕСЛИ ВЫ СОСТОИТЕ ИЛИ РАНЕЕ СОСТОЯЛИ В БРАКЕ, ТО ВЕНЧАЛИСЬ ЛИ ВЫ В ЦЕРКВИ? (в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	1998	2009
Да	11	9
Нет	87	91

Хотя таинство венчания можно совершить в любой момент, 75% состоящих ныне в браке и невенчанных православных не собираются это делать, а 16% затрудняются дать определенный ответ. В проекции на детей таинство венчания предстает более значимым — 50% опрошенных в целом хотели бы, чтобы их дети венчались (21% — нет, 30% затруднились дать определенный ответ).

Но это как раз и указывает на расхождение между заявляемым представлением о должном и реальным поведением, на декларативность усвоенных религиозных представлений у большинства православных. Этот разрыв зафиксирован в опросе 2009 г. данными о заявлениях о необходимости соблюдения постов, ежедневной молитве и реальным исполнением этих религиозных предписаний. Примерно половина (заметим, только половина!) опрошенных православных считают, что необходимо поститься в Страстную пятницу, Страстную неделю, Великий пост и другие большие посты. Но реально постятся в главный для православных Великий пост, «как правило», лишь 6%, «часто» — 5, «иногда» — 26%, а большинство (62%) «никогда».

Относительное большинство православных (44%) считают, что следует молиться каждый день утром и вечером (не считают так 30%, затрудняются ответить — 26%). Но, «как правило», молятся по утрам лишь 9%, «часто» — 5, а большинство (58%) — «никогда». Сходная картина складывается и с вечерней молитвой. Большинство (52%) молящихся делают это собственными словами, и лишь 14% молятся по молитвослову, как этого требует православная церковь. Более трети молящихся (36%) не знают наизусть слова основной молитвы «Отче наш», а 74% молящихся не знают слова «Символа веры». Причем доля молящихся ежедневно с годами не растет, а даже сокращается.

Таблица 11
МОЛИТЕСЬ ЛИ ВЫ? ЕСЛИ ДА, ТО КАК ЧАСТО? (в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	1991	1998
Несколько раз в день	12	9
Один раз в день	15	12
Каждый день*	27	21
Несколько раз в неделю	5	7
Обязательно каждую неделю	1	3
Почти каждую неделю	4	4
Два или три раза в месяц	4	3
Примерно раз в месяц	4	5
Несколько раз в год	9	9
Один или два раза в год	3	5
Реже, чем раз в год	3	5
Не молюсь никогда	33	29
Затрудняюсь ответить	5	9

* Кумулятивный процент.

Молитва так или иначе все же присутствует в еженедельной религиозной практике примерно одной пятой православных (при том, что молитвой можно посчитать любое обращение к Богу на словах или в мыслях); большинство молящихся (75%) просят что-либо у Господа, 59% благодарят, славят Господа 24% молящихся, а из усердия, любви к Богу молятся, по их словам, 16%.

Таинство исповеди, предполагающей осмысление своих действий и помыслов, (возможность их моральной оценки как греховных и, соответственно покаяние в них священнику), связанное в христианстве с таинством причастия, не воспринимается подавляющим большинством православных как обязательная часть религиозного поведения. По данным опроса 1998 г., никогда не исповедовались 71% назвавших себя православными, а хотя бы раз в год — лишь 15%, из них только 2% делали это примерно раз в месяц.

Такая же картина складывается и в отношении к таинству причастия: доля православных, причащающихся «хотя бы раз в месяц», на протяжении всего последнего десятилетия не менялась и составляла не более 3%. По последним данным (2009 г.) «хотя бы один-два раза в год», т. е., скорее всего, по великим церковным праздникам, причащался лишь каждый десятый православный. Если следовать принятому представлению¹ о «признаках» воцерковленно-

¹ В церкви XIX в., на образец которой ориентируется значительная часть современных консервативно ориентированных церковных иерархов.

сти православного, когда причащавшийся реже, чем раз в год, считался «отпавшим от церкви», то сегодня 81% называющих себя православными существуют вне церкви.

Таблица 13
КАК ЧАСТО ВЫ ПРИНИМАЕТЕ ПРИЧАСТИЕ?
(в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	
Каждую неделю	1
Каждый месяц	1
Несколько раз в год	7
1-2 раза в год	10
Реже, чем раз в год	19
Никогда	62

2009 г. N=1098

Но не только данные о приобщении к таинствам венчания, причастия, исповеди говорят о том, что бурный рост православной идентификации последних 20 лет не привел к росту доли прихожан, отличающихся ортодоксальностью

религиозной практики. Динамика такого важнейшего показателя связи веры и церкви, как частота посещения религиозных служб, показывает, что церковь даже теряет своих потенциальных прихожан. Лишь одна десятая называющих себя «православными» посещают церковные службы хотя бы раз в месяц, относительно же большинство (46%) делают это несколько раз в год или хотя бы раз в год (скорее всего, в связи с главными церковными праздниками, прежде всего, Пасхой и в меньшей мере Рождеством).

Половина называющих себя сегодня православными бывают на службах крайне редко или вообще никогда, т. е. вообще не связывают свое «православие» с церковью. Причем это относится именно к церковным службам. Просто заходят в церковь, по данным 2009 г., большее число православных: доля вообще никогда не бывающих в церкви намного ниже, чем доля не участвующих в церковных службах (соответственно 12 и 28%). А это значит, что значительная часть православных заходят в церковь лишь ненадолго, скорее всего, чтобы поставить

Таблица 12
ХОДИТЕ ЛИ ВЫ К ПРИЧАСТИЮ? ЕСЛИ ДА, ТО КАК ЧАСТО? (в % от опрошенных православных)

Вариант ответа	1998	2001	2002	2003	2004	2005	2007
Не причащаюсь	68	80	76	70	75	75	78
Раз в неделю	1	1	1	1	1	1	0,2
Раз в месяц	2	2	2	1	2	2	2
Несколько раз в год	12	6	8	7	10	8	8
Раз в год и реже	17	12	13	21	13	15	12

N=2100

Таблица 14
ЧАСТОТА ПОСЕЩЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ СЛУЖБ (в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	1991	1998	2008
Несколько раз в неделю	0	1	0
Каждую неделю	2	2	1
Почти каждую неделю	2	3	1
Хотя бы каждую неделю*	4	6	2
Два-три раза в месяц	4	3	3
Раз в месяц	7	8	5
Хотя бы раз в месяц*	15	16	10
Несколько раз в год	21	16	19
Один-два раза в год	20	19	17
Хотя бы раз в год*	56	51	46
Реже, чем раз в год	9	15	22
Никогда	34	33	28
Затрудняюсь ответить	2	2	5

* Кумулятивный процент.

свечку и помолиться перед той или иной иконой, но не участвуют в службе. Так, по данным опроса 2009 г., 76% православных, посещающих храм, молятся перед иконами и другими святынями, а зажигают перед ними свечи 83%. Более или менее регулярное участие в службе (одно из главных действий или событий, происходящих в храме) характерно для все меньшего числа потенциальных прихожан церкви. Посещение храма носит для большинства скорее знаковый или ритуально-магический характер и не требует ни особых усилий, ни особого усердия, ни особых затрат времени.

Схожая картина складывается и в повседневной домашней жизни людей, считающих себя православными. Иконы есть дома у 79% из них, хотя молятся перед ними уже только 53%, а зажигают свечи или лампы только 37%. То есть почти для половины православных, имеющих иконы дома, это лишь демонстративный (скорее даже для себя) знак своей причастности к религии и церкви, не имеющий влияния на их поведение и отношения к этому объекту религиозного поклонения.

Можно говорить о своего рода рутинном значении посещения церкви для «усредненного» православного, коль скоро оно так слабо связано с участием в литургии — главном мистическом действе в церкви, во время которого свершается таинство Евхаристии и Церковь земная соединяется с Церковью Небесной.

На главную церковную службу, пасхальную, «как правило», ходят лишь 17% называющих себя православными, большинство же лишь «иногда» (52%), а около четверти (26%) «никогда». Если по другим великим праздникам большинство ходят на службу хоть «иногда», то на воскресные службы никогда не ходят уже 59% православных (для служб в будние дни этот процент еще выше, но, хотя тенденция и такова, все же, отметим, что многие храмы недоступны для прихожан в будние дни).

В ряду других стран россияне, верящие в Бога, выделяются самым низким уровнем участия в церковных службах и (кроме преимущественно англиканской Великобритании) самой высокой долей не посещающих службы вообще.

Относительно регулярное посещение храма и участие в службах (хотя бы раз в месяц) можно принять за наименее «жесткий» или скорее даже «светский» показатель приобщенности к церкви, поскольку сама православная церковь ждет от действительно воцерковленных, в ее понимании, прихожан куда более регулярного приобщения к таинствам и строгого исполнения обрядов и предписаний религиозной жизни. Но поскольку доля отвечающих таким требованиям среди называющих себя сегодня православными по-прежнему, как и 20 лет назад, чрезвычайно мала — она колеблется в пределах 2–3% (прежде всего это относится к причастию и исповеди) — судить более или

Таблица 15

ЧАСТОТА ПОСЕЩЕНИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ СЛУЖБ В РАЗНЫХ СТРАНАХ (в % от верующих*, данные приводятся без учета затруднившихся или не давших ответ)¹

Вариант ответа	ФРГ	Англия	США	Венгрия	Италия	Швеция	Чехия	Польша	Россия	Испания	Латвия	Словакия	Франция
Раз в неделю и чаще	15	26	39	26	38	20	23	45	7	32	12	51	29
Два-три раза в месяц	15	4	9	7	17	4	14	24	4	11	15	16	4
Раз в месяц	12	10	9	7	6	4	6	9	9	7	12	5	6
Хотя бы раз в месяц**	42	40	57	40	61	28	43	78	20	48	39	72	39
Несколько раз в год	23	18	12	22	17	49	30	18	20	25	32	14	18
Реже, чем несколько раз в год	27	5	18	25	13	13	9	3	33	10	16	11	25
Никогда	8	38	13	13	9	10	19	1	28	15	14	4	18

*Сумма респондентов, выбравших при ответе на вопрос о вере в Бога позиции: «Я верю в существование Бога, хотя иногда я испытываю сомнения» и «Я знаю, что Бог существует и не испытываю в этом никаких сомнений».

**Кумулятивный процент

¹ Приводятся сравнительные международные данные опросов, собранные в рамках многолетнего международного социологического исследовательского проекта ISSP (более подробные данные о проекте см. на сайте <http://www.issp.com>).

менее достоверно о социально-демографических характеристиках россиян, причастных к жизни современной церкви, мы можем только по признакам частоты посещения церкви и участия в церковных службах.

Николай Митрохин в своей представительной монографии о состоянии РПЦ в новейший период российской истории¹ (мы в значительной мере опираемся на этот труд при анализе и оценках взаимодействия современной церкви и потенциальных прихожан) выделяет три основных типа воцерковленных верующих: *возрастной* (состоящий преимущественно из пожилых женщин), *традиционный* (сохранивший дореволюционные православные традиции) и *мировоззренческий*. Имеющийся материал социологических массовых опросов позволяет нам захватить именно возрастную тип, который, судя по всем имеющимся в нашем распоряжении данным, остается преобладающим и наиболее распространенным среди православных.

Так, именно пожилые женщины регулярно посещают церковь, строже исполняют церковные предписания и чаще участвуют в обрядах и таинствах. Но если в начале 1990-х гг. они скорее были низкообразованными, то теперь среди них ощутимо выросла доля образованных женщин предпенсионного и пенсионного возраста; возрастная граница активного посещения церкви сдвинулась к зрелому возрасту (от 40 и старше). Кроме того, в сравнении с началом 1990-х гг., более активными в своем религиозном поведении стали горожане. На этом фоне православные на селе, а отчасти и в малых городах, выглядят скорее «отпадающими» от церкви (или же среди них, как и среди пенсионеров в целом сохраняется относительно большая приверженность к идеалам советского атеистического прошлого).

Но сравнение религиозного поведения, в том числе регулярного посещения церкви, по половозрастным группам показывает, что во всех возрастах более активны и «набожны» именно женщины. Причем активность в отправлении религиозных обрядов среди молодых женщин (25–29 лет) и женщин зрелого и предпенсионного возраста (40–54 года) примерно равна, а рост признаков воцерковленности (более строго следующего предписанным ритуалам) поведения происходит среди женщин старше 55 лет.

Принципиально важным и интересным нам представляется даже не возрастной аспект «интенсивности» религиозного поведения и самой

веры (явное усиление субъективных оценок своей набожности по мере приближения к пожилому возрасту²). Более сильным дифференцирующим степенью религиозности признаком к настоящему моменту стал именно пол. Дело не только и не столько в половой структуре старших возрастных групп, в которых значительно преобладают женщины, продолжительность жизни которых намного дольше сегодня, чем среди мужчин. Как мы уже отмечали, во всех поло-возрастных группах более интенсивным следованием нормам поведения воцерковленного человека отличаются именно женщины.

Отметим, что наиболее существенные расхождения чаще касаются двух полюсов «континуума» православных: тех, у кого православная идентификация наиболее тесно связана с религиозной практикой, и, напротив, тех, кого она как бы «ни к чему не обязывает». В первом случае явно преобладают женщины, во втором — мужчины.

Чрезвычайно важно понять, почему религиозность, религиозное поведение, пусть в значительной мере существующее в декларативной форме, явно сохраняет сегодня «женское лицо». Уцелевшую в советские времена среду, где, по всей видимости, в крайне редуцированной, упрощенной, «бытовой», обрядово-магической форме жило православие, в массе своей, очевидно, составляли именно пожилые малограмотные женщины, жившие на периферии общества. Такие верующие были не опасны для власти, задавившей или уничтожившей группы, составлявшие религиозную элиту, и разрушившей или подчинившей себе и дискредитировавшей для глубоко верующих людей институт церкви. То, что так называемое «народное православие» выжило, можно рассматривать как результат некоторого послабления тоталитарного, а затем и советского режима, оставившего «немного воздуха» для обычного «маленького человека», насильственно подминаемого государством под себя и нещадно обираемого, подавляемого во всех своих естественных правах. В той или иной мере сохраняемые религиозные традиции сочетались с полным и безмолвным подчинением власти. Приспособление к государственному насилию было формой выживания сложившегося типа иерархического человека, который получал таким образом возможность, пусть ограниченную, обустройства своего маленького, частного мира или дома (и по своему разумению).

¹ См.: Митрохин Н. Указ. соч. С. 44–58.

² См. о связи возраста и религиозности: Гудков Л. Указ. соч.

Таблица 16

РЕГУЛЯРНОСТЬ ПОСЕЩЕНИЯ ХРАМА И СТЕПЕНЬ АКТИВНОСТИ В ОТПРАВЛЕНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДОВ (в % от числа представителей соответствующей группы опрошенных православных)

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
КАК ЧАСТО ВЫ БЫВАЕТЕ В ЦЕРКВИ?		
Раз в неделю или чаще	2	4
Раз в месяц или чаще	7	14
Несколько раз в год	23	40
Один-два раза в год	24	21
Реже, чем раз в год	24	15
Никогда	20	6
ХОДИТЕ ЛИ ВЫ НА ЦЕРКОВНЫЕ СЛУЖБЫ НА ПАСХУ?		
Как правило	10	22
Часто	8	10
Иногда	54	51
Никогда	27	17
ХОДИТЕ ЛИ ВЫ НА ЦЕРКОВНЫЕ СЛУЖБЫ ПО ДРУГИМ ВЕЛИКИМ ПРАЗДНИКАМ?		
Как правило	5	13
Часто	4	10
Иногда	54	59
Никогда	37	19
ХОДИТЕ ЛИ ВЫ НА ЦЕРКОВНЫЕ СЛУЖБЫ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ?		
Как правило	2	4
Часто	2	5
Иногда	24	42
Никогда	73	50
КАК ЧАСТО ВЫ ПРИНИМАЕТЕ ПРИЧАСТИЕ?		
Каждую неделю	0	1
Каждый месяц	0	1
Несколько раз в год	6	9
Один-два раза в год	7	13
Реже, чем раз в год	14	23
Никогда	73	54

Такой «женский» тип адаптации к институтам власти — пассивно-выживающий, оставляющий шанс и надежду на сохранение и выживание своего маленького, ближнего мира, воспроизвелся в новых условиях и стал доминирующим и для постсоветского общества. В российском обществе, а особенно в среде близких к нынешней церкви православных, подавляющее большинство разделяют мнение, что главная функция мужчины — обеспечивать семью, а женщины — заботиться о доме и детях. Это традиционалистское представление о распределении ролей расходилось с реальностью и в советские времена, и сейчас. По сути, архаичное представление домодерного общества упрощает и примитивизирует реальные ролевые отношения в семье, которая, по крайней мере по формальным признакам, не слишком

отличается от современной семьи западного общества. Расхождение такого массового представления о должном (мужчина — добытчик, а женщина — хранительница «очага») с социальной реальностью, устроенной гораздо более сложно и многообразно (подавляющее большинство советских женщин работали наравне с мужчинами, в среднем они более образованы, сегодня молодые женщины все больше ориентируются на собственную карьеру и т. п.), должно вести к значительным внутренним ролевым напряжениям и конфликтам, взаимному непониманию, которые, не находя выхода, ведут к накоплению внутренней агрессии, а затем — и к аномии. Здесь, например, интересно и важно рассмотреть типичные гендерные расхождения в отношении к здоровью. Укажем лишь на типичное «мужское» пренебрежение своим

здоровьем и тревожное «женское» отношение к нему. В первом случае важен, как нам представляется, нерационализируемый страх выпадения из своей роли «сильного» члена семьи и связанная с этим автоагрессия, выражающиеся в тяге к саморазрушению — пьянство, склонность к насилию¹. «Женская» озабоченность своим здоровьем, особенно ближе к пожилому возрасту, когда заканчивается возрастной (= жизненный!) цикл предписанной женщине роли «родительницы» (дети вырастают и уходят из дома), выражает реакцию страха на «обесмысливание» жизни. Обращение менее склонной к «физическому» саморазрушению женщины, реально так же отвечающей за выживание семьи, к религии можно рассматривать в этом ключе как компенсаторное.

Другой важный момент заключается в том, что мужчина в силу своей социальной роли должен вписываться в более сложные по структуре, функциям, разнообразию и множественности социальные отношения и взаимодействия, чем женщина, роль которой ограничивается или как бы «разгружается» в традиционной заботе о семье. В этом противопоставлении подобное понимание женской роли можно рассматривать как редукцию сложности социальных связей и взаимодействий, как разгрузку от вызываемых ими напряжений и конфликтов. Обращение к церкви (которому не сопутствует глубокая субъективная, моральная работа, осмысление человеческой судьбы с позиции веры²) является «универсальным» способом разгрузки накопившихся проблем и напряжений, страхов и чувства обесмысливания жизни, или ускользания ее смыслов. Такая редукция сложности проблем, их понимания и рационализации представляет пассивно-адаптивный тип ролевого поведения, особенно характерный для женщин³. И именно он в наибольшей степени отвечает традиционалистскому по духу или домодерному образу ве-

¹ См. об аномии: Гудков Л. Указ. соч.

² А то, что это характерно для большинства называющих себя православными видно, например, из их отношения к основным таинствам церкви.

³ Сходные по функции и смыслу процессы редукции сложности в самопонимании в ролевом поведении мы находим в массовом чтении. С приходом на рынок массовой жанровой литературы еще в начале 1990-х гг. четко обозначилось разделение на «мужское» и «женское» чтение; среди российских мужчин необычайную популярность приобрел российский боевик (см. об этом подробно: Дубин Б. Испытание на состоятельность: к социологической поэтике романа-боевика // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 252–274), насыщенный брутальностью и жестокостью, насилием, а среди женщин — «любовный роман».

рующего человека в нынешней церкви. Ведь на первом плане оказывается усердие в следовании обрядам и нормам воцерковленного поведения, подчинение им, а не содержание самой веры.

Церковь, религия и повседневная жизнь человека. Позитивная динамика массовой православной идентификация в современном российском обществе не означает, как мы показали, существенного роста глубоко верующих или воцерковленных людей. Ни церковь, ни религия как таковая не играют в повседневной жизни подавляющего большинства людей значительной роли. И влияние церкви как института, и влияние религиозного мировоззрения на общество весьма незначительны. Несмотря на стабильно удерживающееся на довольно высоком уровне доверие к церкви (церкви «вполне доверяют» около двух пятых опрошенных), в опросах на протяжении многих лет мы фиксируем весьма пассивное, отстраненное, дистанцированное, если не равнодушное, отношение к роли церкви и религии в жизни общества, и особенно в повседневной жизни человека, в том числе среди тех, кто считает себя православным.

Налицо серия парадоксов. Вопреки массовой поддержке консервативной — антизападной, антимодерной, традиционалистской — публичной риторики РПЦ, при ответе на задававшийся с «ельцинских времен» вопрос о том, какая идея могла бы сплотить Россию, не более нескольких процентов опрошенных выбирают позицию «Православие». Хотя активно продвигаемая публичными представителями РПЦ идея «особого пути» России (в случае церкви — религиозно фундированная) разделяется большинством опрошенных, но именно религиозно-церковную составляющую этой идеологии — объяснение «особого пути» как особой русской православной цивилизации — поддерживают лишь 5% сторонников этого пути. Общественное мнение, принимая идеологию, транслируемые РПЦ, не связывает их с церковной вероучительской идеологией, а принимает как «пустую конструкцию», какой она выступает в официальной риторике власти.

Следующий парадокс. Мы разделяем интересную идею Н. Митрохина о том, что РПЦ можно рассматривать как партию, поскольку у нее есть и идеологическая программа, и платформа⁴. Но эту «партию» можно трактовать, как и другие бывшие и нынешние партии или

⁴ См.: Митрохин Н. Указ. соч.

«кремлевские» партийные проекты, по словам одного из респондентов в интервью, как партию, которая ограничена «пределами Садового кольца», или как «партию-корпорацию», или «партию-ведомство». Она не обращена к отдельным людям, их проблемам и ожиданиям, к отдельным группам интересов в обществе. В этом смысле РПЦ не имеет своего электората. Ее опора, как и в случае «партии власти», — это все, кто готов согласиться с ее притязаниями на господство. Но когда вопрос задается в политической плоскости, то подавляющее большинство всех опрошенных, представляющих секуляризованное общество и самих православных), скорее против того, чтобы церковь вмешивалась в политику. Причем, если в начале 1990-х гг. этот вопрос еще вызывал у православных значительные затруднения, то сегодня такая позиция выражена в их среде весьма определенно.

Таблица 17
В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С ТЕМ, ЧТО РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЯТЕЛИ НЕ ДОЛЖНЫ ПЫТАТЬСЯ ВЛИЯТЬ НА РЕШЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА?
(в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	1991	1998	2008
Совершенно согласен/ согласен	30	64	69
Ни согласен, ни не согласен	19	12	10
Не согласен/ совершенно не согласен	28	14	9
Трудно сказать	23	10	12

Таблица 18
В КАКОЙ МЕРЕ ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С ТЕМ, ЧТО РЕЛИГИОЗНЫЕ ДЕЯТЕЛИ НЕ ДОЛЖНЫ ПЫТАТЬСЯ ВЛИЯТЬ НА ТО, ЗА КОГО ЛЮДИ ГОЛОСУЮТ НА ВЫБОРАХ? (в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	1991	1998	2008
Совершенно согласен/ согласен	40	51	74
Ни согласен, ни не согласен	13	10	5
Не согласен/ совершенно не согласен	25	12	7
Трудно сказать	23	8	12

В начале 1990-х гг. половина опрошенных считали, что церковь и религиозные организации имеют слишком малое влияние на жизнь России. Теперь таких лишь 15% опрошенных православных, а их относительное большинство (44%) полагают, что оно такое, «как нужно»; причем более одной пятой затрудняются дать

ответ, что указывает на непроблематичность этого вопроса для значительной части православных. Иными словами, по сравнению с началом 1990-х гг., доля православных, считающих, что церковь имеет недостаточное влияние в России сократилась более чем на треть (чуть более одной десятой православных считают, что оно «слишком велико», а это, в свою очередь, говорит о не такой уж малой части православных, недовольных современной политикой церкви, слишком сблизившейся с властью). Примерно такая же доля православных высказывает сегодня недоверие церкви как социальному институту.

Таблица 19
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, НАСКОЛЬКО БОЛЬШОЕ ВЛИЯНИЕ ИМЕЮТ В РОССИИ ЦЕРКОВЬ И РЕЛИГИОЗНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ? (в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	1991	1998	2008
Слишком много	2	3	2
Больше, чем необходимо	4	10	10
Примерно столько, сколько необходимо	22	36	44
Меньше, чем необходимо	20	16	11
Слишком мало	30	13	5
Трудно сказать	23	24	29

И еще один парадокс, связанный с предыдущими. Он относится к проблеме секуляризации постсоветского общества, на которой мы чуть подробнее остановимся ниже. Большинство опрошенных в 2008 г. (63%) хотели бы жить в стране, где отношение к религии является «личным делом каждого и религия не оказывает влияния на политику», а не в государстве, в котором «религия играет важную роль в политике». Но, по собственным высказываниям большинства именующих себя православными, религия не играет особенно важной роли в их повседневной (индивидуальной) жизни. Лишь малая часть (6%) признается, что именно религия делает их жизнь полноценной. Практически не меняется доля тех, кто проявляет интерес к чтению литературы религиозного содержания: хотя бы время от времени религиозную литературу читают сегодня 15% респондентов.

Весьма скромны и субъективные оценки своей религиозности самими православными. Доля тех, кто считает себя очень религиозным, за десять лет не изменилась, тогда как доля считающих себя нерелигиозными людьми несколько выросла — с 46 до 53%.

Таблица 20

КАКУЮ РОЛЬ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ ИГРАЕТ РЕЛИГИЯ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2002	2005	2007
Очень важную	8	11	6
Довольно важную	21	27	26
Не слишком важную	36	39	41
Не играет никакой роли	32	20	24
Затруднились ответить	3	2	3

N=1600

Таблица 21

ВЫ БЫ НАЗВАЛИ СЕБЯ... ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1998	2000	2008
очень религиозным	6	6	5
в какой-то мере религиозным	42	45	37
скорее нерелигиозным	27	26	33
совершенно нерелигиозным	19	20	20
Зависит от обстоятельств	–	2	2
Затрудняюсь ответить	5	1	3

За минувшие 20 лет выросла доля российских жителей, с гордостью осознающих себя верующими людьми (с 4% в 1989 г. до 15% в 2008). И все же даже число людей, считающих себя очень религиозными, более чем в два раза превосходит число тех, кого сама церковь считает своими истинными прихожанами – воцерковленными людьми.

Церковь и «реальные» и «потенциальные» прихожане. Показателем социального влияния церкви в обществе можно считать активность участия верующих в жизни церковного прихода или общины. За десять лет, прошедших между двумя нашими замерами, доля активных участников приходской жизни практически не изменилась и составляет 1% от тех, кто считает себя православным. Подавляющее большинство никогда не участвуют в деятельности церковного прихода или общины.

РПЦ, тщательно скрывающая от общественности статистику церковной жизни практически по всем сферам своей деятельности (не только экономической, но и диаконической, катехизаторской¹), встречает данные о росте числа православных с известным оптимизмом, относя это себе в заслугу. Но это лукавая позиция, присущая прежде всего сторонникам консервативной идеи государственной православной церкви, поскольку сами же представители церкви считают собственно воцерковленными прихожанами (совокупность тех, кто регуляр-

¹ См.: Митрохин Н. Указ. соч.

но посещают храмы, строго исполняют обряды, приобщая к таинствам и т. п.) не более 2–4% российского населения², в отличие от «захожан», лишь изредка бывающих в церкви. Эту картину подтверждают и данные массовых социологических опросов.

Таблица 22

ПРИНИМАЕТЕ ЛИ ВЫ УЧАСТИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ МЕРОПРИЯТИЯХ КАКОЙ-ЛИБО ЦЕРКОВНОЙ ОБЩИНЫ, НЕ СЧИТАЯ ПОСЕЩЕНИЯ СЛУЖБ? (в % от числа опрошенных православных)

Вариант ответа	1998	2008
Никогда	91	86
Реже, чем раз в год	2	2
Раз или два в год	2	1
Несколько раз в год	1	1
Примерно раз в месяц	0	0
Два-три раза в месяц	0	0
Почти каждую неделю	0	1
Несколько раз в неделю	1	0
Затрудняюсь ответить	4	8

Одно из объяснений, популярных среди представителей РПЦ: огромный разрыв между числом «прихожан» и количеством «захожан» – следствие процессов секуляризации общества. Но главным виновником этих процессов оказывается не собственная история, а разумеется, «Запад» в целом (отпавший от истинной веры) и массовая западная культура, в частности, наносящие непоправимый вред «духовности» русского народа, «истинности» его веры и его православной культуре. Но сравнение российских данных с данными западных стран, представляющих секуляризованные общества, и даже стран бывшего Восточного блока показывает, что именно православные верующие России лидируют по числу людей, вообще не участвующих в жизни церковных приходов или общин.

Меньше всего верующих людей, вообще не участвующих в жизни приходов, среди немцев, более половины которых относятся к лютеранской и евангелической церквям, в большинстве своем православных болгар, а также преимущественно католических словаков. В большинстве стран, кроме России, Венгрии и Латвии, велика доля прихожан, постоянно участвующих в жизни приходов. В среднем по всем обследованным странам никогда не принимают участия в такой деятельности только 48% всех опрошенных, что, безусловно, связано с сильной ориентацией на социальную сферу жизни как протестант-

² См. об этом: Митрохин Н. Указ. соч.

Таблица 23

ПРИНИМАЕТЕ ЛИ ВЫ УЧАСТИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИЛИ МЕРОПРИЯТИЯХ КАКОЙ-ЛИБО ЦЕРКОВНОЙ ОБЩИНЫ, НЕ СЧИТАЯ ПОСЕЩЕНИЯ СЛУЖБ? (в % от числа опрошенных верующих* без учета затруднившихся с ответом)¹

Вариант ответа	ФРГ	Англия	США	Венгрия	Италия	Швеция	Чехия	Польша	Болгария	Россия	Испания	Латвия	Словакия	Франция
Никогда	20	45	31	63	50	31	34	47	20	93	72	61	20	39
Реже, чем раз в год	10	13	11	14	4	14	13	13	9	2	4	11	11	13
Раз или два в год	15	11	11	8	8	16	20	9	20	1	6	10	20	14
Несколько раз в год	25	10	12	10	11	14	16	14	26	1	6	8	16	14
Раз в месяц/ 2–3 раза в месяц	14	9	12	4	9	10	8	9	15	1	4	7	12	10
Почти каждую неделю и чаще	15	13	23	3	19	14	8	9	10	2	7	5	22	10

*Сумма респондентов, при ответе на вопрос о вере в Бога выбрали позиции «Я верю в существование Бога, хотя иногда я испытываю сомнения» и «Я знаю, что Бог существует и не испытываю в этом никаких сомнений».

ской, так и католической (хотя теологически и по-иному фундированной) церковью. Иными словами, в западных секуляризованных обществах социально-религиозное влияние церкви выражено куда сильнее, чем в России.

Складывается впечатление, что в своей борьбе за влияние в российском государстве, за доминирование в идеологии, в своих внешнеполитических играх церковь забыла о самом человеке. Ведь дело не в том, виноваты ли Запад и массовая западная культура, хотя можно, наверное, говорить не только о ее «модернизирующем» или «цивилизующем» влиянии, особенно в сфере потребления. Проблему представляет, какие функции она выполняет в постсоветском обществе, не прошедшем западный тип модернизации (а ведь массовая западная культура — результат этих процессов), что именно из нее усваивается, как она воспринимается, на какие ценностные представления она «ложится».

Низкие показатели «воцерковленности» как раз и указывают на то, что церковь не справляется с вызовами современности, не обновляется, что она не видит проблем, страхов, внутренних конфликтов и напряжений человека, живущего сегодня в российском обществе, или не хочет их видеть и искать для них новые, современные решения.

Масштабы социальной и религиозно-образовательной — диаконической и катехизаторской — деятельности церкви весьма скромны и малоэффективны². Эта работа церкви носит

чисто экстенсивный и весьма поверхностный характер, она незначительно меняет «ценностные приоритеты» людей: нынешние православные, включая «воцерковленных», ничуть не отличаются от неверующих большей терпимостью, толерантностью к другому, чужому³, большим доверием «к ближнему» и солидарностью с ним, большей гуманностью и человеколюбием, скорее наоборот, они более нетерпимы, недоверчивы, но при этом очень озабочены «морально-нравственным» обликом окружающих. Похоже, что главной задачей для РПЦ в социальных сферах является стремление вытеснить представителей других конфессий (и ограничить внутри самой церкви влияние священников, стремящихся к либерализации и обновлению церкви), которые как раз оказываются куда более успешными именно в социальной и просветительской работе. РПЦ можно обвинить именно в том, в чем она обвиняет католиков или протестантов: в чистом прозелитизме, стремлении любой ценой «перетаскать в свой лагерь» как можно большее число людей, пусть даже по формальным признакам «православных». Неслучайно и столь активное продавливание сверху, с помощью государства, идеи «православного просвещения» в средней школе (обязательное изучение в школе «основ православной религии»). Церковь остается по своему устройству и миропониманию чрезвычайно

¹ Данные сравнительного исследования 1998 г., проведенного в рамках международного проекта ISSP; шкала ответов укрупнена.

² См. об этом подробно: *Митрохин Н.* Указ. соч. С. 316–367.

³ Более того, по данным опроса 2008 г., именно среди активных прихожан особенно высок уровень нетерпимости по отношению к группам с отклоняющимся поведением — проституткам, наркоманам, гомосексуалам и пр.

архаичным и консервативным институтом, претендующим на тотальное господство. РПЦ на протяжении всех 20 лет последовательно притесняла именно тех деятелей церкви, которые стремились приблизить верующему содержание веры, смысл и символику обрядов, литургии, помочь человеку понять и осознанно выбрать веру как свой индивидуальный путь, а не просто «механически» присоединиться к церкви¹.

Показатели «религиозной активности» современных российских граждан коррелируют со столь же низкими показателями общественной и гражданской вовлеченности, гражданского участия постсоветского человека в жизнь общества на всех его уровнях: от дома и двора до общества и политики. Церковь, как и «общество» в целом, не готова и не хочет по-настоящему помнить о своей судьбе при сталинском и советском режимах, а значит, понимать, что эта эпоха сделала с человеком. Нельзя воскресить полностью разрушенные религиозные традиции, их моральные основания, не понимая, в какое время и в каком обществе мы живем сегодня.

Но нам кажется неверным оценивать «запрос» общества на веру, на моральные основа-

ния жизни, проявляющийся в такой форме, в принятых самой церковью категориях «воцерковленности» (или «ортодоксальности»). То, что люди отказываются следовать строгому соблюдению требований церкви и, тем не менее, считают себя верующими людьми (в особенности это относится к образованной части), говорит и о том, что «образ веры», предлагаемый нынешней церковью, ее деятельность как социального института не отвечает их ожиданиям и запросам, а возможно, даже отталкивает от нее.

Становится очевидным, что сами прихожане (в том числе потенциальные) не являются предметом пасторской заботы церкви, озабоченной главным образом проблемами власти, выживания церковного ведомства.

Быть православным — означает сегодня для большинства россиян жить в России, покорно, равнодушно или цинично принимая все, что в ней и с ней происходит. До укоренения главной для человека и общества заповеди «Возлюби ближнего, как себя самого», как и до гражданского общества, выросшего в том числе из институционализации этой заповеди в обществах западных демократий как в религиозной, так и в мирской сфере, еще очень и очень далеко.

³⁰ Н. Митрохин дает прекрасное описание приоритетов «среднестатистического» священника: «В голове каждого священника РПЦ имеется примерный список стратегических приоритетов его деятельности. Первое место в нем, безусловно, занимают строительство, реставрация и украшение храма <...>, затем — организация *благолепной* службы с правильными отточенными движениями его самого и других священников и диаконов, грамотным чтением псаломщика и красивым пением хора. Следующее дело — аккуратное исполнение *треб.* Важны и эффективно работающий свечной ящик, и поиск дополнительных источников для финансирования прихода, и выстраивание отношений с наиболее активной частью *воцерковленных*. Вероятно, важная работа с прихожанами, а тем более катехизаторская и миссионерская деятельность с теми, кто в храм пока не ходит или посещает два-три раза в год, в этом списке занимает едва ли пятую позицию». — Митрохин Н. Указ. соч. С. 316–317.

Алексис БЕРЕЛОВИЧ

Упущенный шанс

Пolemические заметки об интеллигенции в перестроечные годы

При чтении мемуаров или статей, посвященных периоду перестройки, нетрудно выделить несколько типичных подходов к рассмотрению событий. Назову три основных типа, которые, разумеется, могут в реальности смешиваться или дробиться на более мелкие варианты. Простейший из сценариев сводится к глаголу «развалили». Некие враги России, действующие чаще всего по наущению каких-то темных сил: ЦРУ, участников жидомасонского заговора и проч., — «развалили» страну, в результате чего наступил «хаос» ельцинских времен, сменившийся в самое последнее время путинским «порядком». Согласно второму сценарию, советский режим, полностью утративший жизнеспособность, рухнул, Россия постепенно, хотя и не без трудностей, изживает последствия советского «вывиха»; далее возможны варианты: либо Россия превращается в новую империю со своей самобытной цивилизацией, либо Россия встает в ряд цивилизованных (читай — западных) стран. Наконец, третий сценарий: у России был демократический шанс (в одном варианте он был воплощен в Михаиле Горбачеве, в другом — в Борисе Ельцине), но она его упустила и снова вернулась в привычную авторитарную колею. Я хотел бы остановиться именно на этом последнем сценарии, популярном в среде либеральной интеллигенции.

Скажу банальную вещь: описывать и анализировать перестройку очень важно, потому что именно в этот период советский режим пошел трещинами и в конце концов рухнул. Следовательно, изучая перестройку, мы исследуем не только те конкретные формы, в которых происходил крах Советского Союза, но также и те причины, которые привели систему к гибели или, говоря иначе, те причины, по которым замысел Михаила Горбачева модернизировать экономику, придать стране динамичность и открытость, построить (не забудем о корне слова «перестройка») демократической социализм или, согласно формуле времен «пражской весны», социализм с человеческим лицом, — замысел этот потерпел неудачу.

Был ли связан крах режима со стечением конкретных обстоятельств или же он был обусловлен незаметными с первого взгляда, но от того ничуть не менее могущественными закономерностями? Сегодня одно из самых распространенных объяснений гласит: крах был неизбежен оттого, что «советская» (социалистическая) социально-экономическая система была нежизнеспособна. Объяснение это, несмотря на кажущуюся строгость, не столько логично, сколько тавтологично: система рухнула, потому что не могла не рухнуть. Поэтому для пущей важности приходится призывать на помощь «закономерности», хотя не вполне ясно, о каких, собственно, законах идет здесь речь. К этой историографической операции прибегают чаще всего интеллигенты, выросшие в лоне советской системы и связанные с ней неразрывными узами; во-первых, эти люди воспитаны в традициях «марксистско-ленинской историографии», где любое событие объяснялось законами истории, а во-вторых, эта операция помогает им оправдать любое — активное или пассивное — сотрудничество с советской властью: раз она была обречена рухнуть, не было никакой необходимости бороться против нее.

Эти размышления о перестройке как агонии советского режима приводят к двум тесно связанным между собой вопросам. Первый касается того, подлежал ли советский режим реформированию (варианты ответа: да, подлежал, потому что центральная власть сама начала глубинные реформы; нет, не подлежал, поскольку начавшиеся реформы как раз и привели к краху Советского Союза). Второй вопрос вытекает из первого, но носит более общий характер: был ли жизнеспособным социализм как таковой или же он с самого начала был обречен как тупиковая ветвь истории (социализм в этом случае трактуется как «ошибка» истории, в результате которой на свет появились нежизнеспособное существо, нечто вроде динозавра). Если крах СССР — следствие случая, тогда вопрос о жизнеспособности социализма остается открытым; если, напротив, считать этот крах неизбежным,

исторически закономерным, то он, естественно, выступает «доказательством» невозможности построения социализма (впрочем, левые радикалы думают иначе; они полагают, что Советский Союз нельзя называть социалистическим государством, и видят в его крахе не что иное, как подтверждение его несоциалистической природы, ничуть не компрометирующее «истинный» социализм). Совершенно очевидно, что сегодня главенствует второй подход, однако стоит напомнить, что в прошлом одну систему — капиталистическую — уже считали обреченной, между тем сегодня капитализм в его либерально-демократическом варианте объявлен завершением человеческой истории¹.

Изучая перестройку, мы обязаны учитывать различные и зачастую противоположные намерения самых разных действующих лиц. Перечислим их, двигаясь от более консервативных слоев к более реформаторским. Строго говоря, безоговорочные сторонники сохранения системы в неизменном виде были весьма немногочисленны; к их числу относились по преимуществу государственные чиновники разного уровня (в том числе и работники партийного аппарата); следующую группу составляли гораздо более многочисленные сторонники умеренных реформ, которые позже, испугавшись горбачевских реформ и, главное, радикальных реформаторов, примкнули к «чистым» консерваторам. Затем следовали «горбачевцы», желавшие подвергнуть социалистическую систему серьезным преобразованиям, но все же считавшие нужным ее сохранить; наконец, в последнюю очередь назовем тех, которые желали покончить с социалистической системой, выйти из нее. Было бы, разумеется, ошибкой утверждать, что все названные группы были жестко структурированы, имели четко сформулированные программы и искали поддержки у населения. Многие действующие лица претерпели стремительную эволюцию и перешли, например, от умеренного реформаторства к антисоветскому радикализму (антисоветскому в самом прямом смысле слова, т. е. к желанию покончить с советской системой) или, напротив, от того же умеренного реформаторства к непробиваемому консерватизму (о чем уже говорилось выше); помимо реальной эволюции следует учитывать и тактические игры: дело в том, что либералы (не либералы в советском смысле,

т. е. не сторонники демократизации существующего режима, а приверженцы экономического либерализма и демократии, отвергающие социалистическую систему) предпочитали — в особенности в начале перестройки, когда было еще не вполне понятно, о чем можно говорить свободно, а о чем нет, а точнее, было понятно, что не следует заходить дальше умеренной критики «недостатков» системы, — демонстрировать верность «демократическому социализму» и не обнажать свои истинные взгляды. Именно в этом переменчивом и разноречивом контексте интеллигенции приходилось позиционировать себя, выражать свои мысли, действовать, заключать союзы, маневрировать.

Изучение перестройки проясняет ответ на неизбежно встающий вопрос: а что осталось от старой системы сегодня? Становится более понятным, что в советской системе черты, которые она почерпнула от породившей ее социалистической идеологии, соседствуют с теми, какие она накопила сама за долгие годы существования, и с теми, какие имелись еще в дореволюционной России, вне всякой связи с социализмом, и благополучно сохранились по сей день.

Возьмем, например, потребность в «сильной руке» и личную преданность правителю, то, что В. Путин назвал «вертикалью власти», а именно систему, при которой управление государством осуществляется исключительно сверху вниз: конечно, система эта окрепла в течение социалистического периода, но тот факт, что она существовала в России до 1917 г. и продолжает существовать после 1991-го, позволяет, полагаю, утверждать, что она является не следствием социалистического режима, а формой правления, так сказать, присущей российской системе власти. В ходе перестройки страна пережила потрясение, позволившее ей выскочить на короткое время из колеи (феномен «path dependence»), однако очень скоро старые формы снова вошли в силу и переплелись — более или менее явно — с теми новыми формами, которые возникли в течение недолгого периода свободы. Парадоксальным образом в то время, как инициатор реформ, по видимости, желал дать стране «больше социализма» (некоторые остатки которого присутствовали в советской системе, по крайней мере на словах²) и меньше

¹ Fukuyama F. *The End of the History and the Last Man*. N. Y.: Free Press, 1992. Следует, впрочем, заметить, что со времени выхода этой книги автор отказался от основных ее положений или, по крайней мере, смягчил их.

² Во всяком случае, социалистический официальный дискурс осуждал депривацию угнетенных, впрочем, существовавшую в советском государстве на практике; с исчезновением же социалистической идеологии открытая и циничная эксплуатация расцвела пышным цветом, не зная никаких преград.

советскости (под которой понималась авторитарная система, базирующаяся на сращении экономики и политики), на деле Россия в конечном счете пришла к результатам полностью противоположным: последние черты социализма исчезли начисто, а «советскость» сохранилась, чтобы не сказать усилилась.

Почему мне представляется важным задуматься над той ролью, которую сыграла интеллигенция в ходе перестройки? Для начала замечу, что сама интеллигенция охотно подчеркивает свое участие в перестройке и считает его решающим¹; в реальности экономические и национальные факторы, а также внутривнутрипартийная борьба значили, по всей вероятности, гораздо больше; тем не менее интеллигенция в самом деле сыграла немаловажную роль, потому что, благодаря гласности, ее деятельность была наиболее заметна, гласность же занимала центральное место в стратегии горбачевских реформ и осталась в памяти очевидцев и участников тех событий как главная составляющая и своего рода эмблема 1980-х гг.

Советская интеллигенция² включалась в процесс либерализации общества постепенно и в разнообразных формах, в зависимости от взглядов тех или иных интеллигентов и степени их интегрированности в общество и/или маргинализации. В Советском Союзе интеллигенты всегда играли более значительную роль, чем на Западе или в царской России, по той простой и не раз упоминавшейся причине, что в отличие от западных обществ (где легитимность власти сообщает всеобщее избирательное право) и от дореволюционной России (где власть считалась данной от бога), советская власть черпала свою легитимность в революции, которая, в свою очередь, основывала свою легитимность на за-

¹ Эта особенность, присущая интеллигенции везде и всегда, принимает, однако, различные формы в зависимости от национальных и индивидуальных характеров. Из известных мне примеров самые выразительные, полагаю, это случай Анны Ахматовой, которая была убеждена, что ее встреча с Исидором Берлином стала причиной холодной войны, и случай Луи Альюссера, который верил, что его группа истинных марксистов может увлечь на революционный путь коммунистов всего мира и тем самым ускорить мировое торжество коммунизма. В ослабленной форме та же убежденность заставляет многих исследователей утверждать, что историю делают книги; впрочем, этот тезис заслуживает изучения и обсуждения. Ср.: «Les livres font-ils la révolution?» in: *Chartier R. Les Origines culturelles de la révolution française*. P., 1990. P. 86–115.

² Я не стану останавливаться на вопросе о том, имеем ли мы вообще право говорить о советской интеллигенции: по мнению некоторых авторов, в частности Ю.А. Левады, слом, имевший место в 1917 г., настолько радикально изменил функцию российской интеллигенции и ее место в обществе, что говорить о наличии в России интеллигенции после 1917 г. невозможно в принципе.

конах исторического материализма. Поэтому в советской России власть гораздо сильнее, чем в других странах, нуждалась в идеологах, историках, философах, писателях, журналистах и проч., которые могли бы своими текстами давать ей необходимую легитимацию. Отсюда особое внимание советской власти к работникам интеллектуального труда и значение политики кнута и пряника, которую она вела по отношению к ним.

После «оттепели»³, когда интеллигенты получили возможность выбирать между различными жизненными стратегиями, они разделились на несколько течений, которые можно классифицировать по двум принципам. Первый — идеологическая направленность; если исходить из этой классификации, в Советском Союзе имелись националисты (в государственном либо неославянофильском варианте), государственники, «марксисты-ленинцы», реформаторы, хранящие верность демократическому социализму, «западники» — приверженцы либеральной демократии, технократы и проч.⁴ В отсутствие общественного пространства, а значит, и общественного мнения, в отсутствие публичных дебатов, кроме тех, которые осуществлялись на страницах самиздата и *тамиздата* (но можно ли назвать такие дебаты публичными?) или в подцензурной печати с помощью *иносказаний* и «эзопова языка», в отсутствие, само собой разумеется, политических партий, взгляды и убеждения были нечеткими, зыбкими, и один и тот же человек мог исповедовать сразу несколько несовместимых идеологических убеждений.

Но гораздо больший интерес представляет, на мой взгляд, классификация по другому принципу — а именно по степени интегрированности в советское общество (а возможно, и по близости к власти). Здесь перед нами выстроится ряд, идущий, образно говоря, от диссидента до аппаратчика из ЦК КПСС. Охарактеризуем вкратце основные типы интеллектуалов, из которых состоит этот ряд. Это, прежде всего, откровенные

³ Отделяя период сталинизма, когда жизнь практически превратилась в выживание (нежелание сотрудничать с властью или недостаточная лояльность по отношению к ней могли стоить жизни, притом, что полная лояльность вовсе не гарантировала сохранения жизни), от послесталинского времени, когда индивид обладал — хотя, разумеется, в крайне узких рамках — некоторой свободой выбора при определении своего жизненного пути, я, разумеется, очень сильно огрубляю реальную картину. Я иду на это сознательно, поскольку нарисованная мною картина кажется мне, при всем ее схематизме, в основном правильной.

⁴ См., например: *Амальрик А. Просушествует ли Советский Союз до 1984 года?* Амстердам: Фонд имени Герцена, 1969.

диссиденты, входившие в различные кружки и группы и не скрывавшие своих оппозиционных взглядов. К началу перестройки многие из них либо сидели в лагерях, либо находились в эмиграции. Затем идут околодиссидентские круги — люди из различных социальных пластов, близкие к диссидентам не только по взглядам, но и «габитусу», *подписанты*, время от времени (хотя и не систематически) ставившие свои подписи под теми или иными письмами протеста против того или иного действия властей, или авторы, публиковавшие — чаще всего под псевдонимом — «диссидентские» статьи на Западе или в самиздате. Еще одна близкая к диссидентам, но не сливающаяся с ними группа, — это «бывшие», люди, некогда входившие во властные структуры, но — по причинам порой случайным, а порой вполне обоснованным — отлученные от власти в более или менее жесткой форме (в первую очередь «шестидесятники», исповедующие «социал-демократические» убеждения). Затем следуют добровольные маргиналы: истопники из поколения «семидесятников», представители культурного андеграунда, верующие и проч. Следующая категория — «нормальные люди», интегрированные в общество, работающие, публикующиеся; здесь тоже возможны варианты: одни постоянно пытались обойти цензуру, сказать максимум возможного в данных обстоятельствах, но при этом не подвергать свое благополучие особому риску; другие предпочитали оставаться в *мейнстриме*, но при этом стремились быть хорошими профессионалами и не совершать подлостей; ни те ни другие не делали карьеру, не претендовали на руководящие должности, которых им, впрочем, и не предлагали. Затем следовали карьеристы, которые тоже подразделялись на несколько типов: здесь были компетентные карьеристы, которые желали самореализоваться¹ и были готовы ради этого пойти на некоторые идеологические и моральные жертвы, но все-таки стремились сохранить некий минимум достоинства и респектабельности; карьеристы-циники, готовые ради карьеры абсолютно на все; карьеристы, верившие в то дело, которому они служат (не столько в коммунизм, сколько в «великую советскую державу»). Еще ближе к власти стояли директора институтов (но и среди них различались самые разные типы: от директора, пригревающего в своем

¹ Этот человеческий тип превосходно описан Лидией Гинзбург, см.: *Гинзбург Л.* Еще раз о старом и новом (Поколение на повороте) // Тыняновский сборник: Вторые тыняновские чтения, Рига, 1986. Без ссылок на эту статью не может обойтись ни один автор, размышляющий над отношениями интеллигентов и власти.

заведении полудиссидентов, до директора, который, напротив, по собственной инициативе их травит), редакторы журналов (здесь имелись те же различия) и, наконец, интеллигенты, работавшие в партийном аппарате — советники, консультанты и проч., — также различавшиеся как оттенками убеждений, так и жизненными судьбами. Что же касается самих руководителей партии, то вопрос о том, можно ли причислять их к числу интеллигентов, остается открытым, хотя сами они склонны отвечать на этот вопрос положительно.

Видные представители интеллигенции, как маргиналы, так и карьеристы, зачастую были выпускниками одних и тех же престижных высших учебных заведений; филологи, историки, философы² и журналисты заканчивали соответствующие факультеты Московского и Ленинградского университетов; международники кончали МГИМО, экономисты — «Плехановку», и проч. Научно-техническое образование мы в этой статье рассматривать не будем. Самых политизированных сближала служба в таких местах, как, например, редакция журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге; ее описание содержится во многих мемуарных сочинениях³. Общее прошлое объединяло интеллигентов с самыми противоположными судьбами. Так, упомянутый выше Н. Биккенин, который во время перестройки превратил журнал «Коммунист-Свободная мысль» в одно из самых интересных изданий Советского Союза, а до этого «...много лет (1966–1987) работал в <...> аппарате ЦК КПСС, в частности заведовал сектором журналов»⁴, поддерживал дружеские связи с Игорем Дедковым, журналистом и литературным критиком, который жил в Костроме на положении полуссыльного, поскольку после XX съезда КПСС был одним из лидеров студенческого движения на факультете журналистики Московского университета. Поэтому, как только Биккенин стал редактором (а затем главным редактором) «Коммуниста» и одним из ближайших советников Михаила Горбачева, он пригласил Дедкова из Костромы в Москву,

² О философском факультете см., например, книгу воспоминаний: *Биккенин Н.* Как это было на самом деле, М., 2003. С. 75–77. Биккенин впоследствии укреплял и расширял свою «социальную сеть» с коллегами-философами благодаря службе в редакции журнала «Вопросы философии».

³ См., например: *Карякин Ю.* Перемена убеждений. М.: Познавательная книга, 2007. С. 43–44. Гл. «Прага». Автор перечисляет имена: А.М. Румянцев, Н. Иноземцев, А. Черняев, В. Загладин, М. Мамардашвили, Г. Арбатов и др.

⁴ *Биккенин Н.* Указ. соч. С. 4

и тот сделался одним из самых читаемых авторов «Коммуниста/Свободной мысли».

Наконец, важно отметить, что поколение «шестидесятников»¹, разочаровавшихся в демократическом социализме (одних это разочарование постигло в 1964 г., когда сняли Хрущева, других — в 1968 г., когда ввод советских войск в Чехословакию положил конец «пражской весне»), эволюционировало в разных направлениях: кто-то чаще всего просто из конформизма стал заурядным представителем идеологии брежневской эпохи, кто-то, напротив, примкнул к диссидентам, кто-то стал либералом-«западником», кто-то — националистом-«славянофилом», наконец, кто-то — и это чрезвычайно важно — остался на позициях демократического социализма. Именно эти последние, естественно, первыми откликнулись на призыв Горбачева и его команды.

Накануне перестройки так называемая «либеральная» интеллигенция ощущала себя совершенно чуждой как «власти», так и «народу» (к этому треугольнику власть/народ/интеллигенция, вне которого интеллигенция себя не мыслила, мы еще вернемся²). Московская тележурналистка, связанная с московской околодиссидентской интеллектуальной элитой, писала в своем дневнике, который позже опубликовала на правах исторического свидетельства, хотя и признавалась, что по прошествии двух десятков лет «корчилась от стыда при чтении дурацких, грубых и безапелляционных суждений»³:

« 15 июня 1983.

Только что прослушала главный идеологический доклад, сделанный вчера Черненко. Поток бессмысленных слов, вызывающих ярость. Грустно и противно это слышать, но мы будем жить без их вонючих указаний. Мы сами по себе, они сами по себе. Страна моя, ты с кем? Неужто с ними?»⁴

Новые — отчасти — правители быстро осознали (а некоторые из них осознали и много раньше), какая пропасть отделяет общество от руководителей страны, и, поскольку первые предпринятые ими меры («ускорение») оказались неэффективны, то, стремясь развеять

скепсис общества, разочарованного десятилетиями неисполненных обещаний, и убедить его в своей воле к переменам, они прибегли для новой мобилизации общества к помощи интеллектуалов-«реформаторов»⁵. Эта политика получила название «политики гласности». Для того чтобы создать некое подобие общественного мнения, власти обратились именно к политическим журналистам из поколения «шестидесятников», не запятнавшим — или не слишком запятнавшим — свою репутацию. Наиболее типичная фигура из этой когорты — Егор Яковлев, назначенный главным редактором газеты «Московские новости». Обращение власти к «шестидесятиникам» можно объяснить несколькими — впрочем, не взаимоисключающими — причинами. Во-первых, эти люди принадлежали к тому же поколению, что окружение Горбачева и он сам; в целом (хотя, как мы уже видели, здесь возможны были исключения) они стояли на позициях, близких к горбачевским, иначе говоря, были приверженцами демократического социализма; их было гораздо легче привлечь к активной работе, чем добровольных маргиналов из следующего поколения; с другой стороны, они были гораздо менее запятнаны деятельным служением брежневскому режиму, чем карьеристы из этого же следующего поколения; наконец, они успели сделать себе имя во время оттепели и тем самым приобрели определенную репутацию в интеллектуальной среде, что для представителей следующих поколений было уже невозможно или, по крайней мере, очень сложно. Это следующее поколение, так называемое поколение «семидесятников», тоже неоднородно и делится на несколько течений или социальных позиций. Назовем прежде всего уже упомянутых «истопников», относящихся к власти как таковой с гораздо большим скептицизмом, чем любые «шестидесятники» («истопники» поверили в то, что правители страны в самом деле хотят что-то изменить, лишь очень нескоро и с большим трудом — да и то не все). Некоторые из них в эпоху «застоя» зашли по пути маргинализации так далеко, что даже свободы, открывшиеся во время перестройки, не помогли им «социализироваться», и они остались «потерянным поколением».

¹ Список книг, посвященных шестидесятичеству, слишком велик, чтобы приводить его здесь. См. хотя бы: Буртин Ю. Исповедь шестидесятника. М.: Инфра-М; Прогресс-Традиция, 2003.

² См. статью Юрия Левады «Интеллигенция» в кн.: 50/50. Опыт словаря нового мышления / Под общ. ред. Ю. Афанасьева. М.: Ферро, М.: Прогресс, 1989. С. 128–131.

³ Юрьева Т. Дневник культурной девушки. М.: РГГУ, 2003. С. 5.

⁴ Юрьева Т. Указ. соч. С. 25

⁵ О том, какое большое значение, удивительное для западного восприятия, но вполне естественное для восприятия советского, придавали члены Политбюро, высшего органа власти, «творческой интеллигенции», свидетельствуют записи, сделанные во время заседаний А. Черняевым, В. Медведевым и Г. Шахназаровым. См.: В Политбюро КПСС. М., 2006. В Политбюро обсуждали съезд кинематографистов и дела писателей, роман А. Рыбакова « Дети Арбата » и проч.

Несколько иной оказалась судьба тех «семидесятников», которые в брежневскую эпоху были совершенно аполитичны: именно они, внезапно и стремительно политизировавшись, станут участниками клубов, комитетов, групп, которые возникнут на втором этапе перестройки и получат название «неформальных»¹.

Чтобы убедить эту часть интеллигенции в реальности своих намерений, руководство КПСС подает несколько недвусмысленных сигналов, например, предоставляет съезду кинематографистов 1986 г. право избрать председателем Союза кинематографистов Элема Климова, и, главное, возвращает в декабре 1986 г. в Москву из Горького (ныне Нижний Новгород) Андрея Сахарова. Руководители страны действовали вполне расчетливо (что не отменяет того факта, что подобная политика явно отвечала личным убеждениям таких людей, как М. Горбачев или А. Яковлев²), и расчеты их оправдались. Интеллигенция постепенно проникалась верой в реальность перемен и начинала поддерживать власти. Татьяна Юрьева записывает в дневник 9 ноября 1986 г.: «Сейчас им (Горбачевым) увлечена интеллигенция. Только и слышишь от знакомых: Я — ГОРБАЧЕВКА! А некоторые бранятся: У-У, ГОРБАЧЕВКИ!»³. А Игорь Дедков заносит в свой дневник еще в мае 1986 г.: «Речь (Горбачева) хороша многими сторонами. Во всяком случае, с времен Хрущева (параллель весьма красноречивая. — А. Б.) с народом, т. е. со всеми нами, так не разговаривали». Впрочем, несколькими строками ниже Дедков отзывается о надеждах своего окружения, на его взгляд, весьма преувеличенных, с явным скептицизмом: «Вот уж поистине в духе наших вечных умильных надежд!»⁴

Таким образом, интеллигенты постоянно переходят от надежды к отчаянию. Они живут надеждой потому, что в этот период от них са-

мих не зависит ровно ничего, а от доброй воли руководства страны — все. Характерна фраза из дневника Дедкова: «Как я устал надеяться». Эти колебания между надеждой и отчаянием описаны Л. Баткиным в статье, вошедшей в сборник «Иного не дано»⁵. Поколению «шестидесятников» эти надежды служили напоминанием о надеждах времен «оттепели». Не случайно принадлежащий к этому поколению Булат Окуджава цитирует в интервью, данном «Московским новостям» в мае 1986 г., строку из своей песни «Я вновь повстречался с надеждой»⁶. Все ясно осознавали параллель 1956/1986, «оттепель»/перестройка, и всеми владела навязчивая идея о том, что ни в коем случае нельзя снова упустить открывшийся шанс.

Свобода слова, обретенная в течение 1987 г., имела двойственные последствия: во-первых, поскольку руководство партии не желало обнародовать свои внутренние разногласия, противоборствующие фракции вели полемику через посредство «своих» органов периодической печати. Для простоты можно, конечно, говорить, что «Московские новости» сражались против «Советской России», но в реальности борьба шла между поддерживавшими эти газеты членами Политбюро. Во-вторых, в 1987—1989 гг. произошло не столько завоевание, сколько постепенное расширение пространства дозволенной свободы: сначала стало возможным критиковать период бржневского застоя, затем — сталинизм, затем — всю советскую систему в целом. Апогеем этого процесса стала публикация в августе—ноябре 1989 г. в журнале «Новый мир» солженицынского «Архипелага ГУЛАГ»⁷. Эта логика, согласно которой следует все время идти дальше и дальше⁸, имела наряду с очевидными положительными менее явные негативные последствия для интеллектуальной

¹ См. об этом замечательную диссертацию Каролы Сигман «Изменения политического пространства в России эпохи перестройки (1986—1991). Лидеры «неформальных» московских политических клубов и их руководители», защищенную в Университете Париж-1 в 2007 г.; см. также статью, содержащую основные положения диссертации: *Sigman C. Les clubs politiques informels, acteurs du basculement de la perestroïka // Revue française de science politique. 2008. № 4. Vol. 58. P. 617–645.*

² См., например, отповедь Горбачева Лигачеву и Громько, осуждавшим идеологические заблуждения писателей, на заседании Политбюро 27 октября 1986 г.: « Нам надо делать так, чтобы большинству вопросов литературного творчества, оценку произведений давали сами художники, их творческие союзы, а не Комитет государственной безопасности или Центральный Комитет». См.: В Политбюро... С. 99.

³ Юрьева Т. Указ. соч. С. 125

⁴ Дедков И. Указ. соч. С. 456

⁵ См.: *Баткин Л. Возобновление истории // Иного не дано / Под ред. Ю. Афанасьева. М.: Прогресс, 1988.* Этот сборник, куда вошли статьи едва ли не всех интеллигентов, которые тем или иным образом проявили себя с начала перестройки, стал важным шагом в борьбе за расширение возможностей подцензурной литературы и вообще в интеллектуальном развитии страны. Он, можно сказать, подвел итог двух лет гласности.

⁶ *Окуджава Б. Я вновь повстречался с надеждой / Московские новости. 1987. 31 мая.*

⁷ Об этой стороне перестройки 1986–1988 гг. см., например: *Berelowitch A. La perestroïka culturelle: une parole libérée // L'URSS et l'Europe de l'Est 1988: Annuaire. P.: La Documentation française. 1988. P. 11–37.*

⁸ «Дальше, дальше, дальше» — так называлась написанная в те годы пьеса М. Шатрова. Правда, сам автор, надо признать, заходил не слишком далеко и останавливался на расхожем противопоставлении плохого Сталина и хорошего Ленина.

(а равно и политической) жизни страны: критики советского режима стремились быть все более и более радикальными, и потому наполняли свои описания прошлого все более устрашающими деталями, причем чем страшнее были рассказы, тем больше веры они внушали. С другой стороны, те, кто описывали русское дореволюционное прошлое или (в другом варианте) прелести жизни на Западе, стремились сделать свои рассказы как можно более идеальными; ведь чем более безоблачными были эти описания, тем сильнее они расходились с советскими догмами, а именно это и в критике советского и в восхвалении дореволюционного мира стало главным, если не единственным, критерием достоверности. В это соревнование всякий день включались новые участники, и одной статьи было достаточно для того, чтобы автор «проснулся знаменитым». Интеллигенция заявляла о себе не в научных публикациях, а в публицистике — именно благодаря ей авторы обретали мгновенную славу. А. Ципко, А. Мигранян, И. Клямкин, Л. Баткин, Ю. Карякин, Ю. Буртин, А. Нуйкин и многие другие стремительно прославились именно таким образом, нередко благодаря одной-единственной нашумевшей статье. Слава некоторых из них оказалась недолговечной, другие до сих пор остаются известными политическими комментаторами или консультантами. Порой авторы выступали со статьями по своей специальности, экономике или социологии¹, но чаще всего они писали о том, что к их научной специализации отношения не имело. Таким образом, наблюдалось то, что можно назвать массовой депрофессионализацией или, если угодно, всеобщей переквалификацией.

Итак, на этом первом этапе интеллигенция, согласно пожеланиям власти откликнулась на ее призыв к сотрудничеству. Затем наступил второй этап; в этот момент раздался голоса людей того же поколения, но более скептических и имевших в прошлом опыт диссидентства. В марте 1988 г. группа диссидентов-эмигрантов опубликовала в еженедельнике «Русская мысль» открытое письмо, в котором подвергла сомнению реальность политики гласности и искренность советских руководителей; авторы письма призывали Горбачева предоставить доказательства своей воли к переменам. Егор Яковлев опубликовал в «Московских новостях» письмо эмигрантов и свой ответ им, в котором

¹ Назову, например, статьи Т. Заславской или Ю. Левады на социологические темы или В. Селюнина, Л. Пияшевой и Н. Шмелева на темы экономики.

высмеял требования авторов, а их самих упрекнул в отрыве от реальности². Интеллигенты, до этого сторонившиеся политики, начали действовать — причем гораздо более активно, чем публицисты предшествующего периода, — в 1988 г. Они сыграли очень важную, если не решающую, роль во время выборов делегатов на Съезд народных депутатов в марте 1989 г.³ Разница между «статусными интеллигентами» и интеллигентами следующей волны становится ясна при сравнении «неформальных» групп, во главе которых стояли эти последние, с деятельностью созданной в сентябре 1988 г. «Московской трибуны», куда входили в основном первые. Деятельность «Московской трибуны» проходила в полном соответствии с описанной выше схемой «треугольника»: «статусные» интеллигенты благодаря своим познаниям и социальной роли дают рекомендации власти (играют роль советника при государе) и указывают правильный путь населению, или «народу» (играют роль просветителей)⁴.

Однако интеллигенты не были готовы к той роли, которую желали играть и которую от них ждало общество (и власть⁵), и потому затруднялись не только с практическими рекомендациями, но даже с постановкой общих вопросов для обсуждения. Споры, дискуссии шли в основном об истории, об оценке прошлого. На то, разумеется, имелись весомые причины: разговор о сталинизме, который, едва начавшись

² См.: Яковлев Е. Пусть Горбачев предоставит нам доказательства // Московские новости. 1988. 29 марта.

³ Я вернусь к проблеме выборов в конце статьи.

⁴ «Непосредственная цель таких обсуждений (...) в выработке общих оценок, прогнозов и особенно положительных экономических, политических, культурных рекомендаций». Пункт 3 «О создании политико-культурного общественного клуба «Московская трибуна» и далее (пункт 5) «Понимая наш клуб в качестве своеобразного общественного научно-консультативного совещания...» (архив автора). Более емкий и глубокий анализ этого «треугольника» сделан, как я уже указывал, Юрием Левадой в статье «Интеллигенция». См.: Левада Ю. Указ. соч.

⁵ На заседании Политбюро 24 июля 1986 г. Михаил Горбачев жаловался: «И мы говорим: ученые, дайте ваши предложения! А они не могут нам дать своих разработок» (См.: В Политбюро... С. 73). Разумеется, я не собираюсь упрекать интеллигентов в неподготовленности к новой деятельности. Это, что называется, не их вина, а их беда! Интеллектуальная жизнь в советскую эпоху с ее описанными выше чертами (отсутствие публичных дебатов, наличие запретных тем и проч.) не давала возможности для выработки сколько-нибудь связанных коллективных сценариев выхода из коммунизма. Другое дело, что эта реальная пустота противоречила популярному в интеллигентской среде 1970-х гг. мифу, согласно которому в письменных столах полно текстов и программ такого рода, и стоит убрать цензурные препоны, как все это явится на свет. Подобное отсутствие программ и планов представляет собой первостепенно важное отличие Советского Союза от «стран народной демократии», прежде всего от Польши и Венгрии.

во время «оттепели», был тут же прерван, было необходимо продолжать¹. Создание в январе 1989 г. общества «Мемориал» стало самым явным и самым мощным выражением этой воли к откровенному разговору о прошлом. Тем не менее эта ориентация на прошлое также имела не только политические предпосылки, но и серьезные политические последствия. В среде либеральной интеллигенции господствовало убеждение, что советская система — нечто вроде чудовищного нароста, и достаточно от него избавиться, чтобы вернуться на столбовую дорожку человеческой (на самом деле западной) истории и вновь стать «нормальной» страной². Из этого делались два вывода. Первый: незачем в деталях продумывать дальнейшие действия, потому что, стоит покончить с «коммунизмом», как все устроится самой собой. Чтобы понять, почему эта концепция была так влиятельна, следует помнить, что конец 1980-х гг. — это эпоха господства ультралиберализма в духе Маргарет Тэтчер, которая вышла на первое место при опросе общественного мнения о женщине года проведенного ВЦИОМом в 1989 г. (за нее подали голос 26.3%, а занявшая следующее место Алла Пугачева набрала всего 5.3%³) и Рональда Рейгана, эпоха веры в «невидимую руку рынка», минимальное присутствие государства и проч. Второй вывод: главная или даже единственная цель — свержение существующего строя. Эта цель была общей для самых разных течений и групп: сторонников демократического социализма, поклонников социал-демократии «шведского образца», приверженцев либерализма и даже немногочисленных монархистов. Все они ощущали необходимость радикализировать борьбу со старым строем и отстранить от власти Михаила Горбачева с его установкой на компромиссы.

Самым же серьезным последствием описанного выше образа мыслей стала поддержка популиста Бориса Ельцина, в котором интеллигенция видела таран для свержения ненавистного строя. Пренебрегая всеми чертами личности Бориса Ельцина, которые в случае его прихода к власти не могли не оказаться губительными (от отсутствия политической культуры до авторитарных замашек), интеллигенты сделали из него своего демократического героя

¹ Подробнее о типах отношениях к прошлому в ходе перестройки см.: *M. Ferretti. La Memoria mutilata, Milano: Corbaccio, 1993.*

² Об употреблении слова «нормальный» в эпоху перестройки см.: *Berelowitch A. L'Occidente o l'utopia di un mondo normale // Europe. Fondation Gramsci, Rome, 1993. P. 31–43.*

³ См.: *Есть мнение! / Под ред. Ю.А. Левады. М.: Прогресс, 1990. С. 286.*

и совершенно отвернулись от Горбачева⁴. В соответствии с вышеописанной схемой (треугольник «власть/народ /интеллигенция») интеллигенты видели в Ельцине (власть) «обучаемого», поскольку он выслушивает рекомендации советников (интеллигенция) и сможет принудить к необходимым реформам общество (народ). Дальнейшие события показали, как Борис Ельцин прислушивается к мнениям членов Президентского совета⁵, который он сам же создал и членами которого сделал видных представителей интеллигенции. Совет этот играл сугубо декоративную роль и имел целью поддержание в глазах международной общественности необходимого демократического «имиджа». Как и следовало ожидать, не интеллигенция «обучила» Бориса Ельцина, а он использовал ее в своих целях, притом очень искусно.

Разумеется, поддержка интеллигенции и в первую очередь членов так называемой Межрегиональной группы депутатов была не единственной причиной победы и популярности Ельцина. Тем не менее поддержка эта дала Ельцину еще до того, как он был избран на свой пост всенародным голосованием, демократическую легитимность и создала ложное представление о нем и в России, и на Западе; именно благодаря этой поддержке и под прикрытием вечной ссылки на «трудности переходного периода» в России без малейшего сопротивления установилась авторитарная система власти, слабая — при Ельцине, — а потом уже более энергичная. Не следует забывать, что конституция, которая позволила совершенно законно — что всячески и неоднократно подчеркивалось — установить авторитарную власть, была принята в 1993 г. при полной поддержке либеральной интеллигенции, которая хотела видеть в этой конституции только одно — действенное оружие против коммунистов.

Интеллигенция — в частности своей поддержкой Ельцина — сыграла большую роль в ходе первых полусвободных выборов в марте 1989 г. Во-первых, именно представители интеллигенции нередко предлагали себя в качестве альтернативных кандидатов и сопернича-

⁴ В самом конце перестройки, в январе 1991 г., Т. Юрьева записывает: «История его (Горбачева) сметет с дороги. Свою миссию — не мешать происходящим событиям — он уже выполнил.» А несколько дней спустя, после событий в Литве и Латвии: «Надежда только на Россию, на ее демократические силы, на Ельцина». См.: *Юрьева Т. Указ. соч. С. 207, 209.*

⁵ Президентский консультативный совет (1992–1993, распоряжение 157-рп) и Президентский совет (1993–2001, указ 273). Там же см. список членов совета.

ли с кандидатами официальными; во-вторых, интеллигенты активнейшим образом участвовали в дебатах на самом Съезде народных депутатов. Впрочем, об этом много написано, и я не буду специально останавливаться на этом вопросе. Мне важно подчеркнуть одну особенность этих выборов. Между интеллигенцией и остальным населением пролегла линия разлома; интеллигенты испытывали глубокое недоверие к остальным слоям общества. Многие представители интеллигенции были уверены, что находятся в меньшинстве и были абсолютно уверены, что демократические кандидаты потерпят поражение. На деле же в больших городах, прежде всего в Ленинграде и Москве, избиратели отвергли номенклатурных кандидатов в пользу альтернативных кандидатов. В этом отношении Советская Россия также коренным образом отличалась от стран европейского «социалистического лагеря». Ни на этих выборах, ни до, ни после них не наблюдалось ничего, хоть сколько-нибудь напоминавшего тот союз интеллигентов и рабочих, который сложился, например, в Польше. На этих выборах (как и, в еще более карикатурной форме, на выборах 1996 г.) Ельцин с большой умением и выгодой для себя использовал распространяемое интеллигенцией представление, согласно которому у избирателей был один основной выбор: между коммунистическим режимом и оппозицией (демократической, но не только), и этот выбор был несравненно важнее другого — выбора между демократическим путем и путем авторитарным¹.

Не желая серьезно рассматривать возможное развитие событий в будущем, продолжая в течение всех 1990-х гг. считать главной опасностью возвращение коммунистов и коммунистическую угрозу, а значит, уделяя все внимания противопоставлению между прошлым и будущим, интеллигенты в большинстве своем проглядели реальную развилку, существенную и для настоящего, и для будущего, — между путем демократическим и авторитарным². Именно по этой причине интеллигенция поддержала государственный переворот, совершенный Борисом Ельциным в октябре 1993 г., и, несмотря на раз-

вязанную в декабре 1994 г. войну в Чечне, продолжала поддерживать его и на президентских выборах 1996 года, исходя из совершенно неправдоподобного тезиса о том, что Борис Ельцин является единственной преградой на пути к власти коммунистов, а значит (!), и советской власти³.

В течение короткого периода, между 1987 и 1989 гг., интеллигенты были убеждены, что наконец они получили должное признание своей роли в обществе. Руководство страны в полном соответствии с желаниями интеллигентов прислушивалось к их советам: их высказывания (в газетах и журналах, на радио и телевидении) имели огромный вес в обществе. Но то, что интеллигенция полагала триумфом, оказалось в реальности лебединой песней. Неспособные дать обществу то, чего оно от них ожидало, одни интеллигенты, отчасти по доброй воле, отчасти против воли, превратились в опору власти, решили вернуться в частную жизнь и по-прежнему «возделывать свой огород».

Интеллигенты вперемешку с политиками-демагогами уверяли, что, как только будет покончено с социалистическим режимом, в стране наступит процветание и уровень жизни станет сравним с западным; поскольку этого не произошло, население начало разочаровываться в либеральных тезисах еще в 1989 г., а в 1992 г., после «шоковой терапии», разочарование это, разумеется, сделалось еще более сильным⁴. Со своей стороны интеллигенты, в особенности те из них, которые вошли во властные структуры, склонны были объяснять неуспех либерализации неподготовленностью народа к демократическому режиму⁵. В результате взяла верх теория перехода к демократии через авторитаризм. Когда в 1989 г. А. Мигранян в диалоге

³ Между тем еще в 1991 г., после позорной сцены, когда Борис Ельцин в прямом эфире унизил Михаила Горбачева, вернувшегося из Фороса, Дмитрий Фурман предсказал России авторитарное будущее, за что журнал А. Синявского и М. Розановой «Синтаксис» присудил ему премию Кассандры. А Михаил Гелфтер вышел из состава Президентского совета после переворота 1993 г.

⁴ В связи с этим отношение «народа» к интеллигенции быстро меняется. Если в первые годы перестройки ее «прорабы» стали властителями дум, то очень быстро, по мере того как население перед лицом экономического кризиса разочаровывается и перестает верить в обещанное быстрое улучшение жизни — а потом переживает его небывалое ухудшение — оно радикально меняет свое отношение к интеллигенции, предлагающей ему «демократию и рынок». Начинается их дискредитация, слово демократ пишется в кавычках, если вообще не превращается в «дермократа». Отчуждение и подозрительность становятся взаимными.

⁵ См., например, — как ни грустно — статью Ф. Искандера, где он объясняет, что такому народу пока не нужны выборы и парламент (Столица. 1994. № 5).

¹ То же самое имело место, как мы только что видели, при принятии конституции.

² Это обстоятельство было главным предметом дискуссий между французскими социологами и их русскими коллегами в ходе встреч с членами «Демократической России» и совместного анализа появления новых социальных акторов в России (1992–1993). Об этом см. первую главу кн.: *Berelowitch A., Wiewiorka M. Les Russes d'en bas. P.: Seuil, 1996. P. 58–96* («Основы политической деятельности»).

с И. Клямкиным заговорил о том, что России необходима «сильная рука»¹, это многих шокировало, но довольно скоро эта мысль сделалась расхожей и привычной. Из реального проекта демократия превратилась в далекую мечту. Пара демократия-рынок, или, если угодно, демократия-модернизация, распадается, и на повестке дня остается одна модернизация через сильную руку. Возникают один за другим новые образцы для подражания: Столыпин, Чили Пиночета, Япония периода Мейдзи, Китай Дэн Сяопина. Поддержку же, которую население оказывает коммунистам, — весьма слабую, если учесть, насколько сильна была «шоковая терапия», — стали объяснять советской ментальностью. В этом случае речь идет уже не о «народе», а о «быдле», — этой аттестации народ удостоивается в тех случаях, когда не желает следовать по пути, предначертанному ему интеллигенцией. Вполне законное желание получать регулярно зарплату, пользоваться бесплатной медициной, т. е. желание сохранить хотя бы жалкие преимущества советской системы (к слову, не идущие ни в какое сравнение с теми, которые предоставляют своему населению государства западной Европы) трактуются как признаки «совковости» со стороны «люмпенов». Треугольник «власть/народ/интеллигенция» претерпевает перемены. Интеллигенция больше не может играть роль посредника, информирующего

власти о чаяниях народа или защищающего народ от власти (роль, которую она и в прошлом играла не столько на деле, сколько на словах); теперь она внутри треугольника переходит полностью на сторону власти, разрушая таким образом треугольник. Народ снова воспринимается опасная стихия, которую может сдерживать только сильная власть. Мобилизуется Пушкин, с набившей оскомину фразой из «Капитанской дочки» о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном»² и конечно о правительстве как «единственном европейце». По-этому не удивительно, что часть интеллигенции приветствует жесткое подавление коммунистической демонстрации 1 мая 1992 г., призывает к насилию и видит в расстреле Белого дома начало демократической России³.

Это глубочайшее презрение к «совку» (еще одно название, каким интеллигенты награждают население в тех случаях, когда оно не желает занимать то место и играть ту роль, какие они ему отводят), выразилось самым ярким образом в знаменитой фразе, брошенной Юрием Карякиным в прямом телевизионном эфире после декабрьских выборов 1993 г., на которых победила партия Жириновского (классический случай протестного голосования), а коммунисты заняли третье место (другая форма протеста против «шоковой терапии»): «Россия, ты одурела!»

Перевод В. Мильчиной

¹ Мигранян А., Клямкин И. Нужна «железная рука»? // Литературная газета. 1989. 16 августа.

² Западных наблюдателей как раз наоборот удивляла пассивность (или терпеливость) российского населения. Вспомним, что с начала реформ единственным массовым протестом было выступление пенсионеров против монетизации льгот.

³ «Нет ни желания, ни необходимости подробно комментировать то, что случилось в Москве 3 октября. <...> Нам очень хотелось быть добрыми, великодушными, терпимыми. Добрыми... К кому? К убийцам? Терпимыми... К чему? К фашизму? <...> Что тут говорить? Хватит говорить... Пора научиться действовать. Эти тупые негодяи уважают только силу. Так не пора ли ее продемонстрировать нашей юной, но уже, как мы вновь убедились, достаточно окрепшей демократии?» — Писатели требуют от правительства решительных действий // Известия. 1994. 5 окт.

Сергей НИКОЛЮК

Белорусское зеркало

В конце 60-х гг. прошлого века среди советских интеллигентов пользовалась популярностью книга «Физики шутят». В книге можно было прочесть историю про математика, которого попросили рассчитать устойчивость стола с четырьмя ножками. Он без особых затруднений выдал результат для стола без ножек и для стола с бесконечным количеством ножек, а потом потратил годы на расчет устойчивости стола с четырьмя ножками.

Полагаю, что со схожими проблемами сталкиваются и социологи. Одно дело — вычленять отдельные процессы и в ходе анализа рассматривать их как бы в чистом виде, и совсем другое — описывать конкретные социальные объекты. Однако в силу того, что повторять судьбу математика никому не хочется, социологи вынуждены упрощать, и это упрощение, в частности, выливается в создание теоретических моделей. В данной статье автор пытается пойти дальше по пути упрощения и для описания происходящих в России процессов предложить не новую теоретическую модель, а рассматривать в качестве таковой Республику Беларусь.

Попытаюсь привести аргументы в пользу плодотворности подобного моделирования. Их удобно разбить на две группы. К первой следует отнести порожденную географией историческую и культурную близость россиян и белорусов. Эта близость признается как на официальном уровне (недаром первые лица России и Беларуси с завидным постоянством рассуждают об «одном народе»), так и фиксируется в ходе социологических опросов. Две трети белорусов с рассуждениями первых лиц согласны, доля же россиян, отмечающих свое очень хорошее/в основном хорошее отношение к белорусам, только один раз за «нулевые» годы опустилась ниже 80%¹.

Вторая группа аргументов связана с несопоставимостью масштабов двух стран-участниц Союзного государства. Компактность Беларуси

существенно снижает инерционность политических и социальных процессов, по сравнению с Россией, что и позволяет рассматривать ее в качестве модели. Путь от безвластия перестройки к консолидации элиты вокруг фигуры авторитарного лидера Беларусь преодолела всего за два года после прошедших в 1994 г. первых президентских выборов. За это время в стране прошли два судьбоносных референдума, в ходе которых президентская «вертикаль» из неформального пасынка трансформировалась в базовую опору Конституции.

Двух лет хватило бывшей республике-партизанке и для полного «вытаптывания» политического поля. Как сам избирательный процесс, так и его конечный продукт в виде представительных органов власти всех уровней утратили в Беларуси свой первоначальный смысл и были низведены до роли декоративных элементов в системе имитационной или, используя терминологию Гильермо О'Доннелла, делегативной демократии.

Победитель на первых президентских выборах в Беларуси получил все. Вот каким образом сам победитель определил смысл, который он вкладывает в понятие «демократия»: «Народ осуществляет реальную демократию, избирая главу государства и законодательную власть. После этого глава государства и депутаты должны действовать в рамках Конституции. Вот и вся демократия». При этом, как показала практика, определение конституционных рамок является исключительно прерогативой главы государства.

Вплоть до второго президентского срока Путина для оппозиционно настроенной к Лукашенко части белорусских граждан, а таковых в республике около 30%, Россия, прежде всего, воспринималась в качестве России гайдаровских реформ. Многие из них надеялись, что помощь «в борьбе с режимом» придет с Востока, так как именно там находились реальные рычаги воздействия на белорусского Батьку. Однако то, что для белорусских наблюдателей со стороны выглядело как слабая демократия, на деле

¹ Все социологические данные по Беларуси взяты на сайте НИСЭПИ www.iiseps.org.

оказалось слабым авторитаризмом, а потому не происходящее в России следовало рассматривать в качестве модели для будущих преобразований в Беларуси, а наоборот.

Кастрация СМИ, выборы без выбора и даже аналогии дела «ЮКОСа» — все это при желании можно найти в новейшей истории Беларуси, и все это предшествовало аналогичным российским событиям. Конкретный пример. После выборов мэра Сочи, где активно использовался механизм досрочного голосования, появилась информация, что российский ЦИК рассматривает возможность распространить сочинский опыт на все выборы. В Беларуси массовое досрочное голосование — неотъемлемый элемент избирательного процесса. На последних парламентских выборах в сентябре 2008 г. досрочно проголосовало 20% избирателей (от числа опрошенных). На этом фоне 24% от числа пришедших в Сочи, при явке в 46%, наглядно демонстрируют скрытый потенциал данного механизма манипуляций.

Различия в масштабе порождают и различия в уровнях внутренней дифференциации двух частей Союзного государства, что создает дополнительную возможность рассматривать Беларусь в качестве модели (данное преимущество может легко перейти в недостаток). Один лишь пример: в Беларуси, в отличие от России, отсутствует проблема сепаратизма. Местные элиты, разумеется, существуют, но их конфликты с Минском никогда не достигают амплитуды, достойной внимания прессы. При общем сходстве политических режимов авторитарному Лукашенко удалось преобразовать «компактную» Беларусь фактически в УП (унитарное предприятие), в то время как его не менее авторитарный коллега Путин не смог продвигаться в своем «реформаторстве» дальше ЗАО. Отсюда разница во временных горизонтах планирования. Среди российских либералов давно стали привычными рассуждения об обитателях Кремля как о временщиках, о белорусском же Батьке так не рассуждают никто. Поэтому его слова: «Ну а если уже говорить о преемнике, то самого меньшего буду готовить в преемники, уникальный человек», — сказанные на пресс-конференции в апреле 2007 г., были восприняты в республике всерьез.

В условиях, когда власть и собственность де-факто не разделены, логика сборки государства-терминатора после перестроечного безвластия схожа, основное же различие заключается в скорости процесса сборки. В одном из своих интервью в конце 2008 г. белорусский

президент, рассуждая о необходимости предоставления свободы субъектам хозяйствования, отметил, что свобода не отменяет его личного контроля над тремя вещами: «Власть — она не приватизируется, собственность и деньги. Это должно быть сосредоточено прежде всего»¹.

Как показывает исторический опыт, экономика в условиях централизации власти, собственности и денег способна развиваться лишь экстенсивно. С генерацией прибыли у нее, мягко говоря, постоянно возникают проблемы, а наблюдаемый иногда экономический рост связан или с притоком внешних дотаций (белорусский случай), или с возможностью извлекать природную ренту.

Современная открытость границ создала для подобных экономик новую проблему — отток кадров. В России, казалось бы, в «тучные годы» такой проблемы не существовало, но это если смотреть на общий баланс притока и оттока трудовых ресурсов, но куда важнее качественная сторона баланса. Чистые же докризисные потери Беларуси составили около 1 млн. человек (18% от числа занятых в народном хозяйстве на конец 2008 г.). Осознавая опасность, белорусская власть была вынуждена втянуться в разорительную для нее гонку зарплат, но в условиях дефицита финансовых ресурсов ей пришлось отказаться от принципа социальной справедливости и повышать зарплату точечно. Главное внимание было уделено строителям, спрос на которых в России грозил оставить собственные стройки очередной пятилетки без рабочих рук.

Пересмотр условий поставки российских энергоресурсов в 2007 г. выявил всю несостоятельность белорусской «экономической модели развития»². Удержать экономику от коллапса удалось лишь за счет внешних финансовых заимствований, благо, что в последний докризисный год проблем с получением дешевых кредитов не возникало. Но уже к концу 2007 г. белорусские власти осознали бесперспективность кредитной тактики: брать-то приходилось чужие и на время, а отдавать предстояло свои и навсегда. Требовался пересмотр самой стратегии выживания, требовалось найти дополнительный (к российскому) источник безвозвратных ресурсов. По мнению Минска, таким источником должны были стать прямые иностранные инвестиции (ПИИ).

Однако без изменения имиджа «последней диктатуры Европы» и определенных шагов

¹ Лукашенко А. Интервью основным СМИ.

² Официальный термин, введенный Лукашенко в 2002 г.

в сторону либерализации экономической жизни шансов на существенное привлечение ПИИ практически не было. Как это ни покажется странным, но руководство республики оказалась в состоянии осознать масштаб проблемы. Осенью 2007 г. была сформирована комиссия под председательством главы Нацбанка Проконевича и вице-премьера Кобякова, перед которой поставили задачу по вхождению Беларуси в тридцатку стран по качеству бизнес-климата. С весны 2008 г. началась систематическая работа над улучшением имиджа, для чего, в частности, был заключен контракт с известным политическим пиарщиком, англичанином лордом Беллом. Параллельно развернулась работа по отмене наиболее одиозных законодательных норм, таких, например, как «золотая акция», позволяющая государству вмешиваться в работы акционерных обществ и без обладания контрольным пакетом.

Мировой кризис выступил в качестве своеобразного катализатора уже запущенных процессов. Он усилил роль западного вектора в белорусской внешней политике, тем самым существенно расширив возможности Запада влиять на ситуацию в Беларуси. В страну допустили «жулье из МВФ»¹, причем на этот раз с правом решающего голоса. По прямому требованию экспертов фонда в декабре 2008 г. было отменено принятое месяцем ранее решение о повышении ставки первого разряда², а 2 января девальвирован белорусский рубль на 20,5%.

Заграница нам поможет. Европейский разворот Лукашенко, разумеется, не мог не отразиться на общественном мнении. Доля белорусов, желающих вступить в ЕС, за последние месяцы устойчиво росла при одновременном снижении доли сторонников объединения с Россией (табл. 1). Следует обратить внимание на сентябрьскую аномалию прошлого года. Природа

ее понятна: находясь все еще в едином информационном пространстве с Россией, многие белорусы восприняли российско-грузинскую войну как свою, причем войну «победоносную». Произошло это вопреки белорусским государственным СМИ, которые в ходе войны демонстративно придерживались нейтралитета.

Несмотря на официальный нейтралитет, в марте 2008 г. 45% белорусов выступали за признание независимости Абхазии и Южной Осетии, противоположной же точки зрения придерживалось лишь 8%. Отметим, что в сентябре доля сторонников признания независимости самопровозглашенных республик была еще выше – 63%.

Если сдвоенный вопрос таблицы 1 задавать по отдельности, то амплитуда изменений геополитических предпочтений существенно увеличится. При этом максимальная доля желающих вступить в ЕС (54%) и объединиться с Россией (61%) неожиданно оказывается не разнесенной во времени (конец 2002 г.). Объяснение парадокса следует искать в состоянии белорусской экономики, которая в условиях низких цен на нефть практически прекратила свой рост. Политическим последствием экономической стагнации стало снижение электорального рейтинга Лукашенко до 27% (абсолютный минимум). Таким образом, потеряв «точку опоры» в лице харизматического лидера, белорусы вынуждены были компенсировать потерю за счет переноса своих надежд на внешние источники. Для общества, в котором 74% респондентов в марте 2009 г. полагали, что большинство не сможет прожить без опеки государства (81% в России в июле 2008 г.), такой перенос не должен удивлять.

Но есть и более фундаментальная причина совпадения во времени роста интеграционных настроений белорусов и снижения электорального рейтинга Лукашенко. Как в Беларуси, так

Таблица 1

ЕСЛИ БЫ ПРИШЛОСЬ ВЫБИРАТЬ МЕЖДУ ОБЪЕДИНЕНИЕМ С РОССИЕЙ И ВСТУПЛЕНИЕМ В ЕВРОСОЮЗ, ЧТО БЫ ВЫ ВЫБРАЛИ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	сент. 2003	июнь 2006	дек. 2007	март 2008	сент. 2008	дек. 2008	март 2009
Объединение с Россией	48	57	48	45	54	46	42
Вступление в ЕС	36	29	33	33	26	30	35

¹ «Жулье из МВФ» – популярное среди белорусских аналитиков фраза. 27 октября 1999 г., выступая перед депутатами Государственной думы России, Лукашенко сказал буквально следующее: «Зачем вы стоите на коленях перед этим жульем из МВФ?»

² На ставку первого разряда в Беларуси завязана зарплата бюджетников, а через нее и размер пенсий.

и в России консолидировать вокруг себя население способна только сильная власть. Зависимость тут прямая. С мая 1994 г. по октябрь 2008 г. доля россиян, полагающих, что отношения между Россией и Западом могут быть

по-настоящему дружественными, снизилась с 60 до 34%. Наиболее интенсивное снижение пришлось на период между ноябрем 1999 г. и апрелем 2002 г. (–13 п.п.). Параллельно со снижением уровня «дружественности» в общественном мнении наблюдалась, казалось бы, обратная тенденция: с августа 2000 г. по декабрь 2007 г. с 8 до 20% увеличилась доля согласных с тем, что на Западе к России относятся с уважением (не желают дружить, но уважают)!

Среди либеральных российских экспертов довольно популярно мнение, что в ситуации, когда в России «станет совсем скверно по причине экономических неурядиц» власть сумеет «перевести стрелки» на внешнего врага¹. «Белорусское зеркало» такое мнение не подтверждает. Об этом же свидетельствует и российский исторический опыт: утрата правящей элитой способности эффективно концентрировать в своих руках власть, собственность и деньги, как правило, подталкивало ее к либерализации внутренней жизни. Напротив, на стадии «вставания с колен» усиливалось стремление к внешней экспансии, сопровождавшееся сплочением населения вокруг власти, при этом, что вполне естественно, повышался спрос на «образ врага».

Начиная либерализацию, правящая элита пытается ограничить ее исключительно экономическими рамками, но дефицит денег и собственности неизбежно приводит и к дефициту власти. Любые решения в таких условиях становятся политическими, а потому удержание либерализации в экономических рамках может превратиться в непосильную задачу. «Процесс пошел», – такими словами охарактеризовал в свое время отец перестройки потерю контроля над происходящими в стране «плановыми» преобразованиями. Сегодня, когда министр финансов России Кудрин заявляет о предстоя-

щих неизбежных заимствованиях на внешних финансовых рынках, политика «перевода стрелок» не имеет шансов на успех. Кремль это, безусловно, понимает, хотя далеко не всеми своими «башнями».

С чем же связывают белорусы начало экономической либерализации в республике? Наиболее популярная версия – «с мировым финансовым кризисом» (43%), на втором месте – «с давлением Запада на белорусское руководство» (29%). Еще 11% полагают, что «это естественная стадия развития белорусской экономики», затруднились с ответом 17%.

Мировой кризис неслучайно оказался в бесспорных лидерах в списке причин, подтолкнувших руководство к проведению либерализации. Так, доля белорусов, связавших начало экономического кризиса в республике с кризисом мировым, существенно превосходит долю тех, кто возложил ответственность за произошедшее на политику руководства (табл. 2). Следует обратить внимание на сокращение доли респондентов, затруднившихся с ответом. Освободившиеся голоса распределились примерно поровну между сторонниками обеих версий, что говорит о нарастании поляризации общественного мнения. В самом факте начала экономического кризиса белорусы не сомневаются. В марте так считали 82% опрошенных, отрицающих наличие кризиса было существенно меньше – 12% (в декабре, соответственно, 64 и 20%).

Поиск виновных за ухудшение экономической ситуации в Беларуси ведется социологами с 1996 г. Все эти годы вклад Запада редко превышал величину статистической погрешности в 3%. Но в декабре 2008 г. с 27% Запад вышел на третье место в списке виновных, уступив только правительству (52%) и президенту (43%). В марте отставание Запада от правительства и пре-

Таблица 2

ЕСЛИ ВЫ СЧИТАЕТЕ, ЧТО В БЕЛАРУСИ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС НАЧИНАЕТСЯ, ТО В КАКОЙ МЕРЕ ЕГО МОЖНО СЧИТАТЬ СЛЕДСТВИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РУКОВОДСТВА СТРАНЫ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ, А В КАКОЙ – СЛЕДСТВИЕМ МИРОВОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Политика руководства		Мировой кризис	
	дек. 2008	март 2009	дек. 2008	март 2009
Практически в полной мере	15	18	28	32
В значительной мере	24	35	30	38
В незначительной мере	17	16	11	8
Нельзя сказать, чтобы это было причиной кризиса	13	9	4	1
Затрудняюсь ответить/нет ответа	31	22	27	21

¹ См.: Шевцова Л. Россия и Запад. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. С. 23.

зидента еще больше сократилось: 33, 50 и 50%, соответственно.

Признание факта негативного влияния Запада на экономику республики не привело к росту антизападных настроений. Напротив, произошел обратный процесс. В таблице 1 уже отмечался рост доли белорусов, желающих интегрироваться с Европейским союзом. Таблица 3 позволяет оценить изменение структуры надежд за последние 15 лет. Надежда на иностранный капитал всегда была свойственна белорусам, но за последний год вера в популярный со времен Ильфа и Петрова лозунг «Заграница нам поможет» превысила на 15 п.п. веру в президента.

Таблица 3
С КЕМ БЫ ВЫ СВЯЗАЛИ НАДЕЖДЫ НА ВЫХОД БЕЛАРУСИ ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	нояб. 1994	март 2008	март 2009
С президентом Республики	49	44	35
С привлечением иностранного капитала	27	37	52
С правительством республики	17	20	33
С белорусскими предпринимателями	23	22	25
С руководителями госпредприятий, колхозов	21	16	15
С Парламентом*	9	2	5
С политическими партиями и движениями	8	6	6
С армией, органами безопасности	8	2	5
С судебной системой Республики	7	3	4
Со средствами массовой информации	6	3	2

* В опросе 1994 г. — Верховный Совет, в опросе 2008 и 2009 гг. — Палата Представителей

Рост общественных надежд, связанных с привлечением иностранного капитала, является прямым следствием изменений в публичной ри-

Таблица 4
РЕАЛЬНЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ (в % к предыдущему году) **И ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ ЛУКАШЕНКО**

Год	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009*
Реальные денежные доходы	114	128	104	104	110	118	118	113	112	106
Рейтинг	36	41	30	29	39	47	55	46	41	39

* За первый квартал 2009 г.

торике высших должностных лиц государства. Но сами эти изменения, как уже отмечалось выше, порождены пересмотром владельцем УП «Беларусь» Лукашенко стратегии своего выживания в условиях дефицита «власти, собственности и денег».

Пересмотр стратегии выживания, естественно, потребовал перегруппировки внутри властной вертикали. На первое место, отодвигая силовиков, выдвинулись представители экономического блока. Их лица замелькали на телевизионных экранах, и общественное мнение на эти мелькания оперативно отреагировало. В результате уже к июню 2008 г. рейтинги доверия президента и правительства практически сравнялись. С электоральными рейтингами подобного выравнивания не произошло. Рейтинг премьер-министра Сидорского остался в привычных для него рамках статистической погрешности, а рейтинг Лукашенко, вопреки ожиданиям, не снизился.

В отличие от рейтинга Путина, «тефлоновость» рейтинга Лукашенко не столь очевидна (табл. 4). В трудные для Беларуси годы (2002—2003), когда рост реальных денежных доходов населения практически остановился, началось его устойчивое снижение, и если бы не очередной поток российских дотаций, хлынувших в Беларусь в конце 2003 г., рейтинг Лукашенко имел все основания продолжить свое снижение.

Отличие в уровне «тефлоновости» рейтингов президентов России и Беларуси, вероятно, связано с несоизмеримостью масштабов двух государств, следовательно, и различием в уровнях инерционности общественного мнения. Однако в рамках данной логики, электоральному рейтингу Лукашенко следовало бы уже начать снижаться. К этому его «подталкивают» и катастрофическое падение индексов материального положения (ИМП) и индекса ожидания (ИО)¹.

Обратимся к таблице 5. От своего положительного рекордного значения в год третьих президентских выборов (2006 г.) ИМП снизился до отрицательного рекордного значения,

¹ ИМП и ИО определяются как разница ответов «Улучшилось» и «Ухудшилось» при ответе на вопросы таблиц 5–6.

зафиксированного еще в ноябре 1994 г. Основное снижение при этом пришлось на последние три месяца. 15 лет назад при таком значении ИМП в Беларуси произошла электоральная революция, сегодня же оппозиционным партиям не удается вывести на свои традиционные весенние протестные мероприятия в Минске более тысячи человек.

Таблица 5

КАК ИЗМЕНИЛОСЬ ВАШЕ ЛИЧНОЕ МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ТРИ МЕСЯЦА? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	нояб. 2006	янв. 2007	дек. 2007	дек. 2008	март 2009
Улучшилось	21	21	11	9	2
Не изменилась	65	61	55	55	31
Ухудшилось	13	17	32	34	64
ИМП	8	4	-21	-25	-62

Таблица 6

КАК ИЗМЕНИТСЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛАРУСИ В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	нояб. 2006	янв. 2007	дек. 2007	дек. 2008	март 2009
Улучшится	43	26	23	14	14
Не изменится	38	35	38	35	31
Ухудшится	11	31	29	38	46
ИО	32	-5	-5	-24	-32

Минимальное значение ИО было зафиксировано также в ноябре 1994 г. (-57). Его общий уровень снижения на временном отрезке, представленном в таблице 6, практически идентичен уровню снижения ИМП, но его абсолютное снижение за последние три месяца оказалось незначительным. Такое поведение ИО является типичным в условиях кризиса. Он достаточно динамичен на начальной стадии перемен, но затем начинает пробуксовывать, сигнализируя тем самым о наступлении стадии социальной адаптации.

Так почему же падение темпов роста реальных доходов населения и катастрофическое снижение индексов не смогли объединенными усилиями поколебать электоральный рейтинг

главы белорусского государства? Означает ли это, что Лукашенко сумел найти дополнительный источник своей легитимности? Скорее всего, дело обстоит именно так, и в роли этого источника выступил мировой кризис. Он сформировал спрос на антикризисного управляющего УП «Беларусь». Как долго сможет продержаться общественный спрос, причем спрос

на конкретного антикризисного управляющего по фамилии Лукашенко? Однозначно ответить на этот вопрос сегодня сложно. Группа менеджеров, объединенная под брендом «Правительство», явно дышит ему в затылок, и, в отличие от прошлых лет, провести в ней кардинальные перестановки у Лукашенко нет возможности. Кризис, как мировой, так и внутренний, повысили переговорную силу правительства внутри президентской «вертикали».

Римейк перестройки. Несмотря на столь заметное снижение индексов, уровень социальной напряженности в Беларуси еще существенно не дотягивает до уровня судьбоносного для республики 1994 г. Это видно и невооруженным

Таблица 7

ЧТО ЧАЩЕ ВСЕГО, ПО ВАШЕМУ МНЕНИЮ, ВЕДЕТ К БОГАТСТВУ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	дек. 1993	янв. 2007	март 2008	март 2009
Личные связи	72	43	47	46
Нечестность	56	16	25	22
Труд	37	68	59	63
Талант	32	35	25	24
Везение	30	39	34	40
Образование	22	38	32	33

глазом. Таблица 7 иллюстрирует, что кризис не привел к изменению жизненных стратегий белорусов. В частности, труд в качестве главного источника материального благополучия еще не утратил своего значения.

На пике системного кризиса в начале 90-х гг. прошлого века структура жизненных приоритетов белорусов существенно отличалась от современной. В бесспорных лидерах тогда оказались личные связи и нечестность, что свидетельствует об усилении персонификации отношений, переходу от разрушающихся на глазах формальных взаимодействий к неформальным.

Таблица 7 позволяет критически взглянуть еще на одно либеральное заблуждение, согласно которому ухудшение экономической ситуации по мере углубления кризиса должно подстегнуть процесс разочарования в «сильной власти», повысив тем самым спрос на демократию. В «белорусском зеркале» подобных разочарований разглядеть еще ни разу не удавалось. В «трудные» 2002–2003 гг. падение электорального рейтинга Лукашенко никак не отразилось на популярности демократической оппозиции. Куда же переместились разочаровавшиеся в своем былом кумире белорусы? Они образовали новую электоральную «общность», идентифицировать которую позволял ответ на вопрос «Если бы Вы знали человека, который мог бы успешно конкурировать с Лукашенко на следующих президентских выборах, то проголосовали бы за него или за Лукашенко?». Новая «общность», доля которой к концу 2003 г. составляла 56% от взрослого населения страны, решительно заявляла о своей готовности проголосовать за таинственную личность. Вот только политический портрет этой личности практически ничем не отличался от портрета действующего президента.

В год «электоральной революции» на главной площади Минска собирались десятки тысяч людей, но выводила их не потребность в демократических преобразованиях, а желание восстановить порядок, в первую очередь порядок в справедливом распределении материальных благ, который слабая и коррумпированная власть была уже не в состоянии поддерживать. Белорусская власть образца начала 2009 г. воспринимается большей частью общества все еще как сильная. Понятно, что в рамках национальной традиции сильной властью может быть только власть централизованная. Таблица 8 позволяет нам сравнить эффективность контроля первыми лицами России и Беларуси государственных чиновников. Преимущество

владельца УП «Беларусь» над владельцами ЗАО «Россия» весьма убедительно, при этом следует иметь в виду, что опрос в России был проведен еще в докризисное время!

Таблица 8.
ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С ТЕМ, ЧТО ВЫСШИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЧИНОВНИКИ ПОЛЬЗУЮТСЯ СЕЙЧАС В БЕЛАРУСИ (РОССИИ) НЕОГРАНИЧЕННОЙ ВЛАСТЬЮ; ЧТО ХОТЯТ, ТО И ДЕЛАЮТ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Беларусь, март 2009	Россия, февр. 2008
Полностью согласен	23	45
Скорее согласен	35	38
Скорее не согласен	25	8
Совершенно не согласен	9	2
30/НО	8	8

Централизация власти (приватизация государства самым верхним властным уровнем) блокирует в определенной степени возможность «перегибов на местах». В силу этого степень защищенности белорусов от произвола государственных структур, с которыми они сталкиваются в своих повседневных практиках, заметно выше, чем россиян (табл. 9). Такая защищенность не мешает белорусам одновременно более критично оценивать уровень профессиональной компетенции как ближайшего окружения первого лица государства, так и в целом «людей, находящихся сейчас у власти». В частности в марте 2009 г. 38% белорусов были согласны с тем, что окружение президента Лукашенко состоит из «серых», пассивных и недостаточно квалифицированных специалистов. Подобную оценку окружения президента Путина в январе 2008 г. разделяли только 16% россиян. С противоположной характеристикой (окружение состоит из способных и инициативных) в Беларуси согласились 33%, а в России — 63%. Однако не исключено, что подобное несоответствие в оценках следует объяснить различием в управленческой стилистике первых лиц государств. Для белорусского Батьки характерны публичные разносы своего ближайшего окружения. Это его фирменное блюдо, которое он преподносит соотечественникам на протяжении вот уже 15 лет.

Более жесткая централизация власти в Беларуси, тем не менее, не стала непреодолимым препятствием для перехода к политике «экономической» либерализации. Кавычки в данном случае применены неслучайно, так как уже сам факт ревизии отношений Беларуси

с Западом свидетельствует о том, что для достижения провозглашенных экономических целей требуется серьезная корректировка социально-политической рамки, сложившейся за годы строительства независимой Беларуси.

Таблица 9

ЧУВСТВУЕТЕ ЛИ ВЫ СЕБЯ ЗАЩИЩЕННЫМИ ОТ ВОЗМОЖНОГО ПРОИЗВОЛА СО СТОРОНЫ ВЛАСТЕЙ, МИЛИЦИИ, ГАИ (ГИБДД), НАЛОГОВИКОВ, СУДОВ, ПРОЧИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Беларусь, март 2009	Россия, июнь 2008
Определенно да	11	4
Скорее да	26	18
Скорее нет	38	44
Определенно нет	19	29
З/О/НО	6	6

Но каковы будут последствия белорусского НЭПа в среднесрочной перспективе? С высо-

кой степенью вероятности можно утверждать, что уже в ближайшие 2–3 года мы станем свидетелями своеобразного римейка перестройки. Системы, в которых в одних руках сконцентрированы власть, собственность и деньги, способны функционировать лишь в условиях жесточайшего учета и контроля. Любая передача прав самостоятельно распоряжаться ресурсами на нижние управленческие уровни, что и составляет основу процесса либерализации, в условиях отсутствия контроля со стороны гражданского общества, приводит не к повышению экономической эффективности, а к банальному разворовыванию новоявленными субъектами вверенных им ресурсов. В этом смысле «белорусское зеркало» предоставляет российским исследователям прекрасный шанс изучать один из возможных сценариев развития России в условиях низких мировых цен на товары традиционного российского экспорта.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В РОССИИ: ОЖИДАНИЯ И ТРЕВОГИ

Как Вы думаете, что ожидает Россию в ближайшие месяцы в политической жизни?

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2008 март	2008 июнь	2008 сентябрь	2008 декабрь	2009 март	2009 июнь
Значительное улучшение ситуации	8	7	8	5	4	4
Некоторое улучшение ситуации	53	49	50	37	34	43
Некоторое ухудшение ситуации	13	13	19	30	29	24
Значительное ухудшение ситуации	2	2	2	6	6	4
Затруднились ответить	25	30	21	22	27	26

N=1600

Как бы Вы оценили в целом политическую обстановку в России

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2008 март	2008 июнь	2008 сентябрь	2008 декабрь	2009 март	2009 июнь
Благополучная	10	12	7	5	4	3
Спокойная	60	59	45	44	44	46
Напряженная	23	22	40	40	40	39
Критическая, взрывоопасная	2	2	2	5	4	5
Затруднились ответить	7	6	6	7	8	8

N=1600

Юрий ВАНЦЕВ

«Мое главное этическое правило»

С апреля 2007-го по июнь 2008 г. автор провел в Самаре, Перми и Москве опрос-интервью, состоящий из трех вопросов:

1. Есть ли у Вас общее этическое правило, которым Вы стараетесь руководствоваться в отношениях с другими людьми? Какое это правило? (Если люди называли золотое правило нравственности, они получали дополнительный вопрос: «Откуда Вы знаете это правило?»)

2. Допустим, что существует правило, на которое могли бы ориентироваться все люди на земле, устраивающие совместную жизнь. Какое правило Вы бы поставили на это место?

3. В советское время существовал «Моральный кодекс строителя коммунизма». Он состоял из правил, которые указывали, как поступать советским людям. Помните ли Вы эти правила (хотя бы главные из них)?

Целью опроса было изучение этических представлений респондентов в части формулирования общего правила поступков, направленных на других людей. Опрос должен был показать, насколько широко распространен феномен нравственной дезориентации людей, которые «никогда не думали» о главном правиле своих поступков.

Следовало установить, насколько гомогенными являются способы рационализации этических представлений и какие этические идеи оказывают влияние на респондентов.

Предстояло также выяснить, что думают люди о возможности согласования главных нравственных принципов со своими согражданами и людьми мира, каковы ожидания, направленные на других людей, на их принципиальные поведенческие установки. Автор намеревался получить ответ на вопрос: верят ли люди в саму *возможность морали*, т. е. может ли, по мнению респондентов, существовать признанное большинством граждан «моральное соглашение», открывающее дорогу для проявления солидарности и взаимопомощи в познании и претворении моральных обязанностей.

Ответы на вопрос о содержании «Морального кодекса строителя коммунизма» должны были показать, существует ли в рамках смены

государственного устройства преемственность в деле этического просвещения. Кроме того, предстояло изучить влияние моральной доктрины, проводником которой являлось тоталитарное государство.

Для прояснения сути первого вопроса давались пояснения: «Предположим, Вы сомневаетесь, как поступить в той или иной ситуации. Тогда Вы вспоминаете Ваше правило, поступаете так, как оно велит, и остаетесь собой довольны. Исходите из того, что оно подходит именно для Вас, его исполнение всегда приносит Вам удовлетворение и помогает обрести самоуважение. Вы можете сказать: я всегда старюсь поступать по этому правилу».

Всего опрошено 412 человек. Кто эти люди? Преподаватели и сотрудники вузов, учителя и работники школ, священнослужители, инженеры, военнослужащие, милиционеры, актеры, работники различных фирм и банков, студенты, выпускники школ, пенсионеры, продавцы вещевых рынков, покупатели торговых центров, отдыхающие на набережной Волги в Самаре. Среди них 221 мужчина и 191 женщина, 226 человек с высшим и 186 — со средним или средним специальным образованием.

Таблица 1
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ ПО ВОЗРАСТУ

Возраст, лет	До 20	21–30	31–40	41–55	Старше 55
Количество человек	66	130	72	92	52

Результаты опроса представлены в трех частях статьи, в соответствии с тремя вопросами, заданными респондентам.

1. «Мое главное этическое правило». Под общим этическим правилом здесь подразумевается *принцип*, соблюдение которого позволяет человеку идентифицировать и уважать себя, считать себя «хорошим человеком». В этом правиле в самой общей и краткой форме выражается *идеал* отношений с другими людьми и — что не менее важно — *способ* его воплощения.

Правило должно быть легко применимым, в нем не должно быть ничего абстрактного. Оно должно давать четкую рекомендацию: поступай так-то.

31% опрошенных не смогли сформулировать никакого правила.

В таблице 2 дано количество таких ответов в % по каждой образовательной и возрастной группе.

49% сформулировали правила, которые не могут служить общим этическим принципом, определяющим поступки (табл. 3).

Из них 26% опрошенных дали не общие, а ситуативные правила поведения. Например: «Стараться быть веселым», «Если мне кто-то не нравится, я могу его игнорировать», «Не предавай», «Не воруй», «Помогать, если просят», «Никогда любой женщине не говорить назло», «Выслушать его мнение до конца и высказать свое мнение», «На любую грубость отвечать вежливостью», «Не говорить о людях плохо», «Старюсь молчать, не обидеть человека», «Ни малейшей подлости...», «Относись к людям с любовью, потому что они все маленькие дети», «На добро отвечать добром, а на зло — по справедливости», «Не задеть интересы человека и в то же время остаться при своих взглядах», «Я всегда должна помочь, навестить, сварить, угостить, позвонить и т. д. Есть во мне такое,

жалко мне людей», «Быть вежливым, не вступать в ссору»... (табл. 4).

20% опрошенных сформулировали правила слишком абстрактно, поэтому они не могут служить четким критерием выбора поступка в проблемной ситуации. Например: «Быть самим собой, соответственно слушать других людей, Решать, нужны ли они мне, а я — им», «Чему быть, того не миновать; не нравится — не ешь-те!», «Честность, порядочность, общечеловеческие ценности», «Конституция, моральные права», «Поступай, как надо, и будь, что будет», «Будь себе адекватен», «Толерантность», «Порядочность», «Культурно себя вести в любой ситуации», «Чтобы всем было хорошо», «Расти себя за счет себя, тогда полюбит Бог тебя», «Не поломай», «Не навреди», «Быть в гармонии с собой и со всеми», «Не упускай момент, жизнь дана лишь один раз», «Стараюсь слушать свое сердце»... (табл. 5).

3% опрошенных ориентируются на выгоду и достижение прагматических целей. Примеры правил: «[Плевать] на все и на всех (в оригинале — нецензурная лексика. — Ю. В.)... на себя я не плюю», «Нет таких правил... Мне надо, чтобы было выгодно и чтобы уважали», «Плохо не поступаю, потому что все это мне вернется», «Смотрю по человеку, слушаю его и стараюсь сделать так, как ему надо, но в итоге добиваюсь

Таблица 2

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
% от кол-ва людей в группе	24	39	44	33	24	29	21

Таблица 3

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
% в группе	52	45	36	44	54	51	65

Таблица 4

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
%	23	29	24	25	29	25	25

Таблица 5

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
%	26	13	6	15	25	24	38

Таблица 6

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
%	3	3	6	5	0	2	2

своего. Использую психологические знания», «...Стараюсь подходить с практической точки зрения», «Не трогай других, и тебя не тронут», «Если не получаю никаких выгод и если нет сложностей, то я сделаю хорошо. Но если выгодно, то сделаю по выгоде»... (табл. 6).

Еще раз отметим, что не всякое правило можно расценивать как применимый этический принцип. Для того чтобы сформулировать такой принцип, необходимы:

- умение отличать этические проблемы от чисто прагматических¹;
- знание уже известных этических принципов и потребность в их проверке на опыте – потребность, которая чаще всего возникает из «переживания несправедливости»;
- анализ и обобщение личного жизненного опыта;
- умение просчитывать последствия применения той или иной нормы, проверять ее на практичность и недопустимость двойного толкования;

2% опрошенных предложили правила, напоминающие правило равного воздаяния (правило талиона): «Душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб» (Исх. 21:23-24). Примеры ответов: «Смотря какие люди. С хорошими, порядочными, пожилыми я сверхвежлива, а с хамками – похамски», «Поступаю с людьми так, как они ко мне относятся», «Как с тобой, так и ты», «Если он доброжелателен, то и ты так же. Если он с прохладцей, то и ты не больно лояльно», «Порядочность. Есть люди, к которым отношусь иначе». Такие ответы дали 2% людей с высшим образованием и 3% – со средним. Интересен здесь возрастной расклад (табл. 7).

13% сформулировали золотое правило нравственности: «Как хотите, чтобы с вами поступали

люди, так поступайте и вы с ними». По группам получились следующие результаты: (табл. 8).

Процент респондентов с высшим образованием, назвавших золотое правило, почти в два раза превышает процент таких респондентов со средним и средне-специальным образованием. Среди возрастных групп выделяется группа «старше 55 лет». Юные респонденты (группа младше 20-ти) знают золотое правило, в основном, благодаря школе. Школьные учителя, по их словам, по собственной инициативе знакомят учащихся с этим правилом. Некоторые знают его по книгам или благодаря родителям.

4% сформулировали правила, близкие по смыслу к золотому правилу нравственности. Примеры ответов: «Уважение [к другому], как к самому себе», «Уважительное обращение со всеми. Относиться к другим как к равным, на равных», «Не делай того, что тебе не нравится в других...», «Пытаюсь представить [себя] в его положении», «Думаю, будет ли для него это приемлемо», «Не обидеть человека; понять его, поставить себя на его место», «Не навреди другому человеку. Поступай так, чтобы его ценности были уважаемы», «Золотое правило (с учетом понятия социального круга)»... (табл. 9).

Сложив число людей, назвавших золотое правило, с числом тех, кто сформулировал близкие по смыслу принципы, получим 18% опрошенных. Вот как они представлены в различных социально-демографических группах.

Три столбца на рисунке 1 показывают процент респондентов, распределенных по трем уровням рациональности. Чем более общим и (определенным образом) применимым является этическое правило, тем более рационально оно сформулировано. Уровень рациональности возрастает слева направо.

Таблица 7

Возраст, лет	До 20	21–30	31–40	41–55	Старше 55
%	4,5	2,3	0	0	7,7

Таблица 8

Группа	Высшее образование	Среднее образование					Старше 55 лет
			До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	
%	16	10	12	17	14	14	4

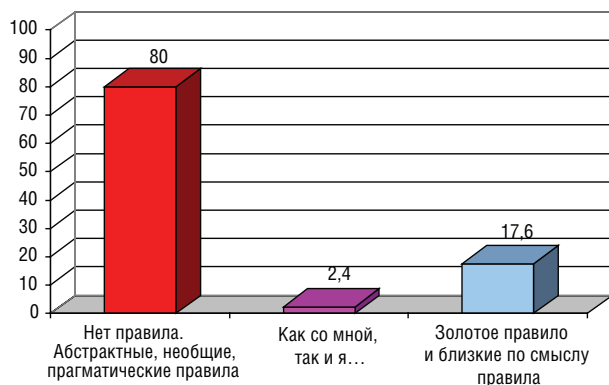
Таблица 9

Группа	Высшее образование	Среднее образование					Старше 55 лет
			До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	
%	23	11	14	20	22	18	6

¹ См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М.: АCADEMIA, 1995. С. 7–31.

Рисунок 1

ХАРАКТЕР РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЭТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РЕСПОНДЕНТОВ.

Анализ ответов на первый вопрос:

1. Всего 20% респондентов смогли сформулировать *общее этическое правило*, избегав абстрактных или имеющих чисто прагматические основания ответов.

2. Чем моложе респонденты, тем больше среди них не сумевших определить никакого общего принципа собственного поведения.

3. Формулируя свое главное этическое правило, респонденты со средним образованием называют *ситуативные (необщие) правила* чаще (29%), чем респонденты с высшим образованием (23%).

4. Более четверти респондентов с высшим образованием (26%) формулируют свое этическое правило *абстрактно*, люди со средним образованием дали 13% таких ответов. В этом случае образование «помогает» замаскировать отсутствие принципиальной этической позиции общей красивой фразой. Чем старше респонденты, тем выше «процент абстракции» («до 20 лет» – 6%; «31–40 лет» – 25; «старше 55 лет» – 38%).

5. Самые молодые респонденты (до 31 года), в отличие от тех, кто постарше, иногда (6%) принимают правила, сулящие материальную и иную выгоду, за главное этическое правило. Чем респонденты моложе, тем этот процент выше.

6. Правило «адекватного ответа», воспроизводимое в форме «как со мной, так и я», принимают только некоторые самые молодые и самые пожилые респонденты (до 20 лет – 4%; старше 55 лет – 8%). Никто из респондентов среднего возраста не назвал этого правила.

7. Повышение уровня образования заметно увеличивает шанс на осознание золотого правила нравственности: респонденты с высшим образованием – 23, со средним – 11%. Менее всего знакомы с этим правилом респонденты старше 55 лет (6%).

2. Моральный закон. Когда человек размышляет о главном правиле-принципе своего поведения и ищет ответ на вопрос «Что я должен делать?», он может употреблять свой практический разум двояко, решать две задачи:

1) поиск путей *хорошей* и счастливой жизни, поиск ответа на вопрос «Кто я и кем хотел бы быть?» (подобную проблему или задачу вслед за Аристотелем принято считать этической);

2) поиск универсальной нормы, независимой от индивидуальных особенностей; здесь главный вопрос меняет форму и становится следующим: «Могли ли бы все люди захотеть, чтобы каждый в моем положении поступал согласно той же норме?»¹ Решение такой задачи целиком находится в сфере морали².

Мораль как согласие большинства людей относительно большинства норм поведения возможна не во всяком обществе. Если, конечно, иметь в виду согласие добровольное и основанное на разумных доводах. В «закрытых», по Попперу, обществах любое публичное обсуждение ограничено множеством табу. Запреты действуют также и в сфере морали, которая всегда неотделима от политики. Закрытость каналов политической коммуникации есть симптом более глубокой проблемы: отказа людей от моральной автономии, по Канту, их бегства от свободы, по Фромму. Мораль может даже признаваться не делом индивида, а делом государства, его прямым продолжением. В этом случае самостоятельная моральная мысль индивида рассматривается как угроза для авторитета государства, для устоявшейся традиции, «нравственной структуры общества».

Ответы на вопрос о моральном законе (правиле, которое может быть принято всеми людьми в качестве основы для соглашения) должны были пролить свет на то, в какой мере люди чувствуют себя свободными участниками диалога на темы морали, в какой мере они морально суверенны (независимы, автономны) и какие правила, по их мнению, «работают» или должны «работать» в обществе.

Итак, никакого правила здесь не смогли назвать 29% опрошенных. Вот как они распределяются по различным социально-демографическим группам (табл. 10).

¹ Хабермас Ю. Указ. соч. С. 12–13.

² Здесь не рассматривается прагматическое употребление практического разума, так как в этом случае цели вообще не проблематизируются, они как бы находятся за скобками. Размышление касается только способов их достижения. Ни к этике, ни к морали такое размышление не имеет прямого отношения (по Ю. Хабермасу).

Общие слова, перечисление моральных качеств личности и пожелания (например: «Доброта. Честность. Справедливость. Порядочность», «Защита общества и человека» и т. п.) не рассматривались мной как ясно сформулированные моральные правила, императивность которых однозначна и, если так можно выразиться, прозрачна. Это скорее лозунги, чем правила. При желании ими легко оправдать поступки, подчас имеющие противоположные цели и основания.

6% опрошенных заявили о том, что морального закона вообще не может быть или что он не может исполняться. «В нашем обществе его сейчас не может быть, потому что каждый под себя гребет», «Не может такого быть», «Не слышала... такого закона нет», «На местах нет такого. Может быть, наверху есть», «Считаю, что общего правила для всех нет, так как все люди разные. У каждого уровень морали свой»... Некоторые респонденты называли правило и тут же дискредитировали его, абстрактно ссылаясь на внешние причины. Например: «Не врать. Делать добро друг другу. Доверять друг другу. Хотя сейчас это невозможно».

Как и в случае с главным этическим правилом, было предложено много абстрактных формулировок морального закона. Такие ответы дали 20% опрошенных. Данные по группам даны в таблице 11.

Примеры ответов: «Дружба, симпатия, партнерские отношения», «Культура, воспитание, тренировка в познании, работа над собой», «Доброта, внимание. Прощать надо людей. Здоровье», «Проще относиться к жизни», «Не делай людям зла», «Любить друг друга», «Со-

действуй комфортно состоянию всех людей в обществе», «Общение, культурность, взаимопонимание», «Доброта, честность, порядочность», «Будь человеком. В любых ситуациях оставайтесь людьми», «Уступать больше друг другу – и будет все прекрасно»...

19% опрошенных сформулировали моральный закон в виде ситуативного, применимого лишь к определенному частному случаю правила. (табл. 12).

Примеры ответов: «Не пить», «Не вторгаться на чужую территорию без приглашения», «Правила этикета – это все, что надо». «Не нужно эпатировать. Есть нравственные устои. Нужно держаться в этих рамках», «Слабых не обижать». «Не быть предателем», «Чтоб умели слушать. Умение анализировать разговор», «Не надо себя превышать над другими. Лидер – не тот, который впереди идет, а кто подталкивает», «Больше улыбаться», «Не люблю грубость и хамство», «Чтоб старших уважали», «Надо меньше врать; говорить правду, быть честным»...

9% опрошенных, пытаясь сформулировать моральный закон, апеллировали к авторитету религии. 2% продемонстрировали при этом глубокие знания Библии или Корана, а 1% сформулировали «наибольшую» евангельскую заповедь.

Примеры ответов: «Справедливость как равновесие. Жить в мире с совестью, душой, Богом и людьми», «Возлюби ближнего, как самого себя», «Возлюби Бога и ближнего своего, как самого себя. А также Исход, гл. 20».

Остальные 7% опрошенных ограничились общими фразами, подчас демонстрируя явное невежество (табл. 13).

Таблица 10

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
%	24	35	39	24	18	34	33

Таблица 11

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
%	22	18	18	14	26	23	23

Таблица 12

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
%	16	22	15	26	15	13	21

Таблица 13

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
%	12	4	6	2	12	11	10

Примеры ответов: «7 заповедей: не навреди, не убий и т. д.», «Выборка из 10 заповедей». «Соблюдать религиозные нормы», «10 христианских заповедей: в них содержится человеческая мудрость», «Это только религиозные вещи, связанные с религиозными учениями: я с этим не знаком», «10 заповедей. В Библии или где они там находятся. Якобы считается», «Моральный закон основан на нравственности Православия. Другого закона не должно быть», «Сейчас тот момент, когда мы находимся в пропасти. Надо повернуть к Богу. Чем больше люди будут молиться за Россию, за народ, тем будем лучше жить», «Не убей, не укради, остальное по каждой жизненной ситуации», «У каждого свои рамки. Заповеди библейские»...

3% опрошенных связывают содержание морального закона с исполнением законов, а также профессиональных и иных гражданских обязанностей, с понятием справедливости.

Примеры ответов: «Чтобы мы жили по справедливости», «Равноправие», «Свобода слова, мыслей, поведения, но которая не ограничивает права и свободу других людей и не противоречит закону», «Все люди должны не пренебрегать правами других людей», «Порядок, закон, Конституцию чтоб соблюдали, не отходили

Таблица 14

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
%	14	11	11	19	17	8	2

влево, вправо», «Справедливость, наверное», «Конституция, моральные права»...

11% опрошенных сказали об уважении. Как классифицировать эти ответы? С одной стороны, уважение есть такое отношение к Другому, когда его интересы для тебя так же важны, как свои собственные, когда ты легко можешь поставить себя на его место, т. е. применить золотое правило. С другой стороны, слово «уважение» стало содержанием любого – самого тривиального – суждения на моральную тему. За это слово легко спрятаться. Его часто используют, когда выражают недовольство поведением других людей или абстрактную мечту о смягчении нравов («Чтобы люди понимали друг друга, уважали», «Друг друга чтоб уважали и слушали»). Ниже приведены почти все похожие друг на друга ответы с использованием слова «уважение»: «Уважать друг друга. Мы все люди, все братья», «Взаимное уважение. Умение уступить [во время торга]», «Уважение друг к другу», «Уважение друг к другу, тактичность, доверие»,

«Доброта, умение понимать другого, умение уважать его как личность и его мнение. Человек, который фальшивит, не нравственный», «Уважение друг к другу. Не будешь уважать, к тебе так же будут относиться», «Общение. Взаимоуважение», «Уважать ближних, родных, не обманывать, не вредничать»...

Хотя эти последние ответы демонстрируют миролюбивую готовность к доброжелательным отношениям, в них нет правил, обращенных к самому себе и конкретно применимых в любой ситуации.

Итак, если сложить число ответов, 1) не содержащих никакого правила, 2) дающих абстрактные или ситуативные (не общие) формулировки, 3) абстрактно отсылающих к авторитету религии, 4) заменяющих моральные правила нормами законов, то получится, что 86% опрошенных не знают общего и рационально сформулированного морального правила (закона, императива).

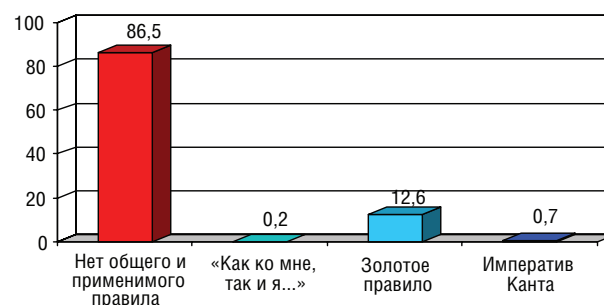
Один респондент предложил правило: «Поступай с людьми так, как они к тебе относятся».

В сумме 13% опрошенных сформулировали золотое правило нравственности или главную христианскую заповедь (табл. 14).

Примеры ответов: «Не делай другому то, что бы ты не хотел, чтобы сделали по отношению к тебе», «Уважение к другому человеку, ставить себя на место другого человека», «Относись к ближним так, как хочешь, чтобы они относились к тебе», «Поступай с людьми так, как хочешь, чтобы они поступали с тобой»...

Три респондента упомянули категоричский императив И. Канта.

Рисунок 2
ХАРАКТЕР РАЦИОНАЛИЗАЦИИ МОРАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ РЕСПОНДЕНТОВ.

Выводы. 86 респондентов не смогли сформулировать общее и практически применимое правило, которое могло бы служить четким ориентиром для действующих в адрес друг друга людей. Среди респондентов с высшим образованием процент таких ответов – 84%, со средним – 89%. Как видим, разница не слишком велика, чтобы можно было говорить о серьезном вкладе вузов в дело морального просвещения опрошенных. По возрастным группам картина такова.

Таблица 15

Возраст, лет	До 20	21–30	31–40	41–55	Старше 55
%	91	80	80	90	98

Нередко опрошенные приводят абстрактно сформулированные правила. Менее всего склонны маскировать свое незнание красивыми фразами люди от 21 года до 30 лет (14%), а люди с высшим образованием делают это даже чаще (22%), чем респонденты со средним или средним специальным образованием (18%).

С преодолением еще одной трудности – выделением среди множества правил одного, имеющего силу общего принципа, – респонденты справились почти одинаково. 26% респондентов от 21 года до 30 лет приводят вместо общего правила ситуативные. Остальные допускают эту ошибку несколько реже, в других группах таких ответов было 13–22%.

Абстрактные ссылки на авторитет религии свойственны людям старше 31 года (10–12%) и людям с высшим образованием (12%). Не находя опоры в своем разуме, люди предполагают, что «истины морали» скрыты в священных писаниях. Однако большинство (78%) из тех, кто упоминает «7 заповедей», «выборку из 10 заповедей» или «религиозные истины», очень плохо разбираются в упоминаемых писаниях.

Золотое правило нравственности ставят на место морального закона 13% респондентов. Этот процент несколько выше в группах респондентов с высшим образованием (14%), 21–30 лет (19), 31–40 лет (17%).

Таблица 16

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
%	54	72	86	72	60	44	40

Таблица 17

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
%	26	19	8	21	19	34	36

Если принять во внимание трудности, которые испытывают большинство людей (80%) при формулировании *этического* правила, то решение задачи *морального* просвещения российского общества следует признать делом весьма отдаленного будущего.

Всего два человека из 412-ти смогли сформулировать моральный закон Канта. Ими оказались преподаватели Самарского государственного университета. Еще один из респондентов лишь упомянул категорический императив Канта и его связь с золотым правилом.

3. «Моральный кодекс строителя коммунизма». На вопрос о содержании «Морального кодекса строителя коммунизма» (сокращенно – МКСК) 62% опрошенных ничего не смогли ответить, признавшись, что они с ним не знакомы или забыли все, что когда-то знали (табл. 16).

Чем моложе респонденты, тем чаще они отвечали «Не знаю», «Не помню». Сравним: старше 55 лет – 40, до 20 лет – 86%.

23% опрошенных дали далекие от истины ответы, которые я бы назвал мифами или фантазиями на тему «морального кодекса строителя коммунизма» (табл. 17).

Примеры ответов: «Все поровну. Дальше не помню», «Мир, труд, май», «Цель оправдывает средства», «Не помню. Но помню, что на тот момент он меня устраивал. Человек ставился во главу угла», «Воровать, лгать некрасиво. Мы живем последние времена. Обязательно что-то произойдет, Бог видит эту несправедливость. Настанет конец света, и останутся только праведники», «Уступать место пожилым людям, уважение к старшим», «...Это были обычные правила и нормы поведения», «Все для народа, все общее, будь таким, как все, не выделяйся», «Растить гармонично развитого человека. Мир, равенство, братство». «Учиться, учиться и еще раз учиться. Наша цель – коммунизм»...

Чем старше респонденты, тем смелее они фантазируют и предлагают рискованные ответы. Люди с высшим образованием делают это чаще, чем респонденты такового не имеющие.

5% опрошенных предположили, что правила МКСК повторяют заповеди Нового и Ветхого Завета (табл. 18).

Примеры ответов: «10 заповедей (переделанные библейские заповеди), где на место Бога поставлена КПСС», «Заповеди: не убий, не прелюбодействуй», «Переписаны частью из Евангелия (кроме <Не убий>)\», «Заповеди Христа совпадают с этими нормами (не убий, не укради)\», «Не помню, но помню, что перекликается с христианскими заповедями (по крайней мере, главный принцип – один в один)\», «Не помню, но думаю, что скалькировано с 10 заповедей\», «Был составлен на основе 10 заповедей и на горной проповеди Христа. Я согласна с основными положениями\», «Совпадают с христианскими заповедями: живи и давай жить другим, относись к другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе\», «Они срисовали с Библии 10 заповедей. Это одно и то же»...

Здесь необходимы пояснения. «Декалог (10 заповедей Моисея. – Ю. В.), – пишет А. Гусейнов, – концентрирует внимание на внешних действиях человека, оставаясь равнодушным к тому, что можно обозначить как моральный образ мыслей»¹, – и делит людей на «своих» и «чужих». То же можно сказать и о правилах МКСК. Но, как справедливо замечает только что процитированный автор, «Моисей учил не как философ, а как законодатель»². Поэтому он точен и конкретен настолько, насколько это для него возможно (см. книги Исход, Левит, Второзаконие). Моральный же кодекс, также не основанный на каких-либо философских идеях, вообще не касается сферы права. Доказательством этого является, например, отсутствие в МКСК запрета убийства. Его положения абстрактны и расплывчаты. В них нет ничего конкретного, кроме требования преданности по отношению к власти и ее догмам.

Новозаветная этика – этика свободного и глубоко мыслящего человека. Если Моисей говорит: «Делай так-то», – и не объясняет

принципа, который повелевает так поступать, то Иисус провозглашает: «Во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мт. 7:12). Одно это правило задает радикальную этическую позицию и позволяет индивиду самостоятельно дедуцировать отсюда разные ситуативные правила. Иисус верит в разум человека, способного самостоятельно применять предельно общее, но логически ясное правило. Именно этой веры в человека, его свободу и разумность нет в коммунистическом кодексе. Мы можем уверенно говорить об этом на том основании, что в МКСК нет золотого правила. Принцип «Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма» мало чем помогал человеку, которому необходимо было решить, как поступить в такой-то ситуации и что он должен делать.

Таким образом, 5% респондентов, заявивших об идентичности заповедей Библии и МКСК, следует отнести в группу тех, кто дал далекие от истины ответы.

Сложим число респондентов, ответивших «Не знаю», с теми, кто ответил невпопад. В сумме получается 85% опрошенных. Вот как они представлены в различных социально-демографических группах (табл. 19).

Выводы. Эпоха запрета на философию и этико-моральную мысль, начавшись в 1922 г., закончилась вместе с 1980-ми. В советское время очень немногие авторы сумели выпустить в свет этико-философские работы, не потерявшие значения по сегодняшний день. Среди них особое место занимают А.А. Гусейнов и Р.Г. Апресян, а также И.С. Кон, подготовивший «Словарь по этике», в который (под прикрытием штампов марксистско-ленинской идеологии) вошли статьи, донесшие до советских читателей многие этические идеи, выходящие далеко за рамки официальной доктрины.

Таблица 18

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
%	7	3	2	2	4	12	6

Таблица 19

Группа	Высшее образование	Среднее образование	До 20 лет	21–30 лет	31–40 лет	41–55 лет	Старше 55 лет
%	80	91	94	92	79	77	77

¹ Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика. М.: Гардарики, 2007. С. 72.

² Там же.

Ныне старая система идеологии демонтирована. Но следует ли забыть все, чему нас учили и во что нас заставляли верить идеологи тоталитаризма? Иными словами, способны ли мы *извлекать уроки* из собственного исторического опыта? Какое продолжение получает сегодня отказ от попыток рационально решить важнейшие этические и моральные вопросы? Осознаем ли мы положение, в котором находимся сегодня и которое определяется *прочностью антинаучных, антирационалистских традиций* в деле этико-морального познания и применения его результатов в общественно-политической сфере?

Посмотрим с этой точки зрения на результаты нашего опроса. Всего 6% респондентов в возрасте до 20 лет вспомнили 1–2 правила из МКСК. Этот показатель растет вместе с возрастом респондентов и доходит до 23% в группе старше 55 лет. Получается, что *опыт* трех поколений россиян пропал даром для тех респондентов, что родились после 1987 г. Этот опыт вряд ли может быть осмыслен и самыми старшими респондентами, так как даже те 23% опрошенных, что смогли адекватно воспроизвести моральные правила «строителя коммунизма», уже слишком немолоды для того, чтобы заниматься дальнейшим самообразованием и с новых позиций критически оценивать нравственные принципы и идеалы своей молодости.

Высшее образование помогает «вернуть» историческую память 10% респондентов: 20% опрошенных помнят отдельные правила МКСК (против 9% респондентов со средним образованием). Но и этого слишком мало. Ведь анализ «старой» ситуации, «старой» моральной концепции должен быть проведен с точки зрения «новой» моральной теории, с «новых» познавательных и идейных позиций. Если сопоставить данные 2 и 3-й частей данной работы, то выяснится, что как раз основы для критики прежней моральной концепции респонденты не имеют. Повторю, только 3 респондента знакомы с категорическим императивом Канта. С каких же позиций может быть рассмотрен (уже почти забытый) коммунистический кодекс морали?

Итак, МКСК постепенно забывается. Опыт создания и реализации коммунистической моральной доктрины большинством людей *не осмыслен*. Положительные результаты этого трагического эксперимента («непримиримость к туеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству», «скромность в общественной и личной жизни», «коллективизм и товарищеская взаимопомощь») обесцениваются (1) потерей

моральной автономии, самостоятельности и личной ответственности людей, (2) полным отсутствием навыков политической коммуникации и самоуправления, (3) некритичным принятием псевдоморальных лозунгов и отказом от рационалистской этической традиции.

Последнее кажется мне самым важным, потому что именно отказ от *критического рассмотрения* любого общественно важного вопроса (в том числе вопроса о принципах и запретах морали) приводит к деградации общественных институтов и возникновению многих проблем, на первый взгляд никак не связанных со сферой морали.

Общие выводы. 1. Большинство (80%) респондентов не способны этически рационально¹ формулировать общее правило своего поведения. Респондентам с *высшим образованием* это удается в два раза чаще (24%), чем респондентам, *не имеющим высшего образования* (14%). Таким образом, овладение специальными знаниями и научными методами может оказывать заметное влияние на этическое самоопределение респондентов.

Какие ошибки чаще всего совершают респонденты при попытке сформулировать общее этическое правило?

- Респонденты не могут отличить ситуативное правило от общего принципа (26%). Респонденты со средним образованием совершают эту ошибку в 1,3 раза чаще респондентов с высшим образованием.

- Правила формулируются абстрактно, вследствие чего они не имеют обязывающей силы и становятся попросту ненужными в тот момент, когда необходимо решить, что делать в конкретной ситуации (20%). Респонденты с высшим образованием делают это в 2 раза чаще, чем респонденты без высшего образования. Самый высокий процент абстрактных ответов в группе респондентов старше 55 лет (38%).

- Правило предписывает выбирать поступок в зависимости от того, в адрес какого человека он совершается (7%). Вместо определения собственной позиции (решения вопроса «Как мне следует поступить?») человек сосредоточивает внимание на оценке другого (решается вопрос «Какого поступка и почему заслуживает *этот человек?*»); таким образом нарушается

¹ Этически рациональным я называю такое правило, которое (а) в качестве требования обращено к самому себе; (б) применимо в любой ситуации, т. е. дедуцируемо во множество ситуативных норм; (в) имеет логическую структуру, «защищающую» правило от двойного толкования.

принцип «Не суди других, а суди себя» — принцип, действие которого ограничивается исключительно сферой этики (в отличие, например, от сферы права).

- Правила содержат ссылку на ситуацию, которая якобы автоматически определяет поступок (6%); сюда же, видимо, относятся абстрактные ссылки на «общепринятые» правила поведения и морали (еще 3%).

80% респондентов либо открыто признают свою неспособность формулировать общее правило личного поведения, либо пытаются замаскировать эту неспособность, совершая указанные выше ошибки.

2. Опрос выявил, что 86% респондентов не смогли сформулировать общий и практически применимый моральный принцип, который, по их мнению, мог бы служить ориентиром для взаимодействующих людей. Почти все остальные респонденты (13%) поставили на место морального закона золотое правило нравственности («Поступай с людьми так, как ты хотел бы, чтобы они поступали с тобой»). И хотя золотое правило еще не отвечает на вопрос «Что мы должны делать?» и мало что проясняет в ситуации, когда надо прийти к согласию «относительно того, как найти справедливое решение конфликта в области регулируемого нормами поведения»¹, следует в высшей степени позитивно оценивать тот факт, что 13% респондентов поставили на место морального закона именно золотое правило.

3. Вопрос о гомогенности способов рационализации этико-моральных представлений получает вполне определенный ответ: такой общности не обнаружено. Православная церковь, которая могла бы способствовать распространению общехристианского этического идеала, выраженного в золотом правиле, не выполняет этой миссии. В «Основах социальной концепции РПЦ»² это правило упоминается дважды: как «основополагающий принцип права» (гл. IV. Христианская этика и светское право) и как «христианский идеал поведения народа и правительства в сфере международных отношений» (гл. XVI. Международные отношения. Проблемы глобализации и секуляризма). Данные опроса коррелируют с этим. Ответы респондентов на вопрос «Откуда вы знаете золотое правило?» свидетельствуют, что только 10% из числа упомянувших это правило прямо или

косвенно связали свое знание с православной церковью. Остальные ответили, что узнали золотое правило от учителей в школе, родителей, из книг либо являются членами других конфессий.

Опрос не выявил каких-либо популярных этических идей и учений, которые оказывали бы влияние на респондентов. Исключение составляет новозаветная этика. Отдельные ее постулаты привели при ответе на первые два вопроса 6% опрошенных. В два раза реже упоминались ветхозаветные заповеди.

4. 6% респондентов принципиально отрицают возможность существования общего морального правила или закона. Эти люди не верят в разум своих сограждан, как, впрочем, и в свой собственный разум. Они, если так можно выразиться, находятся в ситуации нравственного отчаяния.

5. Преємственность в деле этического просвещения в рамках нынешней смены государственного устройства осуществить крайне трудно. Тоталитарное государство не способствовало этическому просвещению, а скорее препятствовало ему. Это выразилось в отказе признать право индивида самостоятельно принимать этические решения и определять их основания. Идея индивидуализма достойна уважения уже потому, что она создает необходимое (хотя и недостаточное) условие для выработки этической позиции. Это условие состоит в признании за каждым членом общества свободы мысли и слова, свободы совести и свободы выражения своих убеждений (Конституция РФ, ст. 28–29). Но идея индивидуализма не находит сегодня поддержки у большинства людей, поручающих свою моральную ответственность и право провозглашать этические, моральные и политические истины единственной, с их точки зрения, авторитетной инстанции — государству.

Нравственные и политические традиции, таким образом, оказываются сильнее Конституции. Преємственность заменяется инерцией, так как идеи индивидуализма и личной ответственности, равенства всех перед законом, честного соревнования в экономике и политике не находят поддержки в обществе. Приспосабливаясь к существующим условиям жизни, люди предпочитают решать свои частные проблемы в обход законов, соблюдать и совершенствовать которые гораздо сложнее, чем просто обойти их. Общее «моральное» правило, которое *негласно* признается большинством, могло бы звучать так: «1. Поступай так, как делают все: обращай внимание не на законы, а на пра-

¹ Хабермас Ю. Указ.соч. С. 18.

² Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь: сайт: Москва, 2000. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>

во сильного, потому что защита закона тебе не гарантирована. 2. Не лезь в политику, это убеждает тебя от неприятностей. 3. Используй все средства и связи для повышения своего материального благополучия — только так ты сможешь выжить. 4. Запугивание, лжесвидетельство, мошенничество и воровство допускай в тех размерах, которые приняты в твоём профессиональном сообществе».

Результаты опроса свидетельствуют о том, что основа для публичного и открытого пересмотра «морального соглашения общества» пока не создана. Этой основой, на мой взгляд, могли бы стать:

1) *новое философское образование*, добросовестно восполняющее пробелы, образовавшие-

ся в период господства марксизма-ленинизма;

2) развитие индивидуалистических тенденций, укрепляющих *идею личной ответственности* в качестве основного идеологического постулата;

3) возникновение новых *религиозно-этических движений*, целью которых будет нравственное самосовершенствование, а не укрепление бюрократической мощи церкви и государства;

4) практика *свободной политической коммуникации* и включение в список обсуждаемых вопросов вопроса о ценностях, которые легли бы в основу первой открытой «моральной конвенции» российского общества.

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС В РОССИИ: ОЖИДАНИЯ И ТРЕВОГИ

Что Вы могли бы сказать о своем настроении в последние дни?

(в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2008 март	2008 июнь	2008 сентябрь	2008 декабрь	2009 март	2009 июнь
Прекрасное настроение	12	13	11	8	8	10
Нормальное, ровное состояние	59	56	57	48	50	56
Испытываю напряжение, раздражение	23	25	25	35	34	27
Испытываю страх, тоску	5	4	4	7	6	5
Затруднились ответить	2	1	3	2	2	3

N=1600

Если у вашей семьи планы крупных покупок, то вы сейчас будете делать покупки в те сроки, в которые планировали, постараетесь поторопиться с такими покупками или, напротив, отложите их на некоторое время? (в % от числа тех, у кого есть планы крупных покупок)

Варианты ответа	2008 ноябрь	2008 декабрь	2009 февраль	2009 март	2009 апрель	2009 май	2009 июнь
Купим в запланированные сроки	34	30	27	24	22	26	31
Поторопимся с покупками	30	25	22	15	18	18	18
Отложим покупки	37	45	51	62	60	56	51

N=1600

Мария Правдина

Советское кино как объект современной культурной рецепции и зрительской привязанности

Всего за два десятилетия отношение к советскому кино в среде российских зрителей несколько раз менялось. Первая половина 90-х гг. стала для него временем забвения, когда смотреть советские фильмы оказалось совсем «немодно». Напротив, принятым, особенно в начале 90-х, стало порицать все советское, включая кино, олицетворявшее критикуемое и реформируемое прошлое. Кроме того, уже в перестроечное время у зрителя появился доступ к зарубежной кинопродукции — фильмам и теле-сериалам, привлекательность которых соответствовала общему настроению и ориентации на несветский стиль жизни.

Во второй половине 2000-х советское кино как будто переживает второе рождение, привлекая к себе внимание разных сторон. Заинтересованность обнаруживается на политическом, государственном уровне и проявляется во внимании, которое основные федеральные каналы уделяют советскому кино, особенно в дни общенациональных праздников. Яркий пример — в 2009 г. среди праздничных мероприятий, посвященных 9 Мая, едва ли не ключевым (судя по масштабу акций, рекламирующих событие) стал телепоказ двух переведенных в цвет, а изначально черно-белых советских фильмов: «В бой идут одни старики» и «Семнадцать мгновений весны».

Волна последовавших за этим событием обсуждений лишней раз проиллюстрировала и небезразличное зрительское отношение. Действительно, советские фильмы вновь востребованы зрителями, что демонстрируют и результаты массовых опросов¹, и динамика спроса на DVD-продукцию², и процессы в Интернет-про-

странстве³: появление многочисленных сайтов, ЖЖ-комьюнити и групп в «социальных сетях», посвященных советским фильмам. Отмечая интерес современных зрителей к советскому кино, нужно учитывать, что кинематограф как таковой играет важную роль в процессе конструирования образа страны и ее прошлого, формирования социальной, в том числе национальной, идентичности. За зрительской привязанностью к советскому кино — кино прошлого — стоят социокультурные процессы настоящего, которые делают советские фильмы актуальными для современного зрителя.

Кинопросмотр — социальная практика, обусловленная конкретным культурно-историческим контекстом и предполагающая ту или иную степень активности зрителя, который не является исключительно пассивным реципиентом медиасообщения, но вовлечен в процесс производства значений и культурных смыслов. Применительно к советскому кино можно говорить о том, что его просмотр сопряжен с осмыслением и соотношением видимого на экране с внеэкранной, современной зрителю действительностью, с формированием определенного взгляда на ценность и содержание советского кино, на советское прошлое, которое фильм репрезентирует.

Обращая внимание на протекающие сегодня и связанные с советским кино процессы, мы обнаруживаем несколько проблемных областей, одну из которых можем сформулировать в форме вопроса: «Чем объясняется и что означает с новой силой проявившийся и растущий интерес современных зрителей к советскому кино?» Поставленный вопрос, в конечном счете, связан с пониманием того, о каких социальных и культурных процессах современности говорит привязанность зрителей к советским фильмам. Поиск ответа предполагает исследование,

¹ По данным общероссийского опроса (объем выборки — 2500 человек), проведенного Левада-Центром в 2008 г., 60% опрошенных предпочитают смотреть по телевизору старые отечественные фильмы. Современные отечественные и современные зарубежные фильмы смотрят 54 и 44% зрителей соответственно.

² «Современные фильмы могут продаваться месяц, три, пять, а уже через полгода спрос вообще становится нулевым. А наше кино XX века имеет постоянный спрос. В целом же продажи на DVD увеличиваются», — из интервью с Виктором Рабиновым, генеральным директором компании «Крупный план», крупнейшего дистрибьютора DVD-дисков с советскими фильмами в России. URL: <http://www.close-up.ru/>

³ Несколько примеров из большого числа площадок, где проходит активное обсуждение советских фильмов, — сайт о кино и театре, www.kino-teatr.ru, сайт о российском и советском кино, www.ruskino.ru, группа «Клуб любителей советского кино», <http://vkontakte.ru/club5741> и «Энциклопедия кино», www.kinoexpert.ru.

предметом которого становится восприятие советских фильмов, или современная культурная рецепция советского кино.

Нужно сказать, что эта проблемная область остается недооцененной и практически не изученной. Сами исследователи современной рецепции кино замечают, что зрительское восприятие советских фильмов практически не подвергается проблематизации. Нам не знакомы работы, в которых предпринимается изучение современной рецепции советского кино, исключение составляет исследование Натальи Самутиной и Бориса Степанова, посвященное феномену культовости и культовому восприятию советских фильмов¹.

В данной статье речь пойдет о результатах нашего собственного исследовательского проекта «Социокультурный анализ рынка советского кино: зрительское восприятие и способы позиционирования фильмов», осуществленного в 2008–2009 гг. В фокусе исследования были как зрительские реакции и стратегии в отношении советского кино, так и действия дистрибьюторов по представлению советских фильмов на рынке DVD-продукции. Для объяснения причин зрительской привязанности к советскому кино, благодаря которой возникает значимый рыночный сегмент, мы предложили подойти к анализу рынка с позиций социологии культуры и cultural studies, в частности исследований зрительской аудитории. Таким образом, одним из предметов работы стала современная культурная рецепция советского кино. Рассмотрим выводы исследования, значимые с точки зрения того, как определяется и какими значениями наделяется советское кино сегодня, какую социокультурную функцию оно выполняет и какое место занимает в повседневности современных зрителей.

Методология исследования. Материалом для изучения зрительского восприятия послужили два источника информации. Основной — 25 полуструктурированных интервью со зрителями советского кино в возрасте от 18 до 72 лет. Среди наших респондентов 15 проживают в Москве, 6 — в Самаре и еще по 1 в Ростове-на-Дону, Саратове, Архангельске и Новосибирске. Для отбора респондентов применялось три способа: метод снежного кома, когда о новых зрителях советского кино мы узнавали от уже известных нам зрителей; поиск респондентов

¹ Самутина Н., Степанов Б. А вас, Штирлиц, я снова попрошу остаться... К проблеме современной рецепции советского кино // Неприкосновенный запас. 2009. № 3.

через Интернет-сообщества, объединяющие любителей советских фильмов (в социальной сети «ВКонтакте» и ресурсе Livejournal.com); подбор респондентов в местах продаж DVD-дисков с советским кино.

Анализ материалов интервью мы дополнили изучением зрительских комментариев и обсуждений советских фильмов, которые можно обнаружить в Интернете; ключевым ресурсом стала группа «Клуб любителей советского кино»², которая объединяет 23020 участников и отличается высокой интенсивностью обсуждения разнообразных тем, связанных с советским фильмами³.

Мы последовательно рассмотрим то, как зрители определяют советское кино; зрительские отношения с политико-идеологической составляющей фильмов; социокультурные тенденции, объясняющие современный интерес к советским фильмам; роль, которую советское кино играет как основа социальной коммуникации, а также процессы его осовременивания⁴.

Зрительское определение советского кино. Один из критериев, по которому можно дифференцировать зрителей советского кино, — это степень заинтересованности в нахождении новых для них фильмов. В зрительской аудитории выделяются как минимум две группы. Первая — те, кто сформировал набор любимых советских фильмов и избегает «новинок», не виденных ранее киноработ. Вторая — зрители, пересматривающие избранные фильмы, но также заинтересованные в открытии нового для них советского кино.

Предпочтения первой группы складываются преимущественно под воздействием телевидения: зрители называют схожие наборы любимых киноработ, которые соответствуют тем советским фильмам, что транслируют основные федеральные телеканалы. Зрители второго типа сами вовлечены в поисковую деятельность и находят новые для них фильмы в Интернете и на DVD-дисках.

² Группа в социальной сети «ВКонтакте» — <http://vkontakte.ru/club5741>.

³ Открыто 438 тем. Численность группы и число тем соответствует статистике по состоянию на 28.05.09.

⁴ Вторая часть нашего исследования, посвященная способам представления советского кино на рынке DVD-продукции и их соотношению с особенностями зрительского восприятия, остается за рамками настоящей статьи. Между тем, эта тема носит не только и не столько прикладной, маркетинговый характер, сколько позволяет обнаружить социокультурные процессы, благодаря которым актуализируется и становится востребованным советское кино.

Именно зрители, отличающиеся богатым киноопытом, затрудняются с определением советского кино, так как для них оно не представляет общей категории и распадается на отдельные типы фильмов, режиссеров, стили: «Они — реально целая эпоха, среди них можно выбрать любое на свой вкус, свое настроение. Любимое, детектив, сказка, про войну, боевик (ну, это уже к 80-м)»¹. Причем некоторые зрители крайне изобретательны в своих пристрастиях и интересуются нетривиальными сочетаниями фильмов, все из которых формально относятся к советскому кино: «Давно хотел посмотреть "Лох-повелитель воды"... Это тоже перестроечный фильм, в нем Курехин снимается... в стиле АССЫ. Есть еще фильм, который я безумно хочу посмотреть... это "Вертикаль" с Высоцким»².

Зрители, ориентированные на наиболее популярные фильмы, в меньшей степени затрудняются с ответом, представляя советское кино как фильмы 1930–1980-х гг., из совокупности которых выпадают как минимум немое советское кино и советский авторский интеллектуальный кинематограф. Меньшее внимание к кино 20-х гг. объясняется, во-первых, сравнительно небольшой известностью этих фильмов, во-вторых, тем, что немое кино, в частности советское, оказывается сложным для восприятия и, по мнению самих зрителей, требует особых навыков кинопросмотра.

Работы отдельных советских режиссеров киноведы относят к категории авторского интеллектуального кино. Эти фильмы отличает намеренно неразвлекательный характер, оригинальность режиссерского стиля, новаторство киноязыка, сложность и глубина поднимаемых вопросов³. Причины «выпадения» авторских фильмов показательны с точки зрения образа советского кино, создаваемого современными медиа. В разговоре о представителях советского авторского кино (А. Тарковском, К. Муратовой, С. Параджанове и др.) зрители, как правило, уточняют, насколько правомерно относить перечисленных режиссеров к категории советских. Затруднения связаны с пониманием того, что теперь, в современном культурном контексте, обычно подразумевают под советскими фильмами. Авторские работы выпадают из набора массово популярных и регулярно транслируемых по ТВ фильмов и мало соответствуют создаваемому в СМИ ностальгическому образу

¹ Женщина, 18 лет, неоконч. в. о., Москва.

² Мужчина, 24 года, в. о., Самара.

³ Самутина Н. Авторский интеллектуальный кинематограф как европейская идея // Киноведческие записки. 2002. № 60. С. 25–42.

советского: «...Опять же, если считать "советским" только фильмы, разобранные на цитаты ... то Муратова там лишняя»⁴.

Если на далеко не общедоступных каналах кабельного телевидения можно обнаружить разнообразное советское кино, включая редкое, то основные федеральные каналы (прежде всего, Первый канал, РТР, НТВ⁵) показывают ограниченное число одних тех же советских киноработ. Более того, уже сложился конвенциональный набор фильмов, транслируемый в дни общенациональных праздников: Новый год — «Ирония судьбы, или С легким паром!», «Иван Васильевич меняет профессию», «Карнавальная ночь», «Джентльмены удачи»; День Победы — «Офицеры», «В бой идут одни старики», «Они сражались за Родину» и др.; Восьмое марта — «Служебный роман», «Москва слезам не верит», «Любовь и голуби». Советское кино, связываемое с патриотическим и ностальгическим дискурсами, представляется как «старое доброе», просмотр которого становится опытом, объединяющим жителей страны.

* * *

Описывая свои любимые фильмы или пытаясь найти определение для советского кино в целом, зрители подчеркивают его отличительные черты. Несмотря на разнообразие оценок, можно выделить несколько типовых, наиболее часто встречающихся характеристик.

Прежде всего зрители отмечают, что советское кино «качественное», т. е. отличается своей эстетикой, художественной ценностью и содержательной глубиной, которые, в свою очередь, связываются с талантом и мастерством создателей фильмов: «Яркие персонажи, хорошие саундтреки, если предполагается юмор, то он действительно есть... талантливо как-то...»⁶.

Советские фильмы, как их описывают зрители, «добрые, наивные, "идейные". Что их объединяет? Доброта, душевность, идеализм. Да, там в основном фильмы про идеальных людей»⁷ или «...В советских фильмах часто есть какая-то идея/идеология... И, если это комедия, то всегда такая позитивная-позитивная, иногда наивная»⁸. Такие

⁴ Мужчина, 22 года, в. о., Москва.

⁵ Нужно обратить внимание на еще один федеральный канал — «Культура», который, транслируя разнообразные советские фильмы, становится своего рода исключением из числа других. Однако время транслирования советского кино приходится часто не на прайм-тайм, а на ночные и дневные часы рабочих дней или утро выходных, что, как отмечают сами респонденты, исключает из аудитории фильмов занятых в течение рабочей недели зрителей.

⁶ Женщина, 22 года, неоконч. в. о., Самара.

⁷ Женщина, 18 лет, неоконч. в. о., Москва.

⁸ Женщина, 22 года, в. о., Москва.

определения иллюстрируют гибкость и иногда противоречивость зрительского восприятия: даже критический настрой зрителя по отношению к пропагандистской функции и идеологической составляющей фильмов может сочетаться с восприятием советского кино в качестве доброго и душевного¹.

Следующее определение связано, в первую очередь, с техникой съемки и актерскими типажам. По мнению зрителей, советское кино отличается тем, что оно «*правдоподобное*», в отличие от кино голливудского, которое погружает зрителя в «глянцевый» мир. «*Оно настоящее, живое... Отличается гигантски от... американского. Там все такое детско-сказочное <...> А у нас даже самые дурацкие истории кажутся правдоподобными*»².

Советские фильмы одновременно «*ностальгические*» и «*неустаревающие*». С одной стороны, кинопросмотр связывается зрителем с различными формами ностальгии; с другой стороны, советское кино опривычивается, а его сюжеты определяются как соответствующие современному контексту.

По мнению зрителей, советское кино отличается *интеллектуальностью* и, помимо основной сюжетной линии, содержит множество деталей, на первый взгляд второстепенных, но требующих особого зрительского внимания и концентрации: тонкий юмор, оговорки, намеки. «*Их нельзя смотреть выборочно, надо вслушиваться в слова, ловить шутки, замечать детали — в них всегда есть какой-то подтекст, в котором нет сюжетного смысла*»³. Даже массово популярные советские фильмы, определенные в категорию развлекательных, могут стать объектом интеллектуальной работы в силу того, что они снимались в советских культурных и общественно-политических условиях. «*...если я хочу развлечься, я его [советское кино] смотреть не буду. Даже "С легким паром!" вызывает тяжелую рефлексию. Вряд ли это по замыслу режиссера, просто "думаешь над судьбами своей страны"*»⁴.

Степень рефлексии, как мы подозреваем, зависит от выбранной позиции, которую зритель занимает по отношению к советскому кино с учетом имеющихся знаний и убеждений об истории страны. Как мы увидим далее, зритель способен выбирать между способами

интерпретации даже «*монологических*», пропагандистских фильмов, которые, казалось бы, не предполагают двойственных прочтений.

Зрительские ожидания в отношении советского кино не исчерпываются, как демонстрируют наши интервью, телепросмотром «дежурного» набора фильмов, и восприятие не исчерпывается только готовыми схемами, связанными с образами «старого доброго кино» (хотя и они, безусловно, имеют место). Советские фильмы оказываются культурной формой, открытой для различного рода интерпретаций, ярким примером чего становится зрительское восприятие политико-идеологической составляющей фильмов.

Отношение к политико-идеологической составляющей и способы «работы» с ней. Особенности восприятия советских фильмов задаются тем, что оно происходит в контексте настоящего, т. е. зритель обладает определенным знанием о советской истории и условиях создания фильмов. Говоря о знаниях, мы имеем в виду не информированность об «объективных» исторических фактах, но набор убеждений о событиях прошлого, а также отношение к советскому кино, в частности его пропагандистской функции. В формировании подобных представлений немалую роль играют современные медиа, предлагающие зрителям разные интерпретации и оценки советской истории. В такой ситуации зритель может заблуждаться или быть предвзятым, но для нас важен сам факт, что он оценивает фильм исходя из сложившихся представлений.

Аудитория старших возрастов, знакомившаяся с советским кино еще до перестройки, признает, что общественно-политические изменения не могли не отразиться на восприятии фильмов, поскольку «*образ дедушки Ленина уже не тот, что в детстве*»⁵. Трансформация культурной рецепции — следствие переосмысления советского прошлого, которое зритель воспринимает через призму приобретенного знания. «*Сейчас...многие фильмы по-другому смотрятся, многое уже смешно, а иногда страшно — неужели мы так жили! А ведь наши матери и отцы вообще ничего другого не видели, поэтому в этом поколении так много озлобленных людей и людей с нервными заболеваниями*»⁶. Более молодые, «не-советские» поколения тоже занимают позицию осведомленного зрителя: «*Я не знаю наверняка,*

¹ К рассмотрению и объяснению этого явления мы обратимся ниже в отдельной части статьи.

² Женщина, 32 года, в. о., Москва.

³ Женщина, 32 года, в. о., Москва.

⁴ Женщина, 23 года, в. о., Москва.

⁵ Женщина, 34 года, в. о., Москва.

⁶ Женщина, 35 лет, в. о., Самара.

но думаю, что это приукрашка на 80% [сталинские мюзиклы]. Нормально, я с ней справляюсь... историю знать надо»¹.

Особый интерес представляет то, как подобная компетентность влияет на оценку советских фильмов, какую позицию занимает зритель по отношению к политико-идеологической составляющей фильмов. Реакции зрителей варьируются от сдержанно отрицательной до крайне положительной. Тот или иной характер восприятия предполагает свой набор зрительских стратегий кинопросмотра.

Признавая неизбежность политической ангажированности советских фильмов, часть зрителей сдержанно критикует явно выраженную пропаганду революционных идей и коммунистического строя. Подобная критика касается, прежде всего, фильмов сталинского периода. Распространенная в таком случае стратегия — избегание откровенно политизированного кино, что, в свою очередь, становится одной из причин, по которой фильмы, снятые в традициях соцреалистического канона, пользуются меньшим вниманием зрителей. «Любви нет, дружбы нет, переживаний нет. Одно стремление спеть или победить на конкурсе [о комедиях 30–50-х гг.] ...Да, и устаревают, наверное, революционные фильмы, потому что всерьез это уже никто не будет смотреть»².

Вторая возможная позиция — нейтральное отношение к идеологической составляющей, которое не предполагает намеренного отказа от просмотра отдельных фильмов. В такой ситуации зритель либо сознательно встает на позицию «наивного наблюдателя», чтобы попытки критического анализа не испортили удовольствия от просмотра «старого доброго кино»: «Советское — оно для души. Даже если оно наполнено идеологией, все равно есть игра актеров...»³, или же демонстрирует ненаивное понимание кинематографа в целом. Предполагая, что в любое время кино используется для поддержания текущей государственной политики, зрители замечают, что предъявлять в такой ситуации особые требования к советским фильмам бессмысленно. «Любой фильм снимается в какой-то конкретной исторической обстановке, и ее нельзя исключить. Я посмотрю на тех, кто через 20 лет будет смотреть "Ночной дозор" или "Попсы", они тоже увидят что-то инородное»⁴.

Любопытно, что при нейтральном отношении к политико-идеологической составляющей зрители могут занимать по отношению к фильму позицию исследователя, проявляющего интерес к истории политической идеологии: «Наоборот, интересно — как они себе это представляли, чего хотели. Я "Архипелаг ГУЛАГ" читала, и материалы Нюрнбергского процесса, и "Доктрину шока", поэтому спокойно интересуюсь всеми идеологиями»⁵. В таком случае нынешняя осведомленность о последствиях событий, изображенных в советском кино, делает просмотр более увлекательным: «Сейчас множество отличных фильмов на революционную тематику <...> смотрится совсем иначе, поскольку стали ясно прослеживаться дальнейшие судьбы персонажей»⁶.

Кроме того, нейтральное отношение к идеологии связано с выбором приоритетных критериев оценки, когда художественная ценность или ценность кино как источника ностальгических воспоминаний компенсирует зрительский дискомфорт от агитационной пропаганды, например, в советском киноавангарде. «"Броненосец Потемкин" ценю как великолепно сделанный фильм, особенно для своего времени...ценю как шедевр киноискусства»⁷ и «Мне кажется, повысилась адекватность восприятия. С другой стороны <...>. Воспоминания о юности перевешивают все негативные моменты»⁸.

Как иллюстрируют наши интервью, идеологическая составляющая фильмов получает и положительные оценки (что является третьей возможной реакцией). Во-первых, нельзя исключать из зрительской аудитории тех, кто разделяет социалистические взгляды. «Мне нравится советское кино своей цензурой и пропагандой!.. Цель советских фильмов — пропаганда социалистического строя. Я люблю советский период...»⁹. Во-вторых, зрителей в советском фильме привлекает искренность и идейность, даже если появление последних связано с пропагандистской функцией кино. «Люди жили своей жизнью, в свои идеалы верили, и кино про это честно снято. Очень этого всего сейчас не хватает: честности, веры в какое-то дело общее»¹⁰.

Наконец, среди зрителей выделяется категория тех, кому идеи пропаганды не только не портят кинопросмотр, но, напротив, стано-

¹ Женщина, 18 лет, неоконч. в. о., Москва.

² Женщина, 34 года, в. о., Москва.

³ Женщина, 35 лет, в. о., Самара.

⁴ Женщина, 22 года, неоконч. в. о., Самара.

⁵ Женщина, 23 года, в. о., Москва.

⁶ Мужчина, 31 год, в. о., Москва.

⁷ Женщина, 22 года, в. о., Москва.

⁸ Мужчина, 42 года, в. о., Москва.

⁹ Мужчина, 35 лет, в. о., Самара.

¹⁰ Мужчина, 31 год, в. о., Москва.

вятся особо привлекательным его элементом, поскольку чем одиознее пропаганда, тем веселее смотреть фильм. *«А еще люблю иногда посмотреть немного смешные фильмы из серии "ЖЗЛ"... В СССР снимали такие много и часто... Про ученых, композиторов, художников... Сколько в этом кино пафоса! Музыка — тревожная, взгляд главного героя — пылающий, фанатичный...»*¹

* * *

Описание того, как зрители «работают» с политической идеологией в фильмах, демонстрирует, что советское кино оставляет большой простор для интерпретаций. Зрительские стратегии оказываются гораздо богаче, чем простое неприятие пропагандистских идей, которое можно было бы предположить. Подходы к осмыслению идеологической составляющей фильмов варьируются от позиции «наивного наблюдателя» до позиции «исследователя». Кроме того, яркую пропаганду зритель превращает в основной, развлекательный элемент просмотра: сюжеты и герои, которые в современном контексте выглядят особо пафосными и абсурдными, становятся привлекательной чертой фильмов, едва ли представляющих для зрителя другую (эстетическую, ностальгическую и т. д.) ценность.

Судя по зрительским реакциям, советское кино вовсе не воспринимается отстраненно, как «музейный» объект, символизирующий прошлое. В этом смысле советский фильм представляет собой не столько объект восприятия, сколько способ «работы» с советским как таковым в современных условиях. Эта работа сопровождается как конструированием образа советского прошлого в соответствии с настоящим, так и осовремениванием советских фильмов, которое предполагает изобретение новых стратегий восприятия и интерпретационных схем. Перечисленные тенденции отражаются в том, как зрители объясняют свою привязанность к советскому кино и как смотрят советские фильмы.

Эстетика, интеллектуальность и актуальность советского кино. Внимание к советскому кино объясняется рядом причин. Дело не только в том, что зрители по-разному и с разными целями смотрят советские фильмы, но и в том, что один и тот же зритель проявляет разнообразные предпочтения.

Среди причин зрительской привязанности можно выделить как «абсолютные» свойства

¹ Женщина, 29 лет, в. о., Санкт-Петербург. Обсуждение в группе «Клуб любителей советского кино»..

советского кино, так и преимущества, которые обнаруживаются при его сравнении с зарубежным и современным российским. С точки зрения будущей (при смене поколений) востребованности советских фильмов, важно, что зрители обращают внимание, прежде всего, на эстетику фильма, художественный вкус и профессионализм создателей. Другими словами, советское кино получает высокую оценку на основе кинематографических критериев безотносительно его привлекательной «старости» или «советскости»: *«...Да, ностальгическое, но это только одна сторона медали. Вторая — это, действительно, высокое качество [советского кино]. И режиссура... подбор и игра актеров, и музыка — все на высшем уровне! Если бы не было этого, то никакая ностальгия не помогла бы»*².

Любопытно, что зрители склонны определять советское кино как интеллектуальное в целом, т. е. связывать просмотр советских, в том числе развлекательных, фильмов, с вовлеченностью зрителя в мыслительную работу. Интеллектуальность — критерий, по которому советское кино противопоставляется современному российскому: *«"Неоконченная пьеса для механического пианино", "Раба любви". Эти фильмы — "на подумать". Эти фильмы не начнешь, как "Обитаемый остров", в кино крутить»*³. Советское кино, по мнению зрителей, — это фильмы, до которых нужно дорасти и внимательное отношение к которым появляются по мере взросления: *«Пару-тройку лет назад [начал смотреть советские фильмы]. До этого эпизодически смотрел <...> наверное, стал старше, поумнел, увидел что-то, чего раньше не замечал»*⁴.

Нынешняя актуальность советского кино заключена не только в эстетике фильмов, но и в их сюжетах. В советском кино, прежде всего, мелодрамах и лирических комедиях о повседневности 1960–1980 гг. зрители независимо от возраста находят близкие себе истории и героев; в таком случае «советскость» фильма как его принадлежность прошлому нивелируется: *«Фильмы Гайдая, Рязанова, большинство фильмов о войне... "Девчата", "Дело было в Пенькове", "Родная кровь"... эти фильмы о вечном. Времена разные, разные слои общества, а проблемы, ценности одни и те же»*⁵.

Советское, голливудское и российское кино. Привлекательность и актуальность советских

² Мужчина, 26 лет, в. о., Москва.

³ Женщина, 25 лет, в. о., Москва.

⁴ Мужчина, 18 лет, с. о., Москва.

⁵ Женщина, 35 лет, в. о., Самара.

фильмов не только абсолютна, но и относительна, т. е. обнаруживается при сравнении советского кино с современным — голливудским и российским. Конец 80-х и 90-е гг., как вспоминают зрители, — это время ажиотажа вокруг зарубежной кинопродукции и абсолютного невнимания к советскому кино: «...*Был период видеосалонов, когда любое американское... смотрелось с интересом*»¹. Зрительские предпочтения определялись, прежде всего, страной производства: американские фильмы, как американские джинсы, символизировали несоветскую жизнь. Сегодня те же зрители, кто в 90-е гг. с удовольствием отказался от советских в пользу голливудских фильмов или бразильских сериалов, замечают, что, во-первых, произошло повышение зарубежным кино, во-вторых, критерии оценки фильмов вновь изменились.

Привлекательность советского кино связывается с его непохожестью на голливудскую кинопродукцию, как прежде привязанность к американским фильмам определялась их отличием от советских. Голливудское кино, воспринимаемое как глянцевоe, «слишком гладкое и сказочное», противопоставляется советским фильмам, особенно черно-белому кино оттепельного периода с его подчеркнутым субъективизмом: «*Их [голливудские] фильмы больше постановочные какие-то... Как вот есть просто хип-хоп с импровизацией, а есть стиль Л. А., где как в клипах, и все точно и одинаково под музыку все делают. У нас импровизации больше, деталей*»².

Трансформация восприятия связана также с тем, что вместо отказа от советского прошлого начинается его переосмысление, сопряженное в том числе с позитивными оценками. Кроме того, формируется более критический взгляд на современный российский контекст с его социальными, экономическими, правовыми и прочими проблемами. Как замечают сами зрители, наблюдаемое возвращение к советскому кино — это естественное развитие событий.

Внимание к советскому кино связано и с невысокой оценкой кино российского, которое хоть и является новым, но мало соответствует зрительским ожиданиям. Обнаруживается, что советские фильмы нередко воспринимаются как часть современного культурного контекста, более актуальная, чем новое российское кино: «*Отличие [от советских фильмов] в том, что в современных фильмах ставятся совсем другие проблемы, снимают иначе... К сожалению,*

¹ Мужчина, 42 года, в. о., Москва.

² Женщина, 22 года, неоконч. в. о., Самара.

вряд ли большинство фильмов, снятых сегодня, останутся "на слуху" через несколько лет»³ или «*В современном кино... не хватает напряжения и чувств, я вижу переодетых актеров, произносящих слова, а не героев происходящего*»⁴. Основные претензии к российским фильмам касаются поверхностных и неактуальных сюжетов, небрежности авторов и «чернушности» историй.

Проблема российского кино, как ее видят зрители, заключается в промежуточном положении, которое оно занимает из-за того, что продюсеры и режиссеры ориентируются преимущественно на голливудские стандарты. Результатом становится «недоголливудский стандарт», по актуальности сюжетов и мастерству создателей уступающий советским фильмам, а как зрелищное, качественно сделанное развлекательное кино «не дотягивающий» до голливудского. «*Сейчас при всех декларациях — снимают плохо и мало, пытаются в основном копировать Голливуд. Это невозможно, не те бюджеты и подготовка ...лучше смотреть настоящий Голливуд*»⁵.

Репрезентация советского прошлого и зрительский «этнографический» интерес. Принадлежность фильма прошлому тоже имеет значение. Зрительская аудитория едва ли воспринимает советское кино как источник фактической информации об истории страны, но рассматривает кинопросмотр как возможность сформировать представления о прошлом. Фильм становится источником примет времени, с помощью которых можно воссоздать не точную картину исторических событий, но повседневность и культурную среду ушедшей эпохи. Другими словами, фильм служит этнографическим материалом, а зритель как будто превращается в этнографа: «*...по фильмам [речь о кино 1960—1980 гг.] можно пронаблюдать все — как одевались, чем занимались, чем питались, как развлекались <...> Посмотреть, как было, сравнить с тем, что есть сейчас*»⁶.

Примечательно, что «этнографический» интерес проявляют не только зрители, не заставшие Советский Союз, но и те, кто лично знаком и с советским бытом, и с советской повседневностью. Зрители старших поколений говорят: «*Иногда смотрю ...какой-нибудь советский фильм, а он ...идет как документальное свидетельство исчезнувшего времени: <...> люди,*

³ Мужчина, 22 года, в. о., Москва.

⁴ Женщина, 22 года, в. о., Москва.

⁵ Мужчина, 42 года, в. о., Москва.

⁶ Женщина, 20 лет, неок. в. о., Архангельск.

вещи, города ...наблюдаю заодно, как собственное мое чувство этого времени, бывшего когда-то естественной средой обитания, постепенно "экзотизируется"»¹. По отношению к собственному опыту и знакомой в личных ощущениях культурной среде, со временем приобретающей черты экзотичности, зритель может занять позицию наблюдателя.

Не менее интересно, что речь идет не столько о воссоздании атмосферы времени, сколько в ее конструировании, которое сопровождается романтизацией отдельных черт советской жизни. На избирательное восприятие, которое позволяет создать романтизированный и наименее травматичный образ прошлого, указывают сами зрители. Рецепция трансформируется таким образом, что ностальгический характер приобретают и те аспекты советской жизни (очереди, унылые советские конторы, собрания комсомола и т. д.), что прежде вызывали стойкую неприязнь:

И.: Изменилось ли Ваше отношение к советскому кино за последние ...лет десять?

Р.: Появилась ностальгия. То, что раньше не нравилось категорически — теперь нравится, как память.

И.: А что не нравилось категорически? Что-то вроде советских магазинов и очередей, изображенных в фильме?

Р.: Да! Это тоже»².

Идеализированный образ прошлого становится объектом ностальгических воспоминаний, причем для зрителей, не обладающих личным советским прошлым, это воспоминания о «неиспытанном опыте»: «...Мне это очень интересно. Иногда что-то в фильме наводит на разговоры. Иногда прямо хочу что-нибудь, как там. Иногда даже хочу пожить в советское время»³.

Кинопросмотр и формы ностальгирования. Фильмы, будучи продуктом ушедшей эпохи, становятся также объектом ностальгирования, которое принимает различные формы: воспоминаний о детстве и молодости; ностальгии по романтизированному образу советского; тоски о времени идеальных героев и надежд на светлое будущее.

Воспоминания о времени молодости. Советский фильм как напоминание о личном прошлом имеет значение для зрителей, в сознательной жизни заставших СССР, часть биографии

которых пришлось на время, когда советское кино преобладало среди фильмов телеэфира и в репертуарах кинотеатров. Знакомство с советскими фильмами происходило в детстве и юности, и теперь для выросших зрителей эти фильмы ассоциируется со временем молодости и собственно с детством или молодостью. «Сейчас я бы посмотрел любое кино, которое мог бы вспомнить из детства, чтобы вспомнить детство»⁴. Не исключено, что особое значение как источник ностальгических воспоминаний советское кино приобретает для самых старших поколений, заставших время, когда просмотр советских фильмов занимал крайне важное место в культурном опыте советских людей: «...Все мое детство, молодость связаны с кино. Кинотеатр особое было место. Вокруг кино такая жизнь кипела! Вот по вечерам в фойе танцы, и оркестр играл, живая музыка. А если премьера ...то не протолкнуться. На один и тот же фильм по нескольку раз ходили. Каждый сеанс — событие»⁵.

Репрезентируя прошлое, советское кино не становится культурно чуждым, напротив, оно опривычивается и является для зрителей источником воспоминаний о лично пережитом опыте. «Возвращение» советского кино и восприятие его присутствия в современном культурном контексте как естественного позволяет зрителям поддержать непрерывность собственной биографии, которая в 1990-е гг. разделилась на советскую и постсоветскую части. Память о личном прошлом, как замечает Джанет Стейджер, служит интересам настоящего не в меньшей степени, чем память коллективная⁶. Как мы можем судить, советские фильмы играют роль звена, объединяющего «советский» и «современный» опыт тех, кто значимую часть сознательной жизни прожил в СССР.

Ностальгия по романтизированному образу советского. В советском кино зрители видят знаки и приметы времени, которые позволяют реконструировать детали и атмосферу советского прошлого. Поскольку зритель избирателен и сознательно фиксирует внимание на том, что связано с приятными ассоциациями, то результатом такой реконструкции становится романтизированный образ советского. Примечательно, что ностальгируют по советскому прошлому не только старшие поколения, но и те зрители, кто не застал СССР. Черпая информацию из

¹ Женщина, 43 года, в. о.; комментарий в одном из ЖЖ-блогов в ответ на вопрос о том, как и какое советское кино зрители смотрят сегодня.

² Мужчина, 42 года, в. о., Москва.

³ Женщина, 22 года, неоконч. в. о., Самара.

⁴ Мужчина, 42 года, в. о., Москва.

⁵ Женщина, 72 года, в. о., Москва.

⁶ См.: *Staiger J. Media Reception Studies*. N. Y.: New York University Press, 2005. P. 188

медиаресурсов и советских фильмов, зрители сначала формируют представление о советской жизни, а затем превращают его в объект ностальгических «воспоминаний»: «"Любовь и голуби", "Москва слезам не верит", "Дом, в котором я живу", "Весна на Заречной улице", "Летят журавли"... Хотя я не жила в том времени, но ощущение чего-то родного появляется с первых минут просмотра... Да-да ...ностальгия, точно!»¹.

Говоря о преимуществах советских фильмов, зрители сами выдвигают гипотезу о том, что ностальгия по советской кинематографической школе — это проявление ностальгии по прошлому, когда фильмы были сняты. Позитивные качества советского кино (талант, мастерство, ценности фильма, отсутствие «чернухи», интеллектуальность сюжетов) переносятся на советское время: «Мне кажется, что сейчас в основном это ностальгия по советскому прошлому. Ведь говорят же, что все плохое забывается, а все хорошее остается в памяти. Видимо, и здесь так. Кино — это хорошее»

Тоска по времени надежд. Зрители, осознающие, что советское кино, как и любое другое, не является отражением реальности и может служить политическим инструментом для ее приукрашивания, не перестают называть советские фильмы «душевными ...немного наивными, смешными, без прикрас, самое главное — искренними»². О какого рода искренности идет в таком случае речь?

В подобном восприятии фильмов проявляется ностальгирование по представлениям, которые зрители складывают о прошлом. Объектом ностальгии становится не время как таковое или его приметы, а присущее эпохе ощущение надежды и веры, с которыми, по убеждению зрителей, жили прототипы советских киногероев, т. е. наивные и искренние советские люди. В разговоре о ностальгии Дэвид Лоуэнталь приводит пример исследования, которое показывает, что американцы с ностальгической тоской вспоминают один из наиболее трудных в истории страны периодов — Великую депрессию, представляя ее как время, когда люди жили с верой в лучшее³. Так современные зрители, видевшие или имеющие представления об обратной стороне советской жизни — репрессиях, жесткой цензуре, дефиците, масштабе партийного контроля и т. д., ностальгируют не по этим событиям и сюжетам, а по состоянию надежды,

в котором, как считают зрители, жили советские люди, по их идейности и убежденности. «Каждый человек надеется на счастье — именно в советских фильмах была вера в счастье. Фильмы надо чаще показывать или снимать подобные»⁴ и «"Кубанские казаки" неплохи <...> отражают ожидания, надежды, веру послевоенного поколения в сытную мирную жизнь...»⁵.

Вопрос о степени, в которой не оправдались ожидания искренних и наивных героев и их прототипов, выносятся за скобки. Очевидно, что такая форма ностальгии не в меньшей степени связана с конструированием и идеализацией прошлого, чем ностальгия по романтизированному образу советского.

Романтизация ушедшей эпохи и особое внимание к нормативным образцам и ценностям, которые транслирует советские фильмы, свидетельствуют, по-видимому, о том, что зритель ощущает нехватку подобных образцов и идеалов в современной ему действительности, что хорошо иллюстрирует следующее высказывание: «В эпоху начала конца [вырос]. И если не брать детский период, то я глубоко ненавижу и презирал советское кино. Герои казались чуждыми и неживыми, как марсианские роботы, запрограммированные изображать людей. Было такое дикое несоответствие между тем, что показывало кино, и тем, что происходило и ощущалось вокруг, что я готов был с восторгом смотреть любой голливудский трэш. И герои там, наоборот, казались живыми и симпатичными. Теперь знаки поменялись с точностью до наоборот, потому что верить в коммунистические идеалы легко, а игнорировать окружающую реальность очень сложно»⁶. В ситуации «измененных знаков» кинообразы советского прошлого, от которого в перестроечные и 90-е гг. старательно и стремительно отказывались, превращаются теперь в некий идеал, с которым соотносится действительность.

Если ностальгия по молодости охватывает зрителей с личным советским опытом, то две другие формы ностальгирования проявляют также зрители, не жившие в Советском Союзе. Оказывается, чтобы тосковать по ушедшему времени, необязательно быть его свидетелем.

Фильм как транслятор ценностно-

⁴ Женщина, 42 года, в. о., Мурманск; обсуждение в группе «Клуб любителей советского кино».

⁵ Женщина, 27 лет, в. о., Москва; обсуждение в группе «Клуб любителей советского кино».

⁶ Мужчина, 30 лет, в. о., Нюрнберг; комментарий в одном из ЖЖ-блогов в ответ на вопрос о том, как и какое советское кино зрители смотрят сегодня.

¹ Женщина, 20 лет, неоконч. в. о., Архангельск.

² Женщина, 35 лет, в. о., Самара.

³ См.: Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. СПб.: Владимир Даль, 2004. С. 41.

нормативных образцов. Для некоторых зрителей наличие политико-идеологической составляющей в советском кино оправдано: она компенсируется тем, что в фильме появляются идеальные, искренние герои. Но и зрители, критично настроенные по отношению к пропагандистской функции кино, стараются разделять причины, по которым фильмы изобилуют идеальными героями, и содержание пропагандируемых ценностей. Зрители, таким образом, стремятся не смешивать идею и принцип ее реализации: «...Предложение воздержавшейся товарища Малаевой: жить по социалистическим советским принципам ...это совсем не плохо. Просто утопия в совке выглядела жалко»¹. Внимание к советскому кино связано с тем, что оно в концентрированном виде содержит универсальные идеалы и ценности, которые, по мнению зрителей, нечасто обнаруживаются в фильмах современных: «В них [советских фильмах] есть настоящие дружба, товарищество, подвиги, нравственность, доброта и, конечно же, любовь. В современных фильмах все эти понятия рассматриваются в другой форме»².

Такое восприятие советского кино соответствует одному из взглядов на роль кинематографа в целом. Речь идет о понимании кино как пространства для создания идеального, гармоничного и потому позитивно воспринимаемого мира как транслятора идеальных характеров и нормативных образцов. В этом случае фильм не просто может, но должен не соответствовать внеэкранной действительности: «Зачем нести на экран все черное, что человек и так видит в жизни? Мое мнение – фильм должен быть несколько абстрагирован от реальности <...> должно быть какое-то позитивное сообщение»³. Многие советские фильмы с определенной для них воспитательной и пропагандистской функцией (особенно музыкальные комедии «Большого стиля», представляющие мир праздника и благоденствия) идеально соответствуют такому пониманию роли кинематографа.

Любопытно, как советское кино реализуют свою воспитательную функцию в современном контексте. В результате даже взрослые фильмы становятся детскими. Заложенные в фильмах и намеренно упрощенные схемы различения «плохого» и «хорошего», «злых» и «добрых» структурируют и упрощают киновосприятие: «...В детстве мне нравились фильмы с пропагандой <...> Те же "Веселые ребята", например. Или

все эти колхозы, труды. Они все позитивные, и главное, там все понятно: кто плохой, а кто хороший»⁴. В восприятии детей фильмы соцреалистического канона превращаются в сказку, а сами родители рассматривают просмотр советского кино как часть процесса воспитания: «Будет [дочь] смотреть советское кино – мультики и фильмы, которые учат состраданию, что добро всегда побеждает зло и что если много работать, ты добьешься всего, что тебе надо будет»⁵.

В силу своей разнородности советское кино не в меньшей степени соответствует и другому взгляду на кинематограф – представлению о кино как о «зеркале» действительности и форме размышления над личностными и социальными конфликтами. Если идеальную картину мира изображают, прежде всего, музыкальные комедии сталинского периода, то пониманию фильма как способа проблематизации действительности отвечают, по мнению зрителей, фильмы перестроечного периода: «Игла», «Асса», «Маленькая Вера», «Интердевочка» и др.

Значение «советскости». Принадлежность фильма именно советскому кинематографу также становится его преимуществом, что проявляется в зрительских высказываниях: художественные и сюжетные достоинства кино зрители связывают с условиями его создания, с институциональным контекстом советского кинопроизводства. Причем оценки этого контекста отражают иногда не реальное знание о нем, а некоторый постоянный набор ностальгических стереотипов. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих, как зрители объясняют привлекательные черты советского фильма определенными условиями советского кинопроизводства.

Качество фильмов и плановое кинопроизводство. Отдавая должное мастерству советских актеров и режиссеров, зрители также связывают качество советских фильмов с тем, что кинопроизводство полностью финансировалось государством: «Почему сейчас хуже снимают? Мне кажется, сейчас, чтобы снять такой же фильм такого же качества, какое было в советское время, нужны совершенно другие деньги... А сейчас уже поточное производство»⁶. Согласно самой распространенной среди зрителей версии, ухудшение качества российских фильмов напрямую связано с переходом к рыночной организации кинопроизводства, при которой

¹ Из обсуждения фильма Э. Рязанова «Гараж» на сайте kinoexpert.ru.

² Женщина, 21 год, неоконч. в. о., Самара.

³ Женщина, 34 года, в. о., Ростов-на-Дону.

⁴ Женщина 25 лет, в. о., Москва.

⁵ Женщина, 28 лет, в. о., Москва.

⁶ Женщина, 30 лет, в. о., Москва.

продюсер и режиссер вынуждены руководствоваться окупаемостью, скоростью возврата инвестиций, экономией средств.

Интеллектуальность фильмов и государство-продюсер. Серьезность и важность проблем, поднимаемых в советских фильмах, связана, по мнению зрителей, с жесткой цензурой, которая отфильтровывала «глупый или пошлый юмор»: «Я думаю, что юмор был более тонкий. Была цензура. Современный юмор иного рода <...> Поэтому люди смотрят старые комедии»¹. Кроме того, интеллектуальный характер советского кино объясняется тем, что единственным продюсером и спонсором фильмов являлось государство: «Авторы не были обязаны ...думать о сборах и снимать, ориентируясь на массового зрителя. Я думаю, что *"Иваново детство"*, к примеру, сегодня снять было бы совершенно невозможно»². Последняя цитата — хорошая иллюстрация смещенных оценок, когда зрители объясняют достоинства фильма уникальными советскими условиями, вольно реинтерпретируя историю его создания и упуская из виду, что режиссер фильма (А. Тарковский) уехал из СССР именно потому, что в условиях советской цензуры и партийного контроля над кинопроизводством создание фильмов было едва возможным, превращаясь в противостояние Госкино.

«Уютное» изображение и техническая база советского кинопроизводства. Для некоторых зрителей неотъемлемая часть советского кино — дефекты пленки, «трещинки», тусклость и подрагивание изображения. Эти черты — выражение инаковости советского фильма, отличающее его от современного, «глянцевого» кино. Дефекты изображения превращаются в достоинство, олицетворяющее принадлежность советского фильма ушедшему времени, а сам фильм — в объект ностальгирования. Неслучайно зрители сравнивают советское кино со старыми фотографиями, а современные фильмы — с цифровыми: «Может быть, пленка стала лучше и эти [современные] фильмы не выглядят теперь как нечто особое. Это сложно объяснить — ну как цифровая фотография и обычная»³.

Любопытно, как в обсуждениях «советскости» фильмов проявляется гибкость восприятия: зрители манипулируют оценками советского времени, ориентируясь на контекст обсуждаемого вопроса. Так цензура как черта советской системы в целом получает крайне не-

гативные оценки, но в разговоре о современных фильмах зритель замечает: «в каких-то случаях цензура на пользу ... чернухи не было, например, такой, как сейчас»⁴. Полка, фигурирующая как часть партийной политики против талантливых режиссеров, когда «и палки в колеса постоянно ставили, и мешали работать», в другом случае наделяется позитивным значением как фильтр посредственных работ: «Сейчас делается столько мусора... В советское время они бы на полке лежали...»⁵.

Двойственное положение советского кино: опривычивание инаковости. В разговоре о рецепции советского кино обнаруживается его двойственное положение в современном культурном пространстве. С одной стороны, советский фильм привлекает интерес поскольку, будучи объектом прошлого, отличается экзотичностью и непохожестью на современное кино. С другой стороны, в старых, на первый взгляд, фильмах зрители обнаруживают актуальные для себя, не устаревающие в настоящем сюжеты. Привлекательная инаковость советского кино сочетается, таким образом, с процессом его опривычивания.

В эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» Вальтер Беньямин пишет об эффекте кинематографа: «Наши пивные и городские улицы, наши конторы и меблированные комнаты, наши вокзалы и фабрики, казалось, безнадежно замкнули нас в своем пространстве. Но тут пришло кино и взорвало этот каземат динамитом десятых долей секунд, и вот мы спокойно отправляемся в увлекательное путешествие по грудам его обломков»⁶. Советское кино предлагает зрителю подобное путешествие, увлекательность которого увеличивается в силу того, что речь идет о соприкосновении с «экзотическим», отличающимся от повседневности прошлым. Непривычным, как непривычна для молодых зрителей советская жизнь, могут быть не только сюжеты, но и форма (качество изображения, спецэффекты), которые делают советский фильм непохожим на кино современное. Даже техническая примитивность становится отличительной, а потому привлекательной, чертой.

¹ Мужчина, 58 лет, в. о., Москва.

² Мужчина, 26 лет, в. о., Москва.

³ Женщина, 30 лет, в. о., Москва.

⁴ Мужчина, 24 года, в. о., Самара.

⁵ Женщина, 22 года, в. о., Москва.

⁶ Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / Под. ред. Ю. А. Здороваго. М.: Медиум, 1996. URL: <http://www.philol.msu.ru>

«Молодежь, естественно, смотрит советские фильмы с какой-то иронией и сравнивает их с западными, во многом считает советское кино примитивным, но, тем не менее, смотрит и оно нравится!»¹ или «...Нет в них какой-то глянцеваемости и банальности... Короче всего того, что в голливудской продукции приелось»².

Однако заинтересованность зрителя в инаковости советского кино — это одна сторона медали. Как подтверждают наши интервью, зрители ищут и находят в советских фильмах актуальные для себя жизненные ситуации и близких по характеру героев. «...Вот куртки и машины другие, а мальчик девочке в любви признаться все по тем же причинам не может. Большинство из этих фильмов — о всем понятном и всегда актуальном»³. Кроме того, хотя советская культура и приобретает со временем черты экзотичности и инаковости, ее элементы сохраняются и постоянно проявляются в современной культурной среде. В том числе поэтому советское кино не представляет собой нечто культурно чуждое и не становится белым пятном на общем культурном фоне.

Включенность советского кино в контекст настоящего обнаруживается и в том, как оно становится средством коммуникации и привычным элементом повседневного социокультурного опыта зрителей.

Советский фильм как основа сегодняшней коммуникации. О роли советского фильма в повседневности зрителей можно судить и по высказываниям о том, как организуется кинопросмотр, и по мотивам покупки DVD-дисков с советскими фильмами. На нескольких примерах проиллюстрируем, каким образом советское кино становится основой социокультурной коммуникации зрителей.

Схожий киноопыт как общий бэкграунд. Для зрителей, особенно тех, кто застал Советский Союз в сознательном возрасте, привязанность к советским фильмам, их знание вплоть до отдельных сцен и цитат становится общим опытом, объединяющим таких же, как они, людей, принадлежащих «поколению 80-х», «подкованных интеллектуалов» и т. д. «"Асса" ...появился на излете СССР.. Фразочки и приколы, которые до сих пор ходят в молодежной среде. По знанию цитат можно вычислить "своих" ... из нашего поколения "восьмидесятников", из тех, кто помнит... советские кассетные магнитофоны "Электрони-

ка" с зажеванными записями Цоя, БГ и "Наутилуса". С такими быстро находится общий язык»⁴.

Семейная традиция просмотра. Советские фильмы становятся объектом семейного ритуала — совместных пересмотров, объединяющих несколько поколений. Ключевой момент подобного пересмотра — коммуникация зрителей: поскольку фильм давно знаком всем членам семьи, то значение приобретает не факт, а сам процесс кинопросмотра, который связан с общением и перерастает в немедленное обсуждение: «реакции на реплики героев, на какие-то сцены... и обсуждение потом»⁵.

За советским кино, кроме того, закрепляется важная роль в процессе воспитания детей. Родители нередко замечают, что именно советские фильмы в силу своей идеологической нагруженности, транслируют такие ценности и нормативные образцы, с которыми нужно знакомить детей.

Знакомство и поддержание отношений. Просмотр советских фильмов является частью жизненного опыта зрителей; а поскольку родители и старшие родственники знакомят детей с советскими фильмами, то подобный опыт накапливается и у поколений, не заставших СССР. Демонстрация любимых советских фильмов становится способом рассказать о собственном детстве, вкусах, опыте: «У него [мужа] есть набор любимых фильмов, которые он мне специально показывал. Например, "Мюнхгаузен", "Кин-дза-дза", "Формула любви"»⁶. Кроме того, просмотр советского фильма, превращаясь в ритуал, объединяющий зрителей, является не только способом знакомства, но и средством поддержания отношений и социальных связей: «"Калину красную" в компании... у нас традиция с однокурниками ее смотреть <...> теперь если кто к кому приезжает, всегда есть диск посмотреть»⁷.

Мотивы покупки DVD-дисков с советскими фильмами. О значении советского кино как средства социокультурной коммуникации можно судить по зрительским высказываниям о мотивах приобретения советских фильмов на DVD. Это и ритуальные пересмотры любимых фильмов в кругу зрителей-единомышленников, и дарение дисков родителям, и создание киноколлекций для приобщения детей к советскому кино, и семейные просмотры в дни общенациональных праздников. Если говорить о социокультурной функции, которая закрепляется

¹ Мужчина, 35 лет, в. о., Самара.

² Мужчина, 18 лет, с. о., Москва.

³ Женщина, 22 года, неоконч. в. о., Самара.

⁴ Мужчина, 26 лет, в. о., Москва.

⁵ Женщина, 34 года, в. о., Москва.

⁶ Женщина, 28 лет, в. о., Москва.

⁷ Мужчина, 24 лет, в. о., Самара.

за советскими фильмами в современном контексте, то коммуникационная является, по-видимому, одной из ключевых.

В формировании привязанности к советскому кино, судя по нашим наблюдениям, решающую роль играет семья — традиции семейного просмотра и рекомендации, которые старшие родственники дают младшим относительно советских фильмов. Все наши респонденты, которых можно отнести к молодому поколению, практически не заставшему СССР (младше 25 лет), отмечают, что их внимание к советскому кино сознательно привлекают родители или же, по крайней мере, толчком к появлению заинтересованности стали регулярные семейные просмотры советских фильмов по ТВ.

Изобретение интерпретаций и осовременивание советского кино. Внимание к эстетике советского кино, «этнографический» интерес, восприятие инаковости и актуальности фильмов, стремление найти в кино жизнеутверждающее сообщение или, напротив, отображение внеэкранной действительности, ностальгирование, связанное с процессом кинопросмотра, — рассмотренные нами и характеризующие привязанность к советским фильмам явления.

Восприятие советского кино — яркий пример процесса, когда советское как таковое становится объектом гибких интерпретаций и наделяется разнообразными значениями с позиций и в целях настоящего. Анализируя причины зрительского интереса к советским фильмам, мы обнаруживаем, что привязанность к советскому кино объясняется далеко не только ностальгическими чувствами вспоминающих свое прошлое или недовольных современностью «советских» зрителей. Более того, сами формы ностальгирования разнообразны, и наличие личного советского опыта не является необходимым условием их появления. Зрители демонстрируют различные реакции, а просмотр советского кино связывается с изобретением новых схем восприятия.

Одним из результатов нашего исследования стала типология зрителей, которая включает категории «исследующих» и «изобретающих альтернативные схемы восприятия». Зрители этих типов занимают по отношению к советскому кино особо активную позицию. Первые увлечены отысканием новых для себя советских фильмов и проявляют заинтересованность, которая приобретает исследовательский характер и касается периодов и жанровых особенностей советского кинематографа, роли идеологии

в кино, реконструирования культурной среды советской эпохи и т. д. Вторая категория изобретает новые способы «работы» с политико-идеологической составляющей фильма, которые позволяют в том числе в процессе игровых, ироничных пересмотров устанавливать неконфликтные, внеидеологические отношения с «советским»¹. *«Мне тоже нравятся фильмы серии "ЖЗЛ"... наивные и немного смешные в своем пафосе! Но с детства "вставляют". Например, фильм про изобретателя радио — Попова или про инженера Жуковского, а уж про композитора Глинку я вообще молчу!»*². Идеология, переведенная в иную плоскость восприятия, принимает смеховой, увеселительный характер; в результате, наличие пропаганды в фильме становится его привлекательной стороной: чем одиознее пропаганда, тем больше зрительское удовольствие.

Активность зрителей по отношению к советскому кино касается не только интерпретаций. Мы не затрагивали зрительские Интернет-стратегии, но заметим, что они разнообразны и позволяют не только смотреть и осмысливать советское кино, но и превращать его в материал собственного творчества³. «Ренессанс» советского кино, как мы наблюдаем, обеспечивается как теми зрителями, кто возвращается к просмотру советских фильмов после перерыва в 90-е, так и более молодыми поколениями, которые знакомятся с советским кино только сейчас и включаются в процесс по его трансформации и реинтерпретации.

Советское кино, таким образом, не только оставлено в прошлом как объект исторического знания и, соответственно, интересно как реликт, представляющий ушедшее время. Оно также является объектом актуального зрительского творчества в настоящем и производства самых разных новых значений.

¹ Самутина Н., Степанов Б. Указ. соч.

² Мужчина, 37 лет, в. о., Ярославль; обсуждение в группе «Клуб любителей советского кино».

³ Например, зрители советского кино сами придумывают трейлеры к советским фильмам: отбирают и монтируют кадры, накладывают современную музыку и размещают результаты на сайте youtube.com или в своих блогах (см., к примеру, трейлер «нового блокбастера "Возвращение Шурика"» <http://www.youtube.com/watch?v=llfOoUP3wZ8>).

Алексей Левинсон

К изучению феномена «закрытости»

XVII Банные чтения, проведенные журналом «Новое литературное обозрение»,
Москва, 2–4 апреля 2009 г.¹

«Новое литературное обозрение» тем сохраняет свое право зваться новым, что постоянно обновляет понятие об обозреваемом предмете. Не заводя специальных дискуссий о том, что считать в каждый данный момент литературой, журнал поступает иначе. Избираемые для рассмотрения сущности посредством самого рассмотрения и становятся «литературой», т. е., попадают на место того социального регулятора/культурного института, которым литература являлась и является.

Похоже, что только так можно поспеть за трансформациями в сферах знаковой деятельности, будь то словесность, визуальные или аудиальные специализированные практики.

Одним из способов втягивания предметов жизни в предмет журнального обозрения и обсуждения являются проводимые журналом акции, у которых есть веселое имя «Банные чтения». Как объясняют знающие люди, название пошло со времен, когда редакция НЛО находилась в Банном переулке в Москве. С тех пор состоялось ни мало ни много семнадцать таковых чтений (последние состоялись в апреле текущего года). От Больших Банных ответвились Малые и вышли за пределы Москвы. Эти события стали неременной и важной частью научной жизни, столь же российской, сколь и международной, так как спрос на знания участников этих чтений предъявляют гуманитарные институты по всему свету. При этом вряд ли много найдется вне России мест, где в такой концентрации собираются признанные эксперты по российской словесности и знатоки российской действительности. И уж точно, мало найдется таких мест и случаев в самой России. «Банные чтения» — это теперь, как говорится, бренд. Топонимия сохраняет архаические значения слов.

Имя Банного переулка отсылало к московской старине. Принятие этого имени в качестве названия ученых встреч состоялось тогда, когда в постсоветской жизни баня обрела, как и ряд других архаических институтов, более чем актуальное значение неформального, зачастую тайного собрания. Недавний российский опыт по этой части, разумеется, далеко не уникален, но это лишь увеличивает его значимость для приобщенных к нему. Демонстративная ритуальная смесь неформального и интимного с корпоративной изолированностью, известная связь с карнальным началом делали баню адекватным социальным местом для сообществ закрытого типа.

Взятая в невидимые кавычки семантика этого топоса оказалась адекватна и для сообщества, которое в данном случае — на XVII Банных чтениях — обратилось аккурат к этой теме. Антропология закрытого общества — это тема чтений и тема будущего так называемого спецномера журнала. Так, по замыслу организаторов, из НЛО, «закрытому обществу», уже взятому из онтологии в предмет антропологии, предстояло через систему стадий: доклад на чтениях — дискуссия — авторский текст — редакционная обработка — публикация в журнале — прочтение в обществе и т. д. — стать средством открытия общества.

Семнадцать докладов опирались на исследования институтов РАН, РГГУ, ГУ-ВШЭ, двенадцати университетов США, Великобритании, Германии, Швеции, Австралии, Израиля. Был также доклад от Левада-Центра. В фокусе были феномены закрытого общества в СССР — России. Для тринадцати из семнадцати докладчиков это был, можно сказать, отечественный опыт, отрефлектированный из исторического и часто географического удаления. Публика с пониманием реагировала на знакомое советское, на то, что в свое время было «просто жизнью» —

¹ Информацию о Чтениях см.: <http://www.nlobooks.ru/rus/spetsproekty/greaterbannereadingsofmagazineofufo/1283>.

карикатуры в «Крокодиле», эскапады Хрущева, порядки в буфетах ЦК КПСС. Теперь в этом открывались типологические черты «закрытого общества». Их типологическая природа прояснялась из докладов о реалиях, прежде неведомых или оценивавшихся в публике неверно.

Нашей публике свойствен патриотизм. Даже если речь идет о социальных недугах и дефектах, хочется думать, что у нас они были в наиболее тяжелых формах, потому и страдания наши были глубже, чем у прочих. В глупостях и нелепице, которые так изобильно порождает любое закрытое общество, также хочется держать первое место. Утешать может только следующее из материалов этих чтений заключение, что подобное стремление к первенству во всем или неважно в чем само по себе есть черта закрытых обществ. Это их форма соотношения себя с тем самым внешним миром, от которого они закрываются.

На чтениях была возможность сравнивать отечественный опыт с опытом других закрытых обществ. Можно заранее приготовить себя к тому, что нам, воспитанным на нашем прошлом, это все априори известно. Если нам будут рассказывать про диктатора и диктатуру, мы сразу все поймем и поймем лучше прочих. Но доклады о салазаровской Португалии и франкистской Испании застают так сориентированных слушателей врасплох. Это рассказы о том, как много имели сказать своим народам в пользу режима, который мы теперь зовем то авторитарным, то тоталитарным, правители, бывшие у власти дольше, чем Сталин, но пролившие крови несоизмеримо меньше, чем он.

Отстранение от диктатуры, противостояние ей в нашей истории и современности для многих у нас мотивируется прежде всего, а зачастую и исключительно тем, что такой режим — это репрессии, пытки и тюрьмы. Собственно, не будь этого, его остальные черты не столь уж нестерпимы, а кое в чем полезны и даже милы. Не это ли стояло за продолжавшимися несколько лет попытками сделать для России образцом так называемый «чилийский опыт»?

Прозвучавшие на Банных доклады о двух европейских диктатурах показывали, что только взгляд свободных людей способен различить, что «не так» в аргументах вождей, предлагавших своим народам разумно устроенное и по-своему уютное тоталитарное общество. О способности его обживать, находить себя в нем, так или иначе повествовали почти все доклады, посвященные отечественному опыту, а они составили половину повестки дня. В них

мы сегодняшние дивились нам вчерашним, пытались понять: как мы могли? Вернее, пытались вызвать в себе то понимание, тот строй чувств, который тогда давал возможность жить.

Полагая себя нынешних свободными людьми, мы не можем не исходить из того, что открытость, расставание с закрытым обществом, — это праздник души. Он, мы думаем, переходит в духовный подъем, за которым закономерно следует подъем, что очень приятно, экономический. Вот ценой военного поражения избавились от закрытого общества Германия и Япония. В награду каждой — экономическое чудо. На поражение мы нынешние, конечно, не согласны, но считаем себя приуроченными к свободе, а значит, и заслуживающими более удачного материального положения.

Однако два доклада об опыте Японии и японцев показывают, что, прежде чем посыплется блага и радости экономических чудес, традиционно-закрытое общество заплатит очень высокую цену за свое открытие. Много рассказали докладчики о муках японского послевоенного социума по поводу утраченного величия, о метаниях между комплексом выдуманной неполноценности и комплексом выдуманного превосходства относительно американского врага-друга. Практическая польза научных усилий, предпринимаемых организаторами и участниками Банных чтений, заключается, в частности, в том, что они показывают: то, чем болеет наше общественное мнение, обиженное на всех на свете, а более всего на США, это типичные болезни в соответствующих социальных обстоятельствах.

Организаторам чтений надо поставить далее в заслугу тот методологический принцип, который они положили в основу своей «антропологии закрытого общества». Принцип интересен для настоящих заметок, во-первых, тем, что выводит от проблематики антропологии закрытого общества к социологии такового. В исследованиях Левада-Центра, как известно читателям «Вестника», этой проблематике уделяется значительное внимание, и этой теме касался представленный от Центра доклад. Этот методологический прием, во-вторых, позволяет существенно расширить круг социальных ситуаций, квалифицируемых как «закрытые». Подход в свое время был намечен И. Гофманом, предложившим рассматривать «институты тотальности», отыскать которые можно было в самых разных обществах. Но восторжествовала в политической социологии (не говоря о публицистике) более простая манера делать по умол-

чанию единицей рассмотрения «общество», а на самом деле — государственное образование и его население, и далее считать его тоталитарным или нет в зависимости от характера политического режима. У такого подхода есть серьезные причины существовать — институты тотального свойства в силу своей природы стремятся захватить все и перерождают всю социальную ткань, занимая весь объем национального государства (и далее стремясь за его пределы). Опыт XX в. слишком много сделал для того, чтобы именно имперские либо национально-государственные формы и размерности таких феноменов, как тоталитаризм и закрытость, казались единственными, основными или наиболее опасными. Было осознано, что закрытость — это угроза обществу. Много было понято на уровне антропологии, социологии личности. Что несет закрытость общества человеку, индивиду, этот век показал сполна.

Опыт XXI столетия при всей своей краткости заставляет, как видно по результатам Чте-

ний, требовать от социологов новой зоркости, чтобы искать проявления тотальности, закрытости и им подобных социальных состояний на двух других уровнях. Один — уровень, на который выводят процессы глобализации. Из размышления над материалами Чтений ясно, что «закрытость» может парадоксальным образом выходить в открытые пространства наднациональных, международных масштабов. Динамика фундаментализма, на наших глазах рвущегося на уровень глобального процесса, это показывает со всей очевидностью. Другая действительность, где могут консервироваться, а то и развиваться новые феномены закрытости, находится на субсоциетальном уровне отдельных институтов, влагающихся в общества самых разных типов. Здесь надо научиться их видеть и изучать. XVII Банные чтения убеждают в острой необходимости такого анализа, а многими своими докладами — и в его высокой продуктивности.

АВТОРЫ НОМЕРА

БЕРЕЛОВИЧ Алексис (независимый исследователь, Рим)

ВАНЦЕВ Юрий Витальевич (средняя общеобразовательная школа «Творчество», Самара)

ГУДКОВ Лев Дмитриевич (Аналитический центр Юрия Левады)

ДУБИН Борис Владимирович (Аналитический центр Юрия Левады)

ЗОРКАЯ Наталия Андреевна (Аналитический центр Юрия Левады)

КОЛОСОВ Владимир Александрович (Институт географии РАН)

ЛЕВИНСОН Алексей Георгиевич (Аналитический центр Юрия Левады)

НИКОЛЮК Сергей Александрович (политолог, Минск)

ПРАВДИНА Мария Александровна (ГУ-ВШЭ, Москва)

ТОАЛ Джерард (Политехнический институт и университет штата Вирджиния, США)

SUMMARY

The Conditions of «the Soviet Man» Reproduction (by Lev Gudkov). One of the theoretically necessary tasks of post-Soviet society research which constitute the problem core of the research project «The Soviet Man» (1989–2009) should be considered the development of conceptual connections between the construction «Homo soveticus» and the constructions of its reproduction. The findings of empirical surveys that have been carried out during 20 years make us revise and reveal non-worked out points and weaknesses of conceptual apparatus of analysis and interpretation of the data got. One of the most important problems among them is to clarify the process of «the Soviet man» socialization, the ways in which the reproduction of this type of man is carried out in the situations of particular institutional structures decay. After a short review of the history of the question about the nature of «the Soviet man» and his ideal typical pattern in the works of Yu. Levada the author examines the structure of the concept «social institution» drawing special attention to reproduction functions of an institution and to the differences in institutional trust in Western democratic societies and in Russia where after the collapse of the Soviet system authoritarian regime has established. It is necessary to do for turning again to the problems of «the Soviet man» reproduction and peculiarities of socialization processes under post-Soviet conditions taking into account the revealed differences of formal and informal relations in post-Soviet Russia.

The North Caucasus Instability in Contemporary Russian Geopolitical Culture (by Vladimir Kolosov and Gerard Toal). A Russian and a U.S.-based political geographer explore how geopolitical cultures and traditions function in imagining and discursively framing events in specific regions within a particular state. More specifically, this paper undertakes a focused examination of competing elite storylines in Russian geopolitical culture about the North Caucasus during an eventful year (October 2005–September 2006). The paper first summarizes Kremlin, left/Communist, national-patriotic, and liberal «storylines» on the basis of a content analysis of major

periodicals representing each of these viewpoints, followed by a survey of the opinions of ordinary citizens in the North Caucasus (N = 2 000) regarding the validity of these storylines.

Vectors and Levels of Collective Identification in Today's Russia (by Boris Dubin). In the article the author gives sociological interpretation of the notions «identity» and «identification» that had started to enter the lexicon of the Russian political analysts, journalists, and politicians in the middle of the 1990-s. The author is reconstructing socio-political context of these notions actualization in Russia in comparison with their development in the USA in the 1950–1960-s (E. Erikson, T. Parsons, E. Goffman). He distinguishes temporal and spatial aspects of identification, analyzes the role of «the past» – and, in particular, the national classics, the canon – in the processes of identity construction as in particular case of collective self-classification and self-description, as well as more and more widely spreading in modern globalizing world societies and cultures without the classics. The data of sociological surveys carried out by Levada Center in 1990–2000 show that in the Russians' collective notions about themselves the minimal significance is attached to generalized universalistic meanings, to value stresses on the future and, on the contrary, retro-orientations and the tasks of demarcation from «others», «aliens», «the West» (the metaphors of «the specific way» of Russia) are maximally expressed.

The Orthodoxy of the Society without Religion (by Natalya Zorkaya). Resting on the vast body of data collected by Levada Center surveys during many years the author observes the changes in the composition of the Orthodox Russians, analyzes understanding by the masses the faith and the entire sphere of the other world, the level of participation in the life of the church communities. While in the period of reconstruction («perestroika») the growth of the number of Orthodox followers was a part of general processes of country's democratization and in Yeltsin's period it was connected with search for na-

tional identity, during Putin's rule identification with the Orthodox denomination has become a kind of a token of belonging to the State in which rhetoric the Great Power components are increasing, isolationism and xenophobia are growing. Anti-Western and anti-modern dispositions of today's Russian Orthodox Church correspond to attitudes, fears and stereotypes of the masses legitimized by Putin's power. The low share of really true Orthodox believers and their extremely weak participation in parishes' life correlate with similar low indicators of social involvement, civil participation of a post-Soviet man. During two recent decades the Church not only didn't acquire a considerable number of new Orthodox followers but even lost them. As the author shows parishioners are not the main concern of bureaucratizing Church nowadays which is demonstratively becoming closer to the State authorities and in which conservative and fundamental tendencies are prevailing.

The Lost Chance (by Alexis Berelowich). The paper dwells on the role of intelligentsia in the processes of Gorbachev's «perestroika» (reconstruction) and during the first period of Yeltsin's Presidency observing the interaction of social processes and tendencies that are traced back to pre-revolutionary Russia, Stalin's epoch, Khrushchev's «thaw», Brezhnev's stagnation, thus scrutinizing the interrelations of the Soviet and the socialist during the late stages of the USSR and after the Union disintegration. The author scrutinizes ideological positions of different fractions of the educated community (from conservative to reformative ones), the degree of their proximity to or distance from the power. The main attention in the article is paid to intelligentsia withdrawal from the most important alternative «democratic way – authoritarian way» and on their persistent counterposing the Communist danger to anti-Communist (but not always in everything democratic) opposition, and hence unconditional support for Yeltsin in his withstanding the Communists. The intelligentsia who had entered the power used to explain the failure of liberalization by the people's unpreparedness to democratic regime. The idea of a prolonged modernizational transition to the future democracy through adopted now in this or that way authoritarianism has won.

Byelorussian Mirror (by Sergey Nikolyyuk). Relying on the data of Byelorussia public opinion surveys S.Nikolyuk suggests to consider Byelorussia under A.Lukashenko leadership as an heuristic model of the processes of the Russian society development. He analyzes from this perspective the reaction of Byelorussian population to the 2008 Caucasian war and recent conflicts between Russia and Byelorus-

sia, re-orientation of Byelorussian leaders – among other reasons under the influence of world economic crisis – to rapprochement with the West («European turn»), increasing the direct foreign investments in Byelorussian economy, transition to economic liberalization («Byelorussian NEP»[New Economic Policy]) with the corresponding course to improving business climate within the country and Byelorussian image in the world public opinion («re-make of perestroika»).

«My main ethical principle» (by Yuri Vantsev). The results of interview at Moscow, Samara, Perm' are presented in the article. The target of poll (N=412) was to clear up the question about what action rules addressed by respondents to other people and what rules they put in place of moral law (general moral regulations). Also respondents was asked about of the Moral Code of the Builder of Communism matter. As positive result of poll author marks gradual increasing of number people who recognize the Golden Rule as their main ethical principle. Also author formulate the existing «moral convention» that determine the moral face of modern society.

The Soviet Cinematography as an Object of Modern Cultural Reception and Audience Attachment (by Maria Pravdina). The findings of one part of the author's culturological research project carried out in 2008–2009 are presented and interpreted in the article. Using the data of 25 semi-structured interviews with the audience of the Soviet films of various ages and social statuses in Moscow, Samara, Saratov, Rostov-on-the-Don, Archangelsk, and Novosibirsk the author analyzes the spectators' ideas about the Soviet cinema; their attitude to ideological component of the Soviet movies; the reasons for the spectators' interest to them (in comparison with Hollywood ones); the meanings of «the past» and the forms of respondents' recollections about the past, the forms of spectators' updating the past as its mastering; the role of the Soviet films in modern everyday communications of respondents.

In the section «**Scientific Life**» Alexei Levinson reports about the XVII Bannye Readings that were conducted on April 2–4, 2009 in Moscow by the journal «Novoye Literaturnoye Obozreniye» (New Literary Review) where the theme «Anthropology of the Closed Society» was discussed. At the Conference specialists from Russia, the USA, Portugal, Spain, Japan and a number of other countries presented 17 papers in which they analyzed the experience of the «closed» societies in the USSR, Portugal, Spain, Japan; the problems and difficulties of their transition from the state of «closedness».

**ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2009 год**

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 220 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

С 2009 года редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

direct@levada.ru

ORDER FORM

for 2009

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10